

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ #9 '02

ЛЁД ЖИЗНИ

ДИВОВ

ПРАШКЕВИЧ

МАРТИН

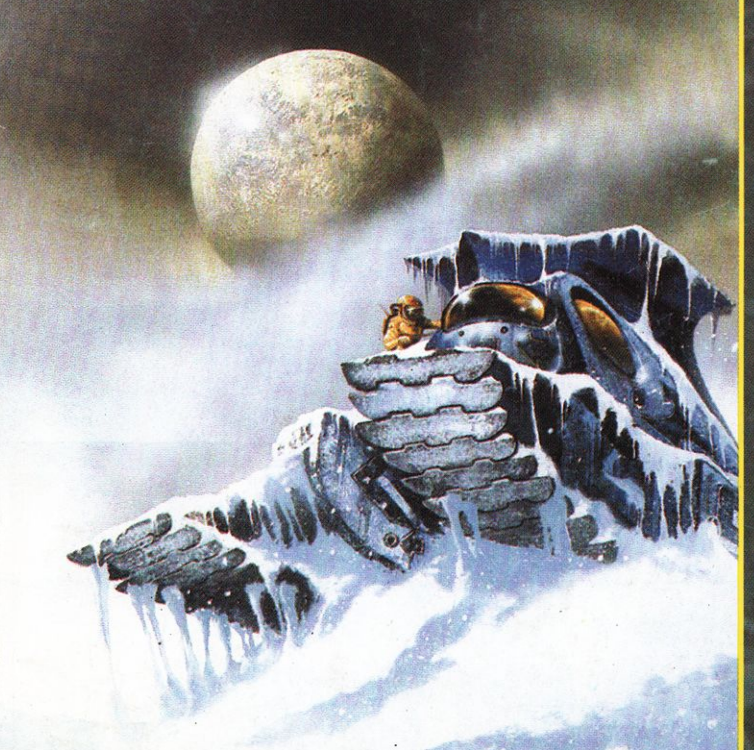
БУРКИН

БАРСОВ

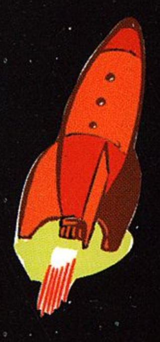
АТТАНАСИО

РЫБАКОВ

БЕРЕЖНОЙ

ПЕРЕВОДНАЯ ФЭНТЕЗИ: ЧТО ЧИТАТЬ

Относительно недавно, в одной всем известно Галактике, на планете Земля, в городе Москва, бы основан журнал фантастики «Звездная дорога». И печатал журнал рассказы и повести, интервью и рецензии – словом, все-все-все про фантастику. И поняли земляне, что это хорошо. И решили подписаться на «Звездную дорогу». Не все, правда, но самые любопытные и расчетливые. Прикинули они, что только подписка гарантирует своевременное получение замечательного журнала, а для того, кто вдали от столиц обретается, и вовсе другого выхода не нашлось. И пошли они на почту, и нашли там два каталога. Один назывался «Роспечать», и «Звездная дорога» значилась в нем под индексом 81935. Другой носил имя Объединенного каталога (зеленого цвета), и «Звездная дорога» стояла в нем под индексом 38429. Один каталог обещал почтовую доставку обычным порядком, другой – прямой рассылкой из редакции. Цены в каждом регионе были разные, и земляне смекнули, что могут выбрать самый выгодный для них вариант. И подписались они на журнал. И стали его читать. И вскоре поняли, что теперь Сила – на их стороне.

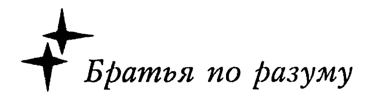
А что же вы? Подпишитесь на журнал.

И да пребудет с вами Сила!

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

журнал фантастики # 9 '02

Содержание

Главный редактор *Александр Ройфе*
Редактор *Василий Мельник*
Издатель *Игорь Огай*

Над номером работали: Алевтина Горева, Александр Набоков. **Использованы фотографии** Д.Новикова (Митрича), К.Гришина. **На обложке** – работа Т.Робертса «Проштемпелевано звездами».

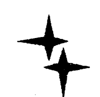
Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-3212 от 20.04.2000. Лицензия ИД № 02440 от 24.07.2000. Юридический адрес: 143400, Московская область, г. Красногорск, ул. Ленина, 53.

Почтовый адрес редакции: 143400, Московская область, Красногорск-8, а/я 105. **Тел./факс** 563-55-54. **E-mail:** zvezdoroga@yahoo.com, startrack@rusf.ru. **Интернет:** www.rusf.ru/starroad.

Подписано в печать 06.09.2002. Формат 60x88 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1500 экз. Зак. № 3179.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»: 140010, г. Люберцы, Октябрьский просп., 403. Тел. 554-21-86.

Комиссия по контактам

Не прошло и пары месяцев с момента выхода обновленной «Звездной дороги», как в редакцию начали поступать читательские письма с оценкой сделанного. Самым первым почта доставила послание московской переводчицы Натальи Свинцовой, которое мы и публикуем без каких-либо сокращений.

Дорогая редакция!
Я большая поклонница фантастики и стараюсь следить за всем, что происходит в этом жанре. С большим удовольствием прочла только что вышедший номер «Звездной дороги». Появление этого обновленного издания – факт отрадный и сам по себе, и потому, что нарушает некую монополию «Если». Бесспорно, «Если» – журнал неплохой, но мне (и не только мне) кажется, что они сейчас уже не столько любят НФ, сколько себя в ней.

Общее впечатление от «Звездной дороги» весьма благоприятное. Четко выстроены рубрики: хроника событий в мире НФ, проза (может быть, в дальнейшем будет и НФ-поэзия?), компьютерные новости и т.д. Приятно видеть узнаваемые имена: Янг и Дяченко, громко прозвучавший в последнее время Зорич, неплохо себя зарекомендовавшие Прошкин и Янковский. Янг и Дяченко, что и говорить, хороши, а вот ни Прошкин, ни Янковский мне не понравились: вещи их, на мой взгляд, вторичные, выдумкой не блещут; в определенной степени относится это и к Зоричу. Более удачным мне показался критический раздел. Здесь тоже правильно, что представлены известные имена, в первую очередь – Арбитман и Гопман. Жалко, что оба они в последнее время мало печатаются, и хорошо, что здесь они в строю. Хотелось бы только предложить, чтобы в «Содержании» в разделе «Рецензии» стояли фамилии самых значительных авторов: так читателю удобнее – видно, кто пишет в номере, а потому, быть может, и номер скорее купят. Обзор И.Черного неплох, но, помнится, Е.Харитонов писал о женщинах-фантастках поинтереснее.

Полиграфическое исполнение журнала, по-моему, заслуживает похвалы. Хорошая печать, четкие фото, рисунки, хорошая бумага – приятно номер взять в руки. Правда, картинка на обложке подкачала, по-

тому как не очень понятно, что на ней изображено. Судя по могутности фигуры, это мог быть и сам Конан, но раз написано «Конан мертв», то, значит, это может быть только его убийца – потому-то он, наверное, и отвернулся от людей после такого поступка... Впрочем, обложка, понятно, частность. Главное, что журнал заявил о себе – и сделал это очень неплохо. Семь световых лет вам «под килем»!

Комментарий главного редактора: Уважаемая Наталья! Спасибо вам за добрые слова и за критические замечания. Ваши предложения мы постараемся учесть, тем более что одно из них уже реализовано: в прошлом номере мы напечатали подборку новых стихов Евгения Лукина. Но вот за коллег из «Если» мне хотелось бы заступиться. Знаю не понаслышке, с каким пиететом они относятся к фантастическому жанру, сколь профессионально работают. У них, конечно, есть свои вкусовые пристрастия, но ведь это нормально! Ненормален монополизм одного издания, однако не будем забывать, что возник он не по чьему-то злому умыслу, к тому же сейчас ситуация совсем иная, чем несколько лет назад.

* * *

Любопытное письмо пришло в редакцию из Ленинградской области. Наш читатель Л.В., отвечая на вопросы интернет-конкурса «Звездной дороги», создал несколько стихотворных миниатюр по сюжетам произведений, напечатанных в 5—6-м номере. Не можем отказать себе в удовольствии привести первую из них:

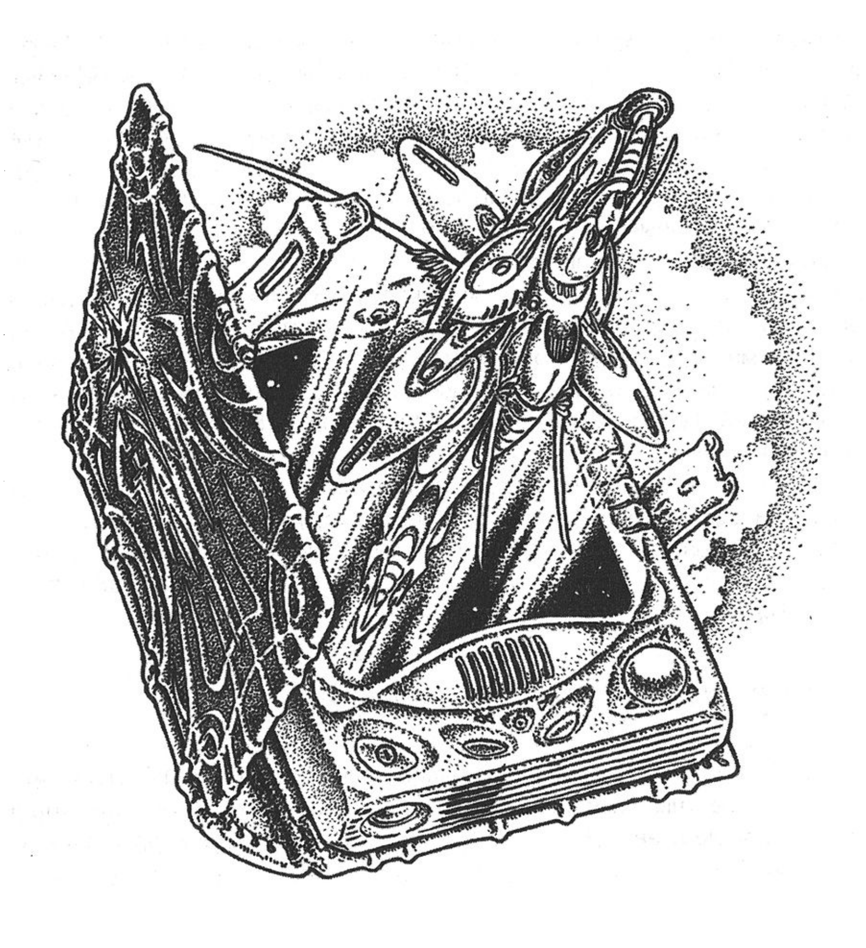
Главный герой Жени Прошкина
Видит: неладно вокруг.
Странно и страшно хорошими
Стали подруга и друг.

В ступор впадают коллеги,
Как подменили отца...
Нету покоя Олегу,
Метаморфозам – конца.

Это вторжение вируса?
Или – пришельцев? Беда...
Карпов эвакуировался,
А нам деваться куда?

Комментарий главного редактора: Спасибо, Л.В.! Порадовали! Но, дорогие друзья (это я уже обращаюсь ко всем читателям)! Нам хотелось бы большего! Мы очень ждем ваших писем, и не только о содержании журнала. Ваше мнение о том, куда дрейфует современная фантастика, – вот что нам хотелось бы знать больше всего. А за нами не заржавеет: самые интересные письма тут же напечатаем. Договорились?

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ

26–29/VII Поклонники Толкина собрались на «Мифкон»

Боулдер (шт. Колорадо). Здесь прошел 33-й «Мифкон» – литературная конференция, которую проводят поклонники творчества «инклингов» (Дж. Толкина, К.Льюиса, Ч.Вильямса), объединившиеся в Мифопоэтическое общество. Люди это по большей части серьезные – филологи, историки, поэтому научная «составляющая» их конференции всегда чрезвычайно сильна. Так, в нынешнем году «мифконовцы» обсуждали фантастический элемент в произведениях Шекспира, а также влияние классика на современную фэнтези. Собственно, место проведения форума было выбрано именно в связи с его главной темой: в те же дни в Боулдере прошел Шекспировский театральный фестиваль. А еще на «Мифконе» состоялась премьера документального фильма «Наследство “Властелина Колец”», в котором снялись многие активисты Мифопоэтического общества.

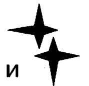
Ну и, конечно, были вручены Мифопоэтические премии, которыми отмечают художественные произведения и научные труды, поддерживающие «дух инклингов». В номинации «Фэнтези для взрослых» приз получила Лоис Макмастер Буджолд (за роман «Проклятие Чалиона» – «The Curse of Chalion»), в номинации «Фэнтези для детей» – Питер Дикинсон (за роман «Канатный мастер» – «The Ropemaker»). Лучшим исследованием творчества «инклингов» назван сборник «Легенды Толкина: Эссе по истории Средиземья» («Tolkien's Legendarium: Essays on the History of Middle-earth»), лучшей работой о мифах и фэнтези – книга Г. Рональда Мерфи «Сова, ворон и голубка: Религиозное значение сказок братьев Гримм» («The Owl, the Raven & the Dove: The Religious Meaning of the Grimms' Magic Fairy Tales»).

Остается добавить, что почетными гостями «Мифкона» были писательница Конни Уиллис и специалист по истории кельтов Алексей Кондратьев ***(«ЗД-информ»)***.

29/VII Умер Рон Валотски

Дэйтона-Бич (шт. Флорида). От почечной недостаточности скоропостижно скончался известный американский художник Рон Валотски – оформитель книг Роджера Желязны, Энн Райс, Стивена Кинга и Артура Кларка. Ему исполнилось 58 лет.

Своей профессией Валотски целиком был обязан матери. Именно она пробудила в нем интерес к рисованию и оплатила несколько уроков. А ведь

жили они в Бруклине небогато: отец Рона умер, когда он был маленьким, и матери пришлось зарабатывать на пропитание, сев за баранку грузовика... И все же «вектор движения» был задан: после обычной школы Рон поступил в нью-йоркскую Школу визуальных искусств, которую и окончил в 1966 году.

В дальнейшей его работе, словно в зеркале, отразились все актуальные художественные и социальные тенденции конца 60-х – начала 70-х. Рон Валотски рисовал постеры с Джими Хендриксом и Джимом Моррисоном, оформлял конверты пластинок для фирм «RCA» и «Polydor». Его иллюстрации печатались в эротическом журнале «Пентхаус» и в журнале комиксов «Heavy Metal».

Но главным увлечением художника с начала карьеры и до последних дней оставалась фантастика. С 1967 года он сотрудничал с «Журналом фэнтези и научной фантастики», для которого нарисовал более 50 обложек (последняя увидит свет только в декабре). А книжных обложек на его счету свыше 500! Лучшие из них, кстати, воспроизведены в альбоме «Внутренние видения: Искусство Рона Валотски», который вышел два года назад.

...Своим ученикам Валотски говорил: «Быть художником – это не вопрос выбора. Это то, что вам нужно сделать. Вам нужно выразить себя. А выразить себя наполовину невозможно». Отличный совет для всех, кто хочет чего-то добиться на творческом поприще ***(«ЗД-информ»)***.

9/VIII Канадским писателям дали по «Авроре»

Калгари. На фестивале «Con-Version» были вручены ежегодные всеканадские фантастические награды – премии «Аврора» (существуют с 1980 года). В «англоязычных» номинациях триумф ждал Джули Чернеду: ей достались награды за лучший роман («Вместе с другими» – «In the Company of Others») и лучший рассказ («Левая нога слепца» – «Left Foot on a Blind Man»). Лучшим франкоязычным романом названы «Превращения Кентавра» («Les Transfigures du Centaure») Жана-Луи Труделя, лучшим франкоязычным рассказом – «Воспоминания света» («Souvenirs de Lumiere») Даниэля Сернина. Кроме того, премии присуждены телесериалу «Подводный кошмар», журналу «Солярис» и художнику Джеймсу Бевериджу ***(«ЗД-информ»)***.

17/VIII Сайентологи назвали фантастов будущего

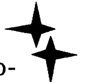
Голливуд (шт. Калифорния). В галерее Л. Рона Хаббарда прошла церемония награждения победителей конкурсов «Писатели будущего» и «Иллюстраторы будущего». Писательский гран-при получил Дилан Отто Кридер из Техаса, иллюстраторский – достался Ирене Димитровой из Болгарии. Призы вручал актер Шон Остин, сыгравший хоббита Сэма в экранизации «Властелина Колец». Заодно презентовали очередной том антологии «Писатели будущего», в который вошли произведения 17 авторов – финалистов 2002 года.

К конкурсам, которые устраивают последователи Хаббарда, можно относиться с иронией или с подозрением. Однако персональный состав жюри поневоле внушает уважение. В его «писательской» части – такие персоны, как Хол Клемент, Фредерик Пол, Джерри Пурнелл, Тим Пауэрс, Роберт Силверберг, Орсон Скотт Кард, Энн Маккефри, Чарльз Шеффилд. «Иллюстраторов» представляют Фрэнк Келли Фрис, Боб Эглтон, Фрэнк Фразетта... ***(«ЗД-информ»)***.

24/VIII Прошли Стругацкие чтения, вручена премия «Филигрань»

Москва. Здесь состоялись очередные литературные чтения памяти Аркадия Стругацкого. Вел их главный редактор журнала «Звездная дорога» Александр Ройфе. Своими воспоминаниями об Аркадии Натановиче поделились известные писатели-фантасты. Василий Головачев рассказал о нескольких встречах со Стругацким на фестивале «Аэлита», Эдуард Геворкян поведал об обстоятельствах появления термина «четвертая волна отечественной фантастики». Выступление Владимира Михайлова было спонтанным – и самым интересным. Владимир Дмитриевич рассказал о том, какую роль сыграл Аркадий Стругацкий в публикации романа «Капитан Ульдемир», какие нравы царили в литературной среде позднесоветских лет, с какими трудностями в журнале «Даугава» печаталась повесть Стругацких «Время дождя». Кроме того, прозвучали доклады редактора нового собрания сочинений братьев Светланы Бондаренко и молодого филолога Аллы Кузнецовой.

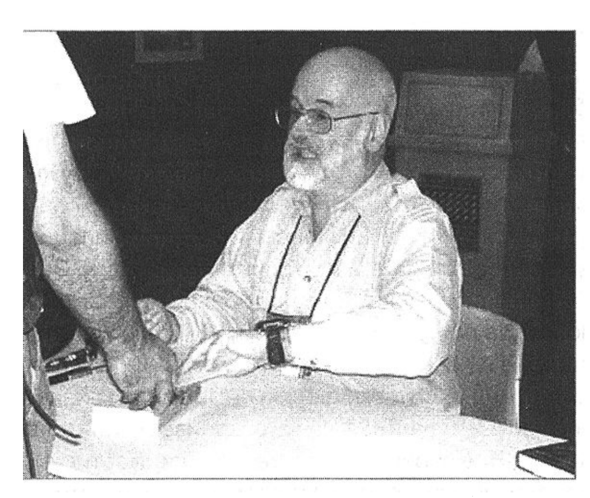
По завершении чтений прошло вручение премии «Филигрань». Ее учредили журнал «Если», издательство «Мануфактура» и интернет-альманах

«Русский удод», а присуждается она в двух номинациях по результатам голосования ведущих российских критиков. В нынешнем году «Большая Филигрань» досталась Александру Громову за роман «Крылья черепахи», «Малую» же получил Андрей Саломатов за повесть «В будущем году я стану лучше» ***(«ЗД-информ»)***.

29/VIII–2/IX В Калифорнии состоялся 60-й Всемирный конвент

Сан-Хосе (шт. Калифорния). На юбилейный Всемирный конвент научной фантастики съехалось около 4000 человек. Каждый день проходило порядка 100 мероприятий. Авторы раздавали автографы ***(на снимке это делает Терри Пратчетт)***, зачитывали отрывки из своих произведений, устраивали посиделки с поклонниками за чашечкой кофе. Кроме того, было проведено множество «круглых столов» на интересующие участников конвента темы. А темы их интересовали самые разные. Прежде всего профессиональные: обсуждалось состояние жанра в 2001 году, перспективы электронных изданий, искусство сочинения рассказов, особенности детской фантастики, принципы изображения выдуманных животных, методы создания «альтернативок», разработка инопланетных языков, юмор в фантастике и т.д. Немало внимания было уделено научным проблемам (от необходимости колонизации Марса до будущего Африки) и организационным вопросам жизни фэндома (отдельно собирались коллекционеры фэнзинов, любители йоги, почитатели оригами, авторы дневников на сайте LiveJournal.com...). Огромное количество мероприятий претендовали на звание полезных: участников конвента учили делать маскарадные костюмы любимых литературных героев, превращаться из «сов» в «жаворонков» и т.п. (в частности, нельзя не упомянуть о семинаре «Семья из двух авторов: а готовить кто будет?»).

Разумеется, были вручены многочисленные премии. Самая известная из них – «Хьюго» (присуждается по результатам голосования участников Всемирного конвента). Ее обладателями стали: Нил Гайман (за роман «Американские боги» – «American Gods»), Вернор Виндж (за повесть «Быстрые дни в Фэйрмонтской школе» – «Fast Times at Fairmont High»), Тед Чанг (за короткую повесть «Ад – это отсутствие Бога» – «Hell Is the Absence of God»), Майкл Суэнвик (за рассказ «Собака залаяла» – «The Dog Said Bow-Wow»), Рон Миллер и Фредерик Дюрант (за документальную книгу «Искусство Чесли Боунстелл» – «The Art of Chesley Bonestell»), фильм «Властелин Колец: Братство Кольца», редактор Эллен Датлоу, художник Майкл Уэлан, полупрофессиональный журнал «Locus», фэнзин «Ansible», фэн-писатель Дэйв Лэнгфорд, фэн-художник Тедди Харвиа, веб-сайт Locus Online. В рамках той же церемонии обрели своих хозяев Премия Джона Кэмпбелла (вручается лучшему новому автору – таковым объявлена Джо Уолтон) и Премия Кордвайнера Смита «Повторное открытие» (ее посмертно присудили Р.А.Лафферти).

А еще раньше прошло вручение премии художников «Чесли». Оно оказалось триумфальным для Донато Джанколы, которого наградили за лучшие обложки для изданий в твердом и мягком переплетах, за лучшую иллюстрацию к ролевой карточной игре и за заслуги в развитии жанра. Лучшей журнальной обложкой признана работа Джеймса Кристенсена, лучшей внутренней иллюстрацией – рисунок Тома Кидда. Остальными призерами стали: Энн Судворт (за картину «Снежное дерево»), снова Том Кидд (за монохромный рисунок «Миры заклинателя»), Джонна Клукас (за скульптуру «Зал царя горы»), Пол Барнетт (за работу в арт-издательстве «Paper Tiger»), Кинуко Крафт (за плакат «Валькирия»).

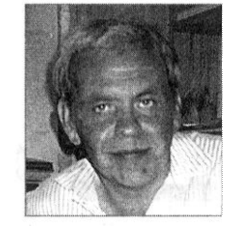
И очень коротко о прочих наградах. Премии «Прометей», которые вручаются за либертарианскую фантастику, достались Дональду Кингсбери (за роман «Психоисторический кризис» – «Psychohistorical Crisis», номинация «Роман») и Патрику Макгуэну (за сценарий фильма «Узник», номинация «Зал славы»). Премии «Окольный путь» за альтернативно-историческую фантастику присуждены Дж. Н. Строяру (за роман «Война детей» – «The Children's War», номинация «Длинная форма») и Кену Маклеоду (за рассказ «Фронт людей» – «The Human Front», номинация «Короткая форма»). Премии «Гейлактический спектр», которыми отмечают фантастические произведения для сексуальных меньшинств (есть на Всемирном конвенте и такая экзотика!), получили Хью Ниссенсон (за роман «Песня Земли») и Алексис Глинн Лэтнер (за рассказ «Родня»).

В 2003 году Всемирный конвент пройдет в канадском Торонто, в 2004-м – в американском Бостоне, в 2005-м – в шотландском Глазго ***(«ЗД-информ»)***.

ОЖЕРЕЛЬЕ МИРОВ

Сергей Барсов

ПРОДАВЕЦ ЛЬДА

Сергей Барсов родился в Нижнем Новгороде, когда этот город еще носил имя пролетарского писателя Горького и казалось, что так будет всегда. По крайней мере, на истфаке Горьковского университета, который Сергей окончил в конце 70-х, мало кто сомневался в этом. Некоторое разнообразие в размеренную жизнь провинции вносила только фантастика. Ею хотелось заниматься профессионально, и когда «дали свободу» и наступил книжный бум, Барсов посвятил себя литературной деятельности — он переводил Азимова, Брэдбери, Фармера, Хайнлайна и работал редактором в нижегородских издательствах «Флокс» и «Параллель». Сегодня Сергей Барсов является совладельцем издательства «Стеллариум» и пишет научную фантастику сам. По мнению «ЗД», получается просто замечательно.

1

Аттвуд знал, что ждет его в галерее, и все же ему сделалось не по себе. Глаза у всех «экспонатов» были закрыты, но ему все время казалось, будто они смотрят на него. Кристаллы, стоявшие поодаль, причудливо искажали и дробили гранями силуэты заключенных в них тел, и от этого землянину делалось еще хуже. Он туго завернулся в электроплащ, но так и не согрелся толком.

Особенно поразил его старик, от шеи до щиколоток обмотанный золоченой лентой, точнее, его поза: он сидел на корточках, расслабленно свесив сухие руки меж острых колен, но узкое морщинистое лицо было запрокинуто к небесам, то ли посылая им последнее проклятье, то ли взыскуя чуда и спасения.

«Ровесник мне, наверное, – подумал Аттвуд. – Посмотреть бы ему в глаза...»

Это странное чувство жалости к давным-давно погибшему старику окончательно определило его отношение и к губернаторской коллекции, и ко всем прочим.

– Пойдемте отсюда, – попросил он губернатора и, не дожидаясь ответа, пошел к выходу из галереи.

Губернатор усмехнулся и вышел следом. Миновав шлюз-тоннель, они оказались в искрящемся холле губернаторской виллы.

– Не понравилось? Наверное, в первый раз это кажется странным? – спросил наконец барон Ив д'Илэри (для друзей просто Биди), губернатор Ириса.

– Если бы только странным... – ответил Аттвуд. – Скорее отвратительным.

– Это вы еще не видели отвратительного. За отвратительным надо ехать в Столицу. Есть там один тип... Собирает обожженных, полуразложившихся, клочья разные, руки-ноги оторванные – и смеет называть себя коллекционером. Извращенец, наверное. Нормальный человек один раз заглянет в его галерею, а потом полгода лечится от неврозов. Выпить хотите? – поинтересовался барон без всякого перехода.

– Пожалуй. После вашей коллекции тоже стоит подлечиться.

– Тогда идемте в кабинет. – Биди сбросил плащ и остался в угольно-черном облегающем костюме. – Раздевайтесь, там тепло.

Рядом с просто одетым бароном Аттвуд почувствовал себя неловко – сам он вырядился по последней земной моде: жабо, кружевные манжеты, драгоценные камни.

«Странная одежда для космонавта, – подумал Биди. – Впрочем, космонавтов мы здесь не видали лет двести».

– Так что же вам не понравилось в галерее? – спросил он Аттвуда. – Формально это та же скульптура, только отлитая природой из самого совершенного материала.

– Формально – да, но ведь эта «скульптура» жила так же, как и мы...

– Лет пятьсот назад, – вставил Биди.

– ...и до сих пор кажется живой.

– А я кажусь вам злым волшебником или шефом анатомического театра?

– Нет. В анатомичке честнее: все кусочки – по полочкам и баночкам, и под каждым – невнятная латынь, это тоже отвлекает. Никто не равняет свой череп с тем, что стоит за стеклом... – Аттвуд на секунду умолк: он чуть не проговорился о странном чувстве, которое охватило

его при виде старика, заключенного в ледяном кристалле. – Мне такое «искусство» кажется симптомом глубокого кризиса.

– Полагаете, нам предстоит покатиться вниз?

– Вы уже покатились, если всерьез считаете *это* искусством.

– Бросьте. Во-первых, мы никогда не обольщались насчет уровня нашей культуры, а во-вторых, наше искусство просто непривычно для вас. Если судить по книгам, на планете-матери любое новое течение поначалу встречали в штыки.

– Да, бывало. Но мы, похоже, говорим на разных языках: вы называете *это* искусством, а я считаю, что ваши галереи не имеют к искусству ни малейшего отношения. На Земле вас считали бы вурдалаками и некрофилами.

– Так это на Земле... А здесь не стоит мыслить стереотипами: вас не поймут или, наоборот, поймут слишком буквально, и выйдет скандал. Мы здесь простые, грубые и гордые – все как один потомки первопоселенцев. Для нас наш «Ирис» то же, что для вас «Мэйфлауэр».

– Спасибо, я учту, но все же останусь при своем мнении: это не искусство.

– Ладно. Но вы хоть согласны, что ни одно общество не может жить без изобразительных искусств?

– Согласен.

– А на вашем корабле много картин?

– Полторы, не больше.

– Вот именно. – Биди поднял палец с губернаторским кольцом. – И на наших кораблях было то же самое: инструменты, машины, приборы, но ни тюбика краски и уж, конечно, ни одной скульптуры, слишком они тяжелы. Полезный вес означал по тем временам предметы, имеющие практическую ценность. Когда наши предки прилетели на Волчий Хвост...

– Волчий Хвост? – удивился Аттвуд.

– Так мы иногда называем нашу планету. Вас я должен предостеречь: от чужака наши такой фамильярности не потерпят. Говорите «Кельвин-Зеро» или, на худой конец, «Льдина». Так вот, когда они сюда прилетели, то нашли только лед, и ничего больше. Что прикажете делать? Рисовать пальцем в воздухе? А здесь, оказывается, замерз целый народ, причем мгновенно, не успев даже понять, что происходит. Поэтому скульптуры и кажутся почти живыми. Правда ведь?

– Правда, – неохотно признал Аттвуд.

– Ну так попробуйте думать об этом как о разновидности балета: ведь каждый из них застыл в своем собственном, неповторимом порыве. Кто бы их ни заморозил, мы-то освобождаем их изо льда.

– Но не до конца.

– Не до конца. И учтите еще одно: айскаттинг – общий знаменатель для всех кельвиниан. Сюда ведь прилетел сущий ковчег – американцы, китайцы, русские, прочие народности. Согласитесь, им трудно было вывезти с Земли общую культуру.

– А вы, судя по имени, француз? – спросил Аттвуд.

– Говорят, – усмехнулся барон. – Удивительно, как мои предки умудрились протащить сквозь время и космос родовое имя и титул. А может, и то, и другое – вымысел. Здесь можно было назваться хоть русским царем, хоть воплощенным Буддой.

– И все бы поверили?

– Нет, просто всем было плевать на это. Имели значение только деловая хватка, талант и знания. Правда, наша семья была в привилегированном положении: прадед почти целиком финансировал строительство «Ириса», вложил все свои деньги. То же было и с другими кораблями.

– Кстати, а почему они сели порознь, за тысячи миль друг от друга?

– Полет был долгий, шли компактной группой, капитаны вконец перессорились, вот и сели подальше друг от друга и от греха. «Шарден», например, опустился в другом полушарии, от них до сих пор нет никаких вестей. А мы, честно говоря, удивились, что ваш модуль сел у нас, а не в Столице.

– Откуда нам было знать, где у вас Столица?

– Это просто самый большой город, потому мы и зовем его Столицей. Думаю, это заметно даже с орбиты.

– Нет. С орбиты все города одинаковы.

Аттвуд тронул один из камней своего браслета, и на его гранях высветились цифры времени стандартного земного цикла.

– Уже ночь, – сказал он. – А мы еще ничего не решили.

– Здесь всегда ночь. – Биди весело посмотрел на землянина. – Интересно мы ведем переговоры: вы все пытаетесь свернуть беседу на репатриацию, а я старательно заговариваю вам зубы. Сегодня мне это удалось с блеском, правда?

– Пожалуй, – улыбнулся и Аттвуд. – Но я все же выяснил кое-что полезное для своей миссии.

– Можно ли узнать, что именно?

– Во-первых, вы очень хорошо помните планету-мать, а ведь вы – губернатор, то есть больше других озабочены именно местными проблемами. А во-вторых, вы еще не адаптировались к здешним условиям.

– Почему?

– Вы кутаетесь на морозе, как и я.

– Ну, это естественно. Я же не тюлень какой-нибудь.

– Вот вам еще одно подтверждение. Здесь ведь нет тюленей.

Биди поднял обе руки.

– Капитулирую. Давайте ваш ультиматум.

– Не говорите так: все-таки у нас дипломатические переговоры, здесь нужна точность в терминах. Скорее уж меморандум, а попросту говоря – реестр вопросов для моего рапорта.

– Давайте вопросы.

– Во-первых, что вам известно об аборигенной цивилизации?

– Почти ничего. Систематических археологических работ никто никогда не вел, да это и невозможно при такой толщине льда. Наши «старатели» то здесь клюнут, то там, никакого осмысленного порядка. Ни книг, ни карт мы пока не нашли. То же и в других городах. Погибли они, как вы уже знаете, от холода. Скорее всего, их атаковали каким-то неизвестным оружием. Мы воевали огнем, они, надо думать, холодом. Мой отец – кстати, он оставил довольно толковые заметки об аборигенах – говорил, что случилось это лет за триста до нас. Вот, пожалуй, и все. А отцовы записи я вам дам, почитайте, если хотите.

– В прошлый раз вы упомянули какие-то природные аномалии...

– Вся наша природа – сплошная аномалия: лед и ветер. Правда, лед здесь не тот, что на планете-матери, он плавится при десяти градусах по Цельсию и всегда гладкий. Если его поцарапать, царапина часа через три затягивается. Но при переплавке это свойство почему-то теряется. А что касается аномалий в нашем понимании... я знаю три, и все они рядом. Милях в сорока от Ириса есть настоящее водяное озеро, возникшее черт знает почему. Метров десять прозрачной воды в ледяном блюдце. Его называют Болотом, потому что жизни в нем никакой. Милях в пяти от него стоит Гора-свечка. Это что-то вроде ледяного фонтана: лед словно медленно вытекает из ледяной же горы. Там берет начало Стеклянная река – очень медленное ледовое течение... Давайте сделаем вот что: дня через три вернется изо льдов Оскар Пербрайт, мой старинный приятель. Я вас познакомлю, и он все вам подробно расскажет. Он полжизни провел во льдах. Зверье вас интересует?

– Конечно.

– Он и про зверье расскажет. Образцы есть в городском музее, но там они дохлые, а о повадках могут рассказать только «старатели». Если он будет в хорошем настроении, мы, возможно, уговорим его взять вас во льды.

– Нет, благодарю. Стар я, да и не желаю прикладывать руку к добыче ваших «экспонатов».

Они помолчали.

– Про репатриацию сегодня говорить будем? – спросил Биди, наполняя рюмки.

– Будем! Позавчера я только сказал, что мы готовы забрать вас отсюда, а сегодня приведу резоны. Есть у меня пара тузов в рукаве.

– Выкладывайте оба.

– Во-первых, известно, что ваши предки фактически бежали от перенаселения... и не только ваши. Звездная экспансия стала чуть ли не модой. А потом разразился так называемый ракетный кризис.

– Это что такое?

– На ваших кораблях стояли двигатели фон Цуккерна?

– Да, насколько я знаю.

– Так вот, на Земле их прозвали «разовыми». Их хватало на один-два, от силы на три перелета, потом они разрушались. Колонии, только-только отпочковавшиеся от планеты-матери, оказались в изоляции. Экспансия прекратилась почти на сто лет, пока не появились новые двигатели. Чудовищное перенаселение породило в конце концов три сокрушительные эпидемии... Землю словно вымело. Кстати, именно поэтому мы так долго крутились вокруг Кельвина-Зеро: принимали всяческие карантинные меры предосторожности. А на Земле сейчас едва наберется миллиард человек. Планете-матери нужны люди.

– Что ж, на Земле нет перенаселения, и у нас тоже нет. А все долги планете-матери наши предки оплатили, перестав дышать земным воздухом... довольно спертым, кстати сказать.

– Выслушайте и второй мой резон. Я предлагаю вам не репатриацию, а эвакуацию. Кружась вокруг Кельвина-Зеро, мы выяснили, что орбита планеты меняется. Точнее, она представляет собой не круг, не эллипс, а спираль с очень небольшим шагом. Короче, через полтораста лет на планете нельзя будет жить: температура повысится слишком быстро. Представляете, какой будет потоп?

– Да... это серьезно. Вашим расчетам можно верить?

– Можно. И расчетам, и мне. Да и вы сами можете проверить, у вас же есть обсерватории.

– Чем проверять с помощью наших ученых, лучше поверить на слово, – усмехнулся Биди. – Это серьезно, но не срочно. Тем, кто живет здесь и сейчас, ничего не грозит, и вам трудно будет сманить их на планету-мать.

– Так вы не будете им мешать?

– Ради Бога, пусть летят. Корабль сажать будете?

– Хотелось бы.

– На каких двигателях?

— На обычных, планетарных, какие были у вашего «Ириса», только числом поменьше.

— Тогда дайте мне размеры корабля и укажите, где бы вы его хотели посадить. Мы перебросим туда лучевую станцию, она очистит плешь для посадки, а то ваш корабль вмерзнет в лед, как «Ирис» в свое время.

Землянин снова взглянул на часы.

— Пора, — сказал он и поднялся.

Биди продолжал сидеть.

— Слушайте, Аттвуд, — сказал он, — меня вы уговорили легко, теперь я вас буду уговаривать. Оставайтесь у меня. Что за нужда мотаться каждый день к модулю и обратно? Вилла огромная, передатчик у нас не хуже вашего. А я покажу вам город, познакомлю с людьми. Ручаюсь, вы оцените наше ледяное гостеприимство.

— Не надо меня уговаривать, — качнул головой Аттвуд. — Я давно согласен.

— Прекрасно, — улыбнулся Биди. — Что вы предпочитаете: лечь спать или принять стимулятор и податься в город, в казино, например?

— Спать.

— Тогда давайте прогуляемся перед сном. Хотя бы вокруг дома.

Оба натянули теплые парики и маски, накинули электроплащи. Ледяные створки двери в медных рамах озарились радужным переливом и разошлись в стороны. Под черным небом было тихо, только внизу, в ледяном каньоне, глухо ворчал город Ирис. Аттвуду на мгновенье показалось, что звезды на небе — лишь отражение его огней. Местами посверкивала ажурная медная сеть, перекрывающая весь каньон.

— А что на той стороне каньона? — глухо донеслось из-под маски Аттвуда.

— Аптаун. Там живут те, для кого Ирис слишком дорог, слишком шумен или слишком скучен. Окраина, одним словом.

Они неспешно пошли по выложенной плиткой дорожке, подсвеченной ледяными фонарями. Внезапно в каньоне бесшумно полыхнул фиолетовый сполох.

— Это же бластер! — удивленно сказал Аттвуд. — Там что, немножко воюют?

Биди засмеялся.

— Боже упаси. Это работает лучевая станция, плавит лед. А переделана она, точно, из батарей бортовых бластеров.

Они свернули за угол. Биди тронул один из фонарей, и он выбросил ослепительный луч вдоль аллеи, где в два ряда стояло с полсотни ледяных фигур.

– Еще одно наше искусство, – сказал барон, – скульптура из чистого льда. Вот выспимся – покажу. Когда вам потом будут говорить «лед», вы непременно будете представлять его зеркально-гладким, хотя он бывает и шершавым, и припорошенным, и битым, и любым другим. Не бывает только горячего льда.

– Да, – эхом ответил Аттвуд, глядя на аллею.

Только потом он понял, зачем это было сказано.

2

Оскар очнулся от короткого писка локатора. Как всегда, возвращаясь знакомой дорогой, он не упускал случая поспать минуту-другую, просыпаясь, впрочем, от каждого звука, от малейшего толчка буера.

Все было в порядке: в амбразуре крыла по-прежнему блестела Ледяная звезда, а локатор пищал оттого, что засек на горизонте огромный парус пассажирского экспресс-буера. Впереди все еще мерцал его синий топовый огонь, заметно смещаясь влево – значит, экспресс шел в Столицу. Следом за синим огоньком поползла в амбразуре и Ледяная звезда. Оскар шевельнул пальцами в управляющем «кастете», фалы передали его движение рулевому лезвию, чуть шевельнулось крыло, и буер вернулся на прежний курс.

Оскар снова вздремнул, но внезапно совсем рядом, едва не попав под полозья, истошно заорала страшная, не годная даже на чучело певчая сова, падальщица. Наверное, это старый барон с поистине аристократическим юмором, который простым людям не постичь, назвал эту тварь певчей. Если бы все птичьи песни были такими, люди перевешались бы еще на планете-матери.

Оскар глянул на звезды, потом на карту: до Старой Трещины оставалось полчаса ходу. Он снова шевельнул пальцами, устанавливая парус буера ребром к ветру и одновременно задирая носок рулевого лезвия. Зубчатая пятка конька начала скрести по льду, и через пару минут мелкой тряски буер остановился.

Оскар сбросил «кастет» с пальцев, отодвинул фонарь-обтекатель, уперся руками в борта и одним прыжком выскочил на лед. На первый взгляд все было в полном порядке, но перед прыжком через Старую Трещину стоило осмотреть буер подробно, ослабить крепление ледяного балласта и обязательно проверить стопор рулевого лезвия. Бывали ухари, пренебрегавшие этим, но они остались в прошлом, на дне Старой и других трещин. Он вынул из носового гнезда фару-прожектор, подключил к поясному энергобрикету и двинулся вокруг буера, но

сначала выволок с заднего сиденья длинный меч без ножен и прицепил на пояс.

– Тоже мне, Ледовый Корсар, – усмехнулся он.

Меч очень мешал, но уж больно ловко было отбиваться им от хищных пингвинов, тем более что игломет не всегда брал их толстые шкуры.

Буер был в полном порядке, как и следовало ожидать, иначе что-нибудь непременно дребезжало бы на быстром ходу. Работы оказалось немного: ослабить рычажные фиксаторы, чтобы балласт сбрасывался мгновенно, и еще раз спокойствия ради обойти вокруг машины. Напоследок Оскар достал из-под левого налокотника узкую красную ленточку и пустил ее конец по ветру. Лента вытянулась, словно по линейке. Оскар пристально посмотрел на Ледяную звезду, отпустил свой конец, и ленточку мгновенно унесло ветром. Он в который раз подумал, что Богу ни тепло, ни холодно от такого ничтожного приношения, но обычай следовало соблюдать даже наедине с собой. Да и направление ветра не мешает лишний раз определить перед прыжком. Если разведка оказалась удачной, это еще не значит, что и дальше все будет нормально.

Когда Оскар снова забрался в кабину, снял перчатку и сунул пальцы в «кастет», снаружи заорали сразу две певчие совы.

– Чтоб вас разорвало... – пробормотал он, разворачивая парус так, чтобы Ледяная звезда пришлась на середину амбразуры, и прикидывая, какого черта здесь собралось столько этой нечисти.

Буер сразу поймал ветер и понесся, набирая скорость, по стеклянно-гладкому полю. Минут через двадцать, когда мимо промелькнула первая вешка, Оскар заметил, что кто-то проходил здесь совсем недавно: царапины на льду еще не затянулись. Может, Браконьер на промысел отправился? Но размышлять об этом было некогда – зеленые вешки мелькали теперь одна за другой по обе стороны. Миновав красные вешки, Оскар стряхнул «кастет» с правой руки, а левой до упора дернул на себя рычаг с рубчатой оранжевой рукояткой, и парус раскололся вдоль, распался на два длинных крыла. Рычаг назад – и на самом краю Старой Трещины тяжело грохнула глыба балласта, а полегчавший буер уже летел над пропастью, и Оскар с обычной неодолимой дрожью во всем теле считал мгновения полета. Он облегченно перевел дух, когда лезвия полозьев ударились о лед на другом краю расщелины, но через секунду корпус сотряс еще один удар, левое крыло отлетело к чертям, и искалеченный буер закрутился в бешеном вальсе, лишь чудом не ухнув в пропасть, а Оскара вышвырнуло из расколовшейся кабины следом за фонарем-обтекателем.

«Что?! Я же всегда здесь прыгал!» – только и успел подумать он перед ударом о лед.

Очнувшись, Оскар услышал энергичную ругань со столичным акцентом. С трудом он поднялся на ноги и попытался помотать головой.

– Слава Богу, – донеслось сзади. – А я думал, так и сдохну, не дождусь, пока ты очнешься.

Оскар обернулся. В луже заледенелой крови лежал Сова Таклтон и корчил зверские рожи. Рядом валялась кривая сабля, тоже вся в крови.

– Здорово, Сова, – пробормотал Оскар. – Хорошее местечко ты выбрал для харакири.

– Тебе все шуточки... – Сова говорил тише, чем ругался. – А я сейчас подохну.

– Раньше надо было подыхать, – сказал Оскар. – Теперь я тебя вытащу.

– На себя посмотри, – так же тихо посоветовал Таклтон.

– Успею еще. – Оскар опустился на колени рядом с раненым. – Что у тебя?

– Заливал балласт, пингвины налетели... пока отбился, они у меня фунтов пять живого мяса выдрали. Ну, и я троих положил... вон, валяются.

И верно: чуть вдалеке примерзли кровью ко льду три мохнатые кучи. Оскар плюнул в их сторону, как велел обычай, достал из аптечки на поясе вечный шприц с обезболивающим, поискал на Таклтоне живое место и прямо сквозь костюм воткнул иглу в тело. Потом достал пакет с «минуткой» и начал бинтовать сверху вниз.

Таклтон был крепким мужиком, и обычной дозы было мало, чтобы сразу нокаутировать его.

– Спасибо, Оскар, но я, наверное, все равно подохну. Прости... это о мою балластину ты расшибся. Я когда отбивался, задел рычаг, ну, она и поползла. А буер снесло прямо в трещину.

– Ладно, сочтемся. Полежи, а я пока соберу шлюпку.

– Нет... постой... послушай, пока я не свалился... Вот здесь... – Сова коснулся поясной сумки. – Завещание... Отдай дочери.

– Какой еще дочери?

– Она в городе живет. Найдешь... Отдай ей...

– Сам отдашь.

– Возьми! – Таклтон угрожающе потянулся к сабле.

– Ладно-ладно, а то еще зарубишь, как пингвина.

Оскар снял с раненого сумку и прицепил себе на пояс.

– Там... – Сова показал на сумку. – Футляр маленький... для тебя. Там кроки... как найти библиотеку... их библиотеку...

– Ну, это ты бредишь.

– Клянусь Богом, я в своем уме! Если сдохну – он твой. Только ты все равно меня вывези... не оставляй совам. Да... и отдай завещание... и спустись в могилу, чтобы все видели. И помоги Сибил...

Он заснул. Оскар разогнулся и осмотрел себя самого. Ничего утешительного: костюм сбоку разодран, рана в полдюйма шириной – наверное, разорвал о фиксатор обтекателя. Энергобрикет, слава Богу, был цел, а вот отопительные контуры костюма пообрывались, и медная проволока свисала из дыры. Возиться с отоплением было некогда, он скрутил наугад несколько проволок и заклеил поверх куском «минутки». Потом ощупал шлем. Фейсгард свезло набок, трубчатый гребень и вовсе снесло, но голова была цела. Оскар ободрал с ног измятые наколенники и поковылял к буеру.

То, что ни о каком ремонте не стоит и мечтать, стало ясно с первого взгляда. Оскар включил радиомаяк буера, достал с заднего сиденья игломет, подключил его к энергобрикету и положил на живот, на карабины.

Первый приступ слабости он ощутил, едва начав собирать шлюпку – крошечный буер из легких труб и с паршивыми коньками. Дело было плевое, и если бы не рана, Оскар справился бы за несколько минут, а тут еще засигналил энергобрикет на поясе Таклтона, и пришлось заменить его тем, который питал фару. Потом Оскар взял Сову за воротник и потянул за собой. Тут слабость накатила всерьез, и ему пришлось сесть прямо на лед.

Наконец он собрал шлюпку, взвалил на нее обмякшего Таклтона и уже собрался лечь сам, но вспомнил о рулевом коньке. Бросить его вместе с буером значило вдрызг рассориться с кузнецом Вацеком. Морщась от боли, Оскар приподнял нос буера, умудрился одной рукой отжать оба фиксатора и подобрал со льда булатное лезвие.

В конце концов он улегся на шлюпку лицом вниз, сморщился от боли, подмигнул своему отражению в ледяном зеркале, с которого ветер на мгновение смахнул пыль, дотянулся до ручки фала и рывком вздернул парус. Ко всему прочему заело топовый стопор, и пришлось злобно его дергать, пока парус не застыл, поймав ветер.

– Теперь выберемся. – Оскар толкнул локтем бесчувственного Таклтона. – Главное – не спрыгивай на ходу.

Время от времени Оскар стряхивал дурноту, задирал голову и смотрел на звезды. Добраться на шлюпке до города нечего и думать, нужно выбираться на дорогу: там есть шанс встретить экспресс, караван или муниципальный курьерский буер. И очень ему не нравилось, с каким деревянным звуком стучит о степс мачты перчатка Таклтона.

Над горизонтом замигали две новые звезды, синие.

«Везет», — подумал Оскар, намотал на раму шкот, достал из аварийной укладки сигнальные ракеты и надел одну на ствол игломета.

Судя по внушительному расстоянию между огнями штурманской и хвостовой башенок, из Столицы шел тяжелый 40-осный караван. Снова и очень не вовремя накатила проклятая слабость, и Оскар, чтобы не сомлеть, перевернулся на больной бок и в таком положении, шипя и ругаясь, дотянул-таки до дороги. Парус понес шлюпку дальше, в чистое поле — опять заело чертов стопор, — и тогда Оскар просто выдернул мачту из степса и бросил под рулевой конек. Лезвие перепрыгнуло через трубу, распахав парус, но опорные коньки споткнулись об нее, сорвали штифты и развернулись в разные стороны. Шлюпка остановилась как раз на пути огромных счетверенных катков каравана.

Первый выстрел не получился: ракета соскочила со ствола и застучала по льду, как консервная жестянка. Вторая ракета оранжевой змеей пошла прямиком под брюхо каравана: нет занятия гаже, чем лежа стрелять из игломета, а подниматься уже не было ни сил, ни времени. Последнюю Оскар нацелил почти в зенит, и на штурманской башенке каравана наконец завертелся красный прожектор. Заметили.

Караван сбросил скорость, и Оскар успел прочитать на борту огромные буквы «OLI».

«Голиаф», — подумал он, закрывая глаза.

Сова Таклтон танцевал, словно солист в Ледовом театре. Вся разница состояла в том, что он был полностью экипирован для ледового путешествия, а над головой у него вместо хрустального свода чернело небо. Движения танцора были незамысловаты, но это был именно танец, а не просто бессмысленное кружение. Музыки Оскар не слышал, сам Сова молчал, танцуя сосредоточенно, даже как-то отрешенно. И вдруг лед начал затягивать Таклтона — сначала по щиколотку, потом по колено. Сова танцевал, ничего не замечая, а лед затягивал его все глубже и глубже. Самое странное и страшное состояло в том, что подо льдом не было видно его ног, лишь колыхались два мешка пустоты, и чем глубже он погружался, тем больше становился ужасный воздушный пузырь, сохраняющий форму тела, танцующий.

«Он превращается в полостника», — наконец дошло до Оскара, и он рванулся прочь, но тут же споткнулся и полетел кубарем. Словно шар без рук и ног катился он по необъятной ледяной чаше Сухого моря, падал с обрывов и снова катился, а рядом бежала, завывая, небывало огромная певчая сова, и в конце пути — он точно знал это — его дожидался гигантский полостник с лицом Таклтона.

Слева на поясе взорвался энергобрикет, боль пронзила Оскара, запахло горелым мясом, его мясом, и огромная певчая сова набросилась на него, топорща кривые когти.

— Как же так?! Я ведь еще живой! – закричал он.

— Живой, живой, успокойся, – раздалось совсем рядом.

Оскар открыл глаза, увидел над собой забранную решеткой трехфутовую полусферу светильника и тут же вспомнил, где он и почему сюда попал.

– У вас рация работает? – спросил он неизвестно кого.

– Конечно, – с ноткой удивления ответили откуда-то справа.

– Сообщите в Ирис, что Сова Таклтон и Оскар Пербрайт умудрились угробить буера у Старой Трещины. Кстати, как он?

– Умер. Ты его вез уже мертвого. Страшная кровопотеря, ничего нельзя было сделать.

– А как я?

– Гораздо лучше. Бок разодран, возможно, сотрясение мозга. Кровь я тебе перелил, а синяки сам посчитаешь, когда будет нечего делать. Ну, и костюм, конечно, придется выбросить.

– А рубашка цела?

– Цела. Вон в углу валяется.

– Не выкидывай, она у меня счастливая.

– Как скажешь. Что еще передать в Ирис?

– Передай в контору шерифа заявку и завещание. Координаты возьми в маленьком футляре, он в поясной сумке у покойного, там же и завещание. А для себя запиши... – Оскар продиктовал врачу координаты. – Там лежат здоровенные пингвины, три штуки. Жира с них – фунтов сорок.

– Правда?! Вот спасибо!

– Тебе спасибо, – ответил Оскар и снова забылся.

3

Губернатор, встречая Аттвуда, выглядел чуть смущенным.

– Помните, я вас обещал познакомить с Оскаром Пербрайтом?

– Помню. А что случилось?

– Да ничего страшного. Он здесь, у меня, но я украл его из муниципальной больницы, и он не в лучшем виде. Бок у него распорот, сильно болит, и он от этого очень злится.

– Ведите. Не кинется же он на меня, в самом деле.

Как только Биди представил Аттвуда, Оскар спросил:

– Значит, это вы призываете нас плюнуть на все и помочь населить планету-мать?

– Не совсем так. Это планета-мать хочет спасти вас от потопа.

– Даст Бог, выплывем. Да и не доживу я до этого потопа, сколько бы ни тужился. А что мне делать на Земле? Я ведь только и умею, что лед резать.

– Льда и на Земле много, правда, возле него уже давно никто не живет: всем хватает места в теплых широтах. Вы даже представить себе не можете, как хорошо полежать голышом на солнышке.

– Да... под нашим солнышком через полчаса начнешь звенеть. А сколько народу вы сможете взять сейчас?

– Сотни две человек. У нас небольшой корабль.

– Ну, столько-то вы наберете. Есть такие: поедут в Столицу полечиться у Горячего озера – это аномалия такая, – да так там и остаются. Неохота им сюда за новыми болячками возвращаться.

– Господин Аттвуд интересуется нашими аномалиями и зверьем, – вмешался Биди.

– Ага. Ну, больших аномалий я знаю четыре: Горячее озеро в Столице, Свечку, Стеклянную реку и Старую Трещину. Вы, наверное, уже знаете, что здешний лед течет, любая царапина вскоре затягивается, а вот Старой Трещине ничего не делается. Кстати, это единственное место, где обнажена почва. Отчего возникли эти аномалии – никто не знает. Если принять гипотезу о ледяной бомбардировке, то это, наверное, эпицентры взрывов. Вам, наверное, странно слышать, как это мы, прожив здесь двести лет, ничего толком не знаем. Все очень просто: некогда было. Кто строил город из металла корабля, кто возился с гидропоникой, лучевиков нужно было много – лед плавить. Кстати, тогда и нашли первых аборигенов. Насколько я знаю, за все это время в Ирисе было всего двое ученых: покойный отец барона да мой покойный отец у него в ассистентах. Все, что они выкопали, сохранилось у нашего губернатора, – он махнул рукой в сторону Биди, – и в городском музее. А сами они поехали однажды к Болоту, хотели провести штрек под его дном, и больше их не видели...

– Вы сказали – «больших аномалий». А что, есть и другие?

– Да, но мы не любим о них упоминать. Мы называем их полостниками. Это воздушные пузыри во льду в форме человеческих тел.

– Человеческих?

– О, нет, конечно. Но вы же видели, как мы с аборигенами похожи. Если захотите посмотреть, у нашего губернатора в галерее есть один. Я и второго полостника ему привез, но он сказал, что купит его разве что на вес льда. А я ответил, что лучше уж отвезу его на луче-

вую станцию, и продал муниципальной галерее. Честно говоря, мне от них не по себе. Мне иногда кажется, что они и есть настоящие аборигены.

– Опять ты за свое. – Биди ткнул пальцем в сторону галереи. – Вон они, настоящие аборигены... свежезамороженные.

– А может, они телепортировали, и эти полости – просто их отпечатки во льду?

– Знаешь, Оскар, мне телепортировать не приходилось, но я почему-то уверен, что для этого надо как минимум быть живым. А их накрыло всех разом, и у тебя был не один случай убедиться в этом.

– А может, полостники – это их души?

– А может, пустые бутылки. Мне говорили, что-то в этом духе ляпнул однажды покойный Сова Таклтон.

– Кстати, ты не знаешь, как его звали по-настоящему?

– Арктика. Кажется, был такой штат на планете-матери. А почему его прозвали Совой?

– Так его еще в Столице прозвали. Наловчился он орать певчей совой: «Вя-а-а-а!», только еще громче.

– Вот как? Ни разу не слышал.

– А откуда тебе было слышать? В Аптаун ты ездить не любишь, а он, насколько я знаю, к тебе был не вхож. Простите, господин Аттвуд, мы отвлеклись.

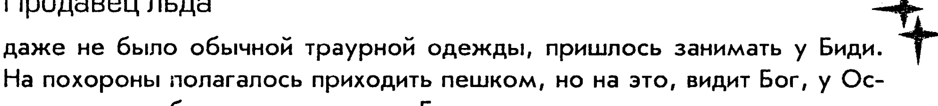
– Ничего страшного. Мне все интересно.

– Теперь о зверях. Главная зверушка – хищный пингвин. Прозвали его так за способ передвижения: он скользит на брюхе, а лапами только отталкивается. Из его жира в Столице умеют делать чудесный дамский крем. Выслеживать хищного пингвина – дохлое дело, его бьют, когда он нападает. А потом надо следить, чтобы раненого пингвина не слопали его же братишки или совы. Ну, про певчих сов вы уже знаете. Пакость мусорная. Короче говоря, пингвины жрут все живое, а певчие совы – все мертвое, тем и пробавляются. Есть еще какие-то твари, но они водятся так далеко, что туда даже караваны не доходят...

4

Приглашение, подписанное Сибил Таклтон, ни к чему не обязывало. Оскар знал, что многие, получив такое же приглашение, уберут его с глаз подальше и постараются о нем забыть.

Оскар терпеть не мог всяческие церемонии, а похороны в особенности, но долг велел выполнить последнее желание покойного. У него

даже не было обычной траурной одежды, пришлось занимать у Биди. На похороны полагалось приходить пешком, но на это, видит Бог, у Оскара еще не было сил, и тот же Биди одолжил ему свои электросани. И все равно Оскар успел только к самому концу отпевания.

Как только священник произнес последнюю фразу службы: «И в этом льду пребудешь, пока не вострубит архангел», на кладбище зазвонил колокол. Два удара... один... два... три... И снова, и снова, и снова.

Четыре автономных экзоскелетона приняли тяжелый крест черного льда – блок с вмороженным в него телом Таклтона, – и к Оскару подошла красивая девушка в похоронной фате.

– Идите рядом со мной, господин Пербрайт, – сказала она, подавая ему руку.

– За что такая честь?

– Вы спасли отца.

– Как же спас, если мы его хороним?

– В Столице говорят так.

Оскар молча поклонился и вышел из храма, держа Сибил Таклтон за руку. Он хотел было прямо здесь отдать ей завещание, но потом решил, что время еще будет.

Процессия, во главе которой решетчатые роботы несли скорбный черный блок, остановилась у могилы – вырезанного во льду креста со ступеньками в изножии. Первым в могилу спустился священник-синтетист, следом за ним прочие – творили тихую молитву, поднимались с колен и выбирались из ямы. Когда подошла очередь Оскара, ему вдруг припомнился сон, где Сова превращался в полостника. Поднимаясь, он неловко повернулся и чуть не упал – такой болью обожгло разорванный бок. Он еле выбрался наружу и уже через туман дурноты видел, как в ледяную могилу спустилась Сибил Таклтон, как она упала, раскинув руки, и как некоторое время спустя ее вынесли без чувств.

Колокол зазвонил размеренно – как только затихал один удар, его нагонял другой. Оскар не стал смотреть, как роботы опускают блок в могилу и заливают водой. Он подошел к священнику и тихо сказал:

– Я приехал на санях. Пусть ее отвезут и возвращаются за мной. Я, похоже, тоже скисну к тому времени.

Через пару минут он понял, что переоценил свои силы.

– Отговаривал я тебя, – услышал Оскар голос Биди, когда очнулся. – Хорошо повеселился?

– Как она?

– Ты имеешь в виду дочку Таклтона? Не знаю: я был в модуле у землянина, когда вас привезли. Наверное, просто обморок. А ты как?

– То же самое: просто обморок. Завтра-послезавтра вполне смогу плясать.

– Вот и хорошо. Поедешь со мной и Аттвудом в Ледовый театр.

Оскар поморщился.

– Что, компания не нравится?

– Нет... землянин, судя по всему, мужик хороший, только больно уж прямолинейный. Как ребенок, честное слово. Если на Земле все такие, то нечего нам, грешным, там делать.

– А чего же кривишься?

– Я хотел сходить посмотреть на лучевую станцию, да и в мастерской, наверное, все растаяло.

– С чего бы? А насчет станции одно скажу: скучно развлекаешься.

– А мне в городе вообще скучно, господин барон. Все дело в скорости и пространстве: во льдах я летаю, а по городу приходится ползать. Да и какие здесь развлечения? В театре я бы с удовольствием спал, да музыка мешает. В казино – те же хищные пингвины, только в другой шкуре, а в ресторане на меня смотрят так, будто я голый. До сих пор не пойму, то ли я местная знаменитость, то ли у меня ширинка расползается.

– Скорее первое. Что они, ширинок не видели?

– Нет, барон, знаменитость у нас ты. Твоя милость и в Столице не затеряется. А на меня они пялятся так же, как пялились бы на певчую сову, если бы ее кто-нибудь притащил. Так и тянет заехать бутылкой в зеркало. Другое дело на станции – тишина и красота, ручейки журчат, радуги.

– Ну, если ты так любишь ручейки, желаю тебе дотянуть до оттепели, о которой толкует Аттвуд.

– Упаси Бог.

Биди помешкал.

– Ты как, на ноги подняться можешь?

– Вполне. Ноги у меня целые.

– Тогда давай сходим в мою галерею.

– А чего я там не видел? У тебя же почти все глыбы моей работы.

– Есть кое-что новенькое. Сегодня разгрузили последнюю секцию «Голиафа», и там оказался контейнер для меня – из столичной галереи. Честно говоря, я ждал его только со следующим караваном, но они успели к этому рейсу. Пошли, распакуем.

В галерее, прямо в проходе, стоял новый блок, укутанный в блестящую пленку. Биди срезал пломбы, осторожно распустил ремни и стянул пленку, открывая белый пластиковый куб.

– Жак, подойди! – крикнул он, и из кейсбокса у входа медленно

двинулся к нему блестящий экзоскелетон. – Контейнер. Разбери, – велел Биди, когда тот наконец приблизился.

Механизм раздвинул «руки», прижался к одному из ребер куба, взялся за два других, сжал манипуляторы и отступил. Куб распался, открыв ледяной кристалл с двумя фигурами внутри. Мужчина и женщина в облегающих полосатых одеждах стояли рядом, держась за руки.

Оскар медленно обошел кристалл вокруг.

– По каталогу выписал? – спросил он губернатора.

– Да, от Дмитрича. – Биди показал на клеймо.

– Вижу. Заплатил уже?

– Еще нет. А в чем дело?

– Докатился Дмитрич, новоделы продает. – Оскар показал на внешне безупречной глыбе несколько белесых точек, изобличавших использование просветлителя.

– А ты, значит, новоделы презираешь?

– Почему же? Ты вот что пойми: творить новоделы – это одно, а покупать – совсем другое. К тому же у меня новодел новоделом и называется, а иной продает его за антик...

– Что же мне делать?

– Еще заметь: эта парочка смотрится только спереди, а сзади лед огранен под бриллиант. Уж если творишь новодел, так пусть он смотрится со всех сторон, даже с нижнего торца.

– Я тебя спрашиваю, что мне делать?

– Можешь оставить у себя. Кроме нас с тобой, никто этого не заметит. Разве что шерифов сынок, он лед прямо чувствует, даром что сопляк еще. А лучше – заплати караванщикам, и пусть они везут его назад, а Дмитричу напиши, что собираешь, мол, только антики, а если вдруг понадобится новодел, то Оскар Пербрайт сделает и быстрее, и дешевле, и лучше.

– Это уж точно. Они у тебя как живые.

– А если они и впрямь живые?

– Брось бредить. Вредно тебе ходить на похороны.

– Это ты прав... насчет похорон.

Оскар продремал почти все представление. Зато землянин не отрывал взгляда от плавно изогнутых террас сцены.

Особенно увлек его танец, изображающий схватку с хищными пингвинами. Человек в прозрачном плаще выписывал на ледяной террасе причудливые траектории, но это можно было наблюдать и на Земле, а вот танец актеров, одетых в шкуры пингвинов, был совершенно необычен. Быстрее молнии метались они по сцене, искусно прыгая с одной

террасы на другую, уворачивались от резких выпадов и сияющих радуг двух серебряных мечей. Больше всего землянина удивило, что на ногах артистов не было ни коньков, ни полозьев, ни обуви.

– На чем они катаются?

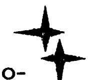
– На собственной коже, – очнувшись, ответил Оскар. – Она у них вроде протекторов у каравана, разве что рисунок другой. А пингвины у них здорово получились: именно так, стрелой, они и кидаются, но в любой момент могут увернуться, гады.

В финале человек упал на туши «пингвинов» в одиноком луче синего прожектора, раскинув руки с мечами. Потом лед просцениума подсветился шахматными клетками, и по аппарелям, обтекающим террасы сцены, на нее бесшумно скользнули большие ледяные кристаллы. Оба раскрылись, и тут Оскар проснулся окончательно – в одном из них стояла, закрыв глаза, Сибил Таклтон. В другом кристалле находился молодой человек хрупкого телосложения. С первыми тягучими нотами их глаза медленно раскрылись, и они, словно сомнамбулы, сошли со своих ледяных пьедесталов. Из ложи ближнего яруса Оскар хорошо видел, что глаза у Сибил мутны и невыразительны, как после долгого сна. В музыку вплелся гулкий шепот, эхо повторяло каждую фразу, словно в огромной пещере. Глаза Сибил и ее партнера прояснились, артисты повернули головы сначала в одну сторону, потом в противоположную, наконец встретились взглядами и двинулись друг другу навстречу. Их рукам не хватило пары дюймов, чтобы соединиться. Музыка набирала темп, ожили лучи прожекторов, шепот перешел в пение, но танцоры все не могли встретиться. Их движения стали быстрыми, потом стремительными, траектории невообразимо усложнились, но встретиться на маленьком пространстве шахматной доски им, видимо, было не суждено. Все чаще они застывали поодаль друг от друга.

Оскар обернулся и увидел глаза Биди, в которых горел живой интерес.

– Живая она лучше, чем в ледяном кристалле, – тихо сказал Оскар ему на ухо, и Биди вздрогнул, словно Пербрайт прочел его потаенные мысли.

Музыка тем временем засыпала, тела артистов все чаще сводили резкие судороги, и теперь только два желтых луча сопровождали их перемещения по площадке. Бледнели шахматные квадраты у них под ногами. Наконец Сибил застыла на краю просцениума, упала на бок, опрокинулась навзничь и соскользнула в неглубокую чашу бассейна, на мгновение озарившуюся ослепительной голубой вспышкой. Потом, упав ничком, соскользнул следом и ее партнер. Снова вспышка, мгновенная тьма, потом бассейн осветился голубым светом, словно эти двое нако-

нец встретились в ледяном кристалле. В прозрачную чашу со всех сторон полетели цветы, покрыв воду сплошным пестрым ковром.

Оскар поднялся и шепнул Биди, что должен встретиться с актрисой. Тот подмигнул ему и вытащил из наполненной ледяной водой выемки посреди ложи «гербовые» ирисы – красные с белыми середками.

– Не стоит. У меня невеселый повод, – сказал Оскар и показал ему черный пакет с завещанием Совы Таклтона.

...Когда они отъезжали, Аттвуда снова поразил игольчатый разноцветный кристалл Ледового театра.

– Кто его строил?

– Бортовой компьютер «Ириса», – ответил Биди. – Если хотите, могу познакомить.

– Холодно тут у вас, – поежился Аттвуд.

Оскар расхохотался, будто ему рассказали свежий анекдот.

– Зато не протухнем, – сказал он, отсмеявшись. – Впрочем, могу подтопить. Это вам обойдется... – Он посмотрел вокруг. – Тысяч в пятнадцать.

– Потерплю, – ответил Аттвуд, и теперь рассмеялись уже все.

– Значит, платить в конечном счете придется мне, – заключил Биди.

Землянин старательно отворачивался от приготовленного для огранки блока, в котором сквозь мутную еще поверхность просматривался застывший абориген. Пристального его внимания удостоился ажурный ледяной стеллаж, где стояли призы, полученные Оскаром по молодости лет за победы в буерных регатах.

Оскар как заведенный ходил вокруг блока, иногда вымеривая его пальцами, мычал что-то себе под нос.

Биди отвел Аттвуда в дальний угол мастерской, включил там свет.

– Вот он, полостник, точнее, судя по контурам, полостница. У вашего Шекспира – «пузыри земли», а у нас – ледяные пузыри.

– И точно так же никто не знает, откуда они берутся.

– Хоть не пророчествуют, и на том спасибо.

– Мне интересно не столько их происхождение, сколько ваше отношение к ним.

– Отношение простое: тщательно маскируемый страх. Помню, когда Оскар привез первого, я спросил у него, как он это делает; никак не мог поверить, что такое возможно. Лет через двести о них сложится целая мифология, а пока мы смотрим на них и боимся даже предполагать, *что* они такое.

– Лет через двести у вас сложится новый миф о ковчеге. Кстати, могу подарить свежую гипотезу...

— Потом. Не при ней, — ответил Биди и выключил подсветку.

Оскар по-прежнему расхаживал вокруг ледяного блока, только теперь в другую сторону. Время от времени он опускал палец в баночку с оранжевой краской и ставил на блоке метки, понятные лишь ему одному.

— Линзу будешь делать? — приглядевшись, спросил Биди.

— Нет. Этому, — он постучал по блоку, — никакая линза не поможет.

Биди недоуменно поднял брови.

— Это ребенок, совсем маленький, — сказал Оскар. — Я часто вспоминаю, как просто было работать для твоего отца: не надо было ни гранить, ни высветлять. Старый барон был ученым, — пояснил он землянину, — и искал в них не эстетику, а научную ценность...

— Я давно собирался поговорить с тобой о его коллекции, — подхватил Биди. — Если бы ты взялся огранить кое-что из нее как следует, я бы заплатил как за новые находки. И рана бы твоя тем временем зажила.

Оскар надел экзоскелетон, насколько раз присел в нем, немилосердно скрипя сочленениями, и подошел к блоку.

— Заманчиво, — ответил он наконец. — Но тогда мне придется все время торчать в мастерской, некогда будет выбираться во льды, а у меня заявки истекают.

— «Во льды»! Куда тебе с разорванным боком!

— Первый раз, что ли? Возьму побольше «липучки» и не помру. Надо только найти помощника.

— А Шамир?

— У этого идиота начался брачный период, во льды его теперь не вытащишь. Так что от предложения твоего я не отказываюсь, но давай пока отложим.

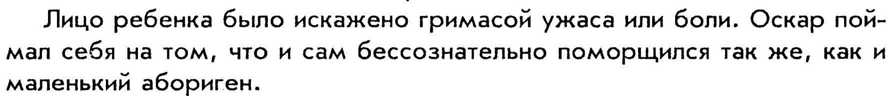
— А что у тебя на заявленных участках? — поинтересовался Биди.

Оскар раздвинул стену, открыв огромный металлический диск, выдвинул из него четыре толстые штанги, подошел к блоку, ловко поднял его, укрепил в фиксаторах, крутанул и только тогда ответил:

— Судя по сканированию — несколько аборигенов, собравшихся в кружок. Пикник у них был, наверное.

Он включил двигатель своего огромного станка, и блок бесшумно завертелся. Оскар снял экзоскелетон, отослал его в бокс и достал инструменты из шкафа-нагревателя. Вскоре под его руками передняя сторона блока высветлилась, сделалась стеклянно-прозрачной.

Внутри был мальчик в одежде с неразборчивым узором. В руках он держал какой-то металлический предмет, видимо, игрушку. Биди подошел, вгляделся в детское лицо и разочарованно вздохнул.

– Вот именно, – сказал Оскар.

Лицо ребенка было искажено гримасой ужаса или боли. Оскар поймал себя на том, что и сам бессознательно поморщился так же, как и маленький абориген.

– Не шедевр, – вынес вердикт Биди.

– Все претензии – его родителям, – ответил Оскар, убирая инструменты.

– Забракуешь?

– Подумаю. Может, новодел получится.

– А куда вы деваете забракованных? – подал голос Аттвуд.

– Увозим. Милях в двадцати от города есть глубокая ложбина, вот туда и опускаем. Назвали Могильником и вспоминать о нем не любим, – ответил за Оскара Биди.

Оскар выкатил из стенного шкафа подставку на колесах-шарах, подвел ее под блок и отпустил фиксаторы. Ледяная глыба тяжело встала на тележку, и Оскар покатил ее прочь.

– Ради Бога, поверните его лицом к стене, – взмолился Аттвуд.

5

На огромной арке ветроэнергостанции горели оранжевые огни штормового предупреждения. Истерически подвывал саунд-маяк.

– Плевать... – буркнул под нос Оскар, покосившись на табло, где высветились скорость и направление ветра.

У выездной арки стояли, словно в карауле, вооруженные силы Ириса – пара аэросаней с пулеметами. Оскар высунулся из люка, чтобы спросить, по какому случаю парад, но вовремя понял, что ветер ему не перекричать, и задвинул люк, успев заметить чуть в стороне белый буер помощника шерифа с не отцепленным еще моторным толкателем.

«Ясно. Чуть поутихнет – тронутся заявки проверять, – подумал Оскар. – Мне-то что, пусть Браконьер беспокоится».

Оскар вдавил педаль до упора, моторы за спиной засвистели от натуги, и тяжелый вездеход-платформа пулей вылетел на ледяной простор. Посмотрев на приборный щиток, Оскар поставил руль на стопор, включил таймер и повернулся к термосам с фруктовыми и цветочными отварами. Следовало подкрепиться: когда вездеход подойдет к Лабиринту, придется самому браться за руль и ползти на самых малых оборотах. Пербрайт в очередной раз проклял Старую Трещину.

Напарника он так и не нашел, поэтому приходилось полагаться на

бортовую автоматику. Высосав первый термос, он натянул теплый парик и маску, снял стопор руля и высунулся из люка. Над горизонтом только что взошла Полумаска — вечный спутник Льдины, слабо отражающий далекий свет Ледяной звезды. Отыскав позади созвездие Крыла, он вслепую пошевелил рулем и снова застопорил его. Хорошенько задраив люк, Оскар пристегнулся к креслу широкими лентами бандажа, включил ближний локатор и заснул.

Локатор будил его дважды: первый раз — ни с того ни с сего, а во второй он успел увидеть, как шарахнулась от ультразвукового веера шальная певчая сова. Оскар вяло ругнул ее, посмотрел на часы и решил, что доспит в другой раз: вскоре предстояло три часа кряду лавировать на самом малом ходу между сталагмитами Лабиринта.

В свете фар причудливые ледяные столбы вспыхивали и радужно переливались. Их называли сталагмитами, поскольку ни на что другое они не походили, разве что на невысокий, но густой ледяной лес. Но как их ни называй, все равно без проклятий не обойдешься. Этим Оскар и занимался три часа кряду, а выбравшись на чистый лед, совсем зашелся: ветер донес издалека серию громких хлопков и надсадный треск.

— Какая сволочь рвет лед на моем участке? — спросил он экран радара. — А полиция отдыхает на ветростанции!

Он включил рацию, вызвал шерифа, но так и не дождался ответа.

— Ладно, будем разбираться сами, — решил Оскар и дал пропеллерам полный ход.

Когда он подъехал к участку, стало ясно, что заявку можно аннулировать: кто-то испоганил ему весь лед. Тщательно разработанный на макете план выемки пошел псу под хвост — одна-единственная неумелая, ломовая шахта дала веер трещин вокруг. Злоумышленник добыл одного аборигена и загубил остальных. Даже без сканирования было видно, что трещины идут до самой почвы и что остальные тела буквально разорваны ими. Сделал это, конечно, Браконьер, больше некому.

— Ну, гад!.. — прошипел Оскар, разворачивая вездеход.

Нечего было и думать догнать мерзавца: приехал он на буере, об этом говорили три еще не затянувшиеся царапины на льду, а при таком ветре буер должен лететь, как дым от вентилятора. Тут же валялась ледяная балластина. Очевидно, Браконьер приспособил вместо нее блок с аборигеном. И все же Оскар решил ехать по следу сукина сына: авось черт подставит тому подножку.

Такой уж выдался день: туда ехал — ругался, обратно — тоже, только еще чернее. В запале Оскар два раза терял след буера, и приходилось рыскать по долине широким зигзагом. Наконец он понял, куда держит курс Браконьер: шел он, ясно, не к Старой Трещине — нечего

было и думать перепрыгнуть ее с балластом, – и не к Лабиринту, где буер можно тащить только на веревке, а мимо Свечки. Скорее всего, мерзавец собирался уйти от преследования между Свечкой и Болотом, через самое непредсказуемое место в окрестностях. Нимаев, старый шериф, называл его «Пронеси, Господи». А может, Браконьер пойдет в обход Болота: откуда ему знать, что за ним гонятся?

Через пару часов стало ясно, что идиот поперся именно в «Пронеси, Господи».

«Что же он у меня спер, что так торопится?» – подумал Оскар.

На горизонте появилась верхушка Свечки. Оскар сбросил обороты и малым ходом, погасив большой прожектор, повел вездеход к точке в полумиле от ледяного вулкана.

Но добраться до намеченного пункта ему не довелось: на второй трети пути в луче правой фары мелькнул человек. Оскар выключил моторы и положил руль круто влево. Вездеход пошел юзом, завертелся и вскоре замер. Оскар выдернул из зажимов игломет, отодвинул люк и выскочил на лед, позабыв даже натянуть теплый парик.

Судя по пижонскому комбинезону с серебряными пряжками, это был Браконьер, причем в наиболее предпочтительном виде – без буера и оружия. Бить ему морду сейчас не стоило – только кулак расшибешь о прутья фейсгарда, поэтому Оскар молча повел иглометом на люк и, когда Браконьер как-то слишком уж охотно полез в вездеход, дал ему вслед пинка. Потом быстро обежал вездеход и тоже залез в люк, приготовившись учинить мерзавцу суровый суд.

– Сними шлем, – еле сдерживаясь, велел он Браконьеру.

Тот трясущимися руками отцепил фейсгард и отбросил каску на спину.

И перестал быть Браконьером, превратившись в Мариуса Фингена, сына шерифа.

Оскар протяжно свистнул, потом вернул игломет в зажимы.

– Ты откуда взялся? – спросил он наконец.

Оскар хорошо знал парня, даже уважал за большой талант в литой ледовой скульптуре: сам в свое время научил его многим техническим приемам.

– Меня взял с собой господин Карвальял, – ответил юноша.

«Хорошее прикрытие придумал Браконьер, сволочь хитрая», – подумал Оскар, а вслух спросил:

– Как же ты попал в такую расчудесную компанию?

– Кроме него, никто меня не брал. Помните, я и с вами просился?

– А я туристов не вожу. Кроме того, случись с тобой что-нибудь, как бы я объяснялся с шерифом?

– Я бы расписку дал.

– Толку с нее... ты же несовершеннолетний. А шерифу, я думаю, нужен живой сын, а не расписка. Выходит, Браконьер сбросил тебя, как балласт?

– Нет... – Глаза юноши расширились. – Он... там...

– Ты что, черта увидел? Где – «там»?

Мариус ткнул рукой в сторону Свечки, пальцы его заметно дрожали.

– Что с ним?

– Не знаю. Все случилось так быстро...

– Ладно. Садись за руль и веди самым малым ходом. Сумеешь?

Юноша кивнул.

– И успокойся. Ты жив, а это, в конечном счете, главное.

Парень снова судорожно кивнул и надавил педаль контактора.

Оскар включил большой прожектор. Немного не доезжая Свечки, Мариус затормозил и показал в темноту:

– Вот здесь мы сняли балласт.

– С аборигеном?

– Да. А что, это был ваш участок?

– Ладно. Потом вернемся. Где этот гад?

– Впереди. Не нужно туда ехать.

– Добро. Где не проедем, пройдем пешком. Бери фару и полезай за мной, – заявил Оскар, натягивая парик и перчатки.

Гад был на месте и уже получил свое, даже с избытком. На ровном месте острием вверх торчала странно закрученная алмазно-прозрачная сосулька, внутри – серебристый буер, и рядом – Браконьер.

«Доигрался, сволочь», – подумал Оскар.

«Вот и меня когда-нибудь найдут в таком же виде», – подумал он пять минут спустя.

Мариус порывался что-то сказать, но Оскар жестом велел ему заткнуться. Без единого слова он вернулся к балластине. Вырезана она была самым варварским образом: вся поверхность – сплошная муть и мелкие трещины. Он взял у Мариуса фару, поставил рядом с блоком, посмотрел с другой стороны. Внутри льдины смутно различался силуэт свернувшегося калачиком аборигена. Оскар подобрал какую-то забавную ледышку, положил поверх блока.

– Ни черта не разобрать. Давай впрягайся, а то лебедка сюда не достанет, – сказал он наконец и начал толкать ледовый блок к вездеходу.

Когда они забрались в кабину и сняли теплое, Оскар плеснул Мариусу спирта, приложился сам и велел:

– Теперь рассказывай все по порядку.

Парень, хлебнув спирта, долго тяжело дышал и моргал, но потом все-таки начал:

– Господин Карвальял хотел проверить, нельзя ли на облегченном буере проскочить через язык Стеклянной реки. Не успел он подъехать к нему, как под буером словно что-то лопнуло, и лед полез вверх. Он выскочил из буера, но лед захватил и его. Все кончилось за минуту.

– Понятно, – сказал Оскар. – А теперь одевайся и вылезай наружу.

– Пощадите, господин Пербрайт!

– Дурень... Я сейчас буду менять «липучку», а это зрелище не для слабонервных. Вернешься минут через пять, и если я отключусь, постучишь мне по морде.

Когда до Ириса осталось мили две, Мариус начал как-то странно поглядывать на Оскара.

– В чем дело? – спросил тот.

– Господин Пербрайт, можно вас спросить?

– Давай.

Гибель Браконьера, хоть он и был гадом, сильно подействовала на Оскара. В этом состоянии его можно было просить о чем угодно, и мальчишка это почувствовал.

– Не говорите матери. Отец так или иначе узнает, а мама...

– Договорились. Скажешь, что был у меня в мастерской, – ответил Оскар, и Мариус облегченно вздохнул. – Кстати, мог бы и не просить: мы с твоей матерью ходим разными курсами.

– Вы помните, как выглядел буер в сталагмите? – спросил Мариус после долгой паузы.

– Да, к сожалению.

– Очень динамично. Понимаете, форма как бы течет вниз и одновременно взметается вверх. Все дело в спирали. Это был бы чудесный памятник всем, кто погиб во льдах.

– Из этой скотины – памятник?! – удивился Оскар. – Да кто его купит?

– Я бы все сделал бесплатно. Выставил бы его для всеобщего обозрения...

– Угу. У казино или – еще лучше – у ресторана. Наконец-то Браконьер попадет в приличное общество. Слушай, а замерзни там я, ты бы и меня выставил?

– Что вы, господин Пербрайт!

– Ну так пусть и Браконьер стоит там, где его Бог покарал. Эх ты, скульптор Божьей милостью...

6

Что кристалла из этого блока не получится, Оскару стало ясно с самого начала.

Можно было сделать простую прямоугольную призму. Можно было сотворить новодел, назвать его новоделом и продать как новодел. В любом случае следовало сначала посмотреть, кто там внутри, а уж потом решать судьбу блока. Главное, глубоких трещин на нем не было.

Все было как всегда: Оскар укрепил блок в фиксаторах, прошелся термокаутером по самым вопиющим выступам и принялся осторожно полировать там, откуда можно было увидеть человека, заключенного в льдине.

Этой женщине было не место в паршивой прямоугольной призме, хотя, с другой стороны, такая красота не нуждалась ни в каких особенных украшениях. Медные волосы заслоняли часть лица, но и так было ясно, что Оскару достался шедевр. О теле судить было рано, но он и мысли не допускал, что оно может оказаться недостойным лица. Снова вгляделся он в облик женщины, погибшей полтысячелетия назад, и снова долго не мог оторваться. Профессионально он отметил лишь две погрешности: губы были сведены страдальческой гримасой, а огромные глаза под чистым выпуклым лбом скрывались не только тонкими веками, но и узкой прядью волос.

«Ох, и умница же, наверное, она была», – подумал Оскар, отрываясь наконец от прекрасного лица.

Он переставил фиксаторы сам, с помощью одной колесной подставки, едва ли отдавая себе отчет, почему не хочет, чтобы экзоскелетон касался даже глыбы, и снова принялся полировать лед.

Похоже, с гибелью Браконьера для Оскара началась полоса везения: отполированная грань открыла новые находки. Запястье красавицы охватывал браслет дивной работы – в металле с красноватым отливом была изваяна ветка неведомого дерева, а локоть прижимал к телу книгу – первую древнюю книгу, обнаруженную на Кельвине-Зеро. Это и определило приговор Оскара: новодел. Оскар освободил блок, сам отвез его в термокамеру, затянул барашки люка и поставил регулятор на самый малый нагрев. В стенках камеры зашумела по контурам горячая вода, и Оскар занялся маленькой ледышкой, подобранной близ Свечки.

Лед, похоже, то намерзал, то таял, и внутри прозрачной льдинки образовался целый лабиринт, заполненный, как ни странно, водой. Оскар повертел ледышку, просверлил узкий канал и дал воде вытечь. Льдинка еще причудливее заиграла на свету.

Замигала красная лампочка на люке термокамеры. Оскар посмотрел на огонек сквозь льдинку и поставил ее на стеллаж с призами.

– Этак и сам коллекционером сделаюсь.

Видеофон разразился двойным писком. Оскар нажал кнопку «Ждите», но без результата – аппарат продолжал пищать.

«Официальный вызов... странно», – подумал он, включая экран.

– Здравствуйте, Пербрайт, – заторопился шериф. – Я не оторву вас надолго. Мариус мне все рассказал, и я должен узнать у вас, намерены ли вы претендовать на имущество покойного Карвальяла по прозвищу «Браконьер»?

– Зачем?

– В виде компенсации за повреждение вашего участка.

– Ни в коем случае. Как всякому честному человеку, мне вполне достаточно, что его забрали черти.

– Еще вопрос: вы знаете кого-нибудь, кто мог бы претендовать на его наследство?

– Бог миловал...

Шериф хохотнул, но тут же снова стал серьезен.

– Я очень вас прошу, Пербрайт: не говорите ничего моей жене.

– А вы сперва меня с нею познакомьте.

Шериф снова улыбнулся.

– Спасибо, Оскар. Вам придется зайти в мой офис, подписать отказ от претензий.

– Договорились. – Оскар подождал, пока шериф попрощается, и выключил связь.

Он вернулся к термокамере, нажал педаль стока и чуть погодя открыл люк. Словно живая, женщина сидела на корточках, рядом валялась мокрая книга. Как живую, Оскар взял ее на руки, ощутил податливость оттаявшего, даже теплого еще от воды тела и выругался про себя: «Черт бы взял все на свете! Я же забыл ввести ей стабилизин. Вот позор-то! Придется колоть двойную, а то и тройную дозу. Впрочем, на такую красавицу стабилизина не жалко».

Поразмыслив, он решил увеличить дозу в пять раз. Такого никто еще не делал, но вреда от этого быть не могло.

Снова запищал видеофон. Оскар отнес женщину на широкий препарационный стол и подошел к аппарату.

Вызывал Биди.

– Вернулся уже? – начал он, не здороваясь. – Слушай, у меня к тебе деловой вопрос. Через день-другой имущество Браконьера пойдет с торгов, у него есть что-нибудь путное для моей галереи?

– Хоть бы один человек не говорил мне сегодня о Браконьере! –

начал стервенеть Оскар. – Не знаю и знать не хочу. Спроси у шерифа.

– Нельзя. Я официальное лицо, и он тоже, а у него скоро выборы. Не бесись. Я знаю, ты терпеть не мог Браконьера, и, наверное, было за что. Но ведь ему не позавидуешь, правда?

– Правда, – проворчал Оскар.

– Кстати, Свечку и местность на три мили вокруг нее я объявил с нынешнего дня запретной зоной.

– А зачем? Умные люди и так туда не сунутся.

– Губернатор должен заботиться и о дураках. Ну, ладно... Привез что-нибудь?

– Посмотри. – Оскар снял камеру, обошел с нею стол и снова установил ее на видеофон. – Какова?

– Хороша! Представляешь такую в ледовом балете?

– Для балета она, пожалуй, тяжеловата.

– Все зависит от партнера. Во сколько ты ценишь эту красотку?

– Я женщинами не торгую, – ответил Оскар и, чтобы сменить тему, показал книгу: – А сколько ты дашь за это?

Наверное, никто еще не видел барона Ива д'Илэри, губернатора Ириса, в таком состоянии. Вытаращив глаза, он хватал ртом воздух и молча тыкал пальцем в экран. Оскар ждал, наслаждаясь произведенным эффектом.

– А если их будет много? – подлил он масла в огонь.

Биди махнул на него рукой, налил полстакана аквавита, выпил и наконец произнес:

– Предупреждать надо. Так ведь недолго и угробить старого друга.

– Хорошо, учту на будущее.

– Что у тебя еще за пазухой?

– Пока ничего.

– Да, не напрасно ты погнался за Браконьером...

– Слушай, губернатор, если ты еще хоть раз помянешь эту сволочь, мы поссоримся всерьез!

– Ладно, молчу, – улыбнулся Биди. – Сейчас с тобой ссориться невыгодно. До встречи.

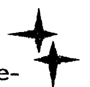
– До встречи.

– Кстати, на будущей неделе Аттвуд дает прием и хотел бы тебя видеть.

– Где дает? В своем модуле?

– Нет, конечно. – Биди рассмеялся. – У меня. Приходи пораньше и захвати с собой книгу. Договорились?

– Договорились.

По пути к столу Оскар вильнул в сторону, достал «минутку» для себя и стабилизин для Снежной Королевы, как он решил ее назвать за неимением другого имени. Для верности он ввел все пять доз в крупные сосуды и несколько раз нажал справа на грудную клетку, где у аборигенов было сердце, чтобы состав разнесло по всему телу. Чтобы не терять времени, Оскар решил хорошенько рассмотреть книгу, пока стабилизин делает свое дело.

Корешок у нее располагался сверху, как у старинного блокнота, а листы были из какого-то пластика и не смачивались водой. Буквы, похожие на иероглифы, принадлежали кисти истинного каллиграфа, в контур каждой были вписаны еще несколько, и от этого каждая страница напоминала радужный ковер. Иллюстраций Оскар насчитал полторы дюжины, и во всех случаях пейзажи, на фоне которых резвились персонажи, были залиты ярким солнцем. Лишь на двух дело происходило ночью, но Полумаски на небе не было.

«Дай Бог когда-нибудь разобраться во всем этом, – подумал Оскар. – Но ведь это ни в одну голову не влезет. Вон покойный Браконьер, бывало, прочтет указ в витрине, а потом неделю за виски держится».

С препарационного стола, где лежала Снежная Королева, что-то упало и разбилось. Оскар с сожалением отложил чудесную книгу и пошел к столу собирать осколки.

Разбился шприц. Оскар присел, собирая стекляшки, а когда разогнулся – снова уронил их на пол.

Снежная Королева смотрела на него своими огромными глазами. Долго смотрела, потом опустила и снова подняла веки.

7

– Послушай, Оскар, – ворчал Биди, – ты меня подводишь. Обещал быть пораньше, Аттвуд только о тебе и спрашивает, а тебя все нет и нет.

– Обещал, значит буду. Только подожду, когда твои гости перепьются и разъедутся.

– Уже. Только мы с Аттвудом более-менее трезвы. Мы – лица официальные, и до полуночи нам нельзя становиться на четвереньки.

– Тогда жди, скоро приеду. Кстати, буду с дамой.

– Обижаешь, Оскар. Являться ко мне на банкет с дамой – все равно что идти в кабак со своей выпивкой.

– Не обижайся. Ведь банкет дает Аттвуд, а он, надо думать, еще не успел завести здесь гарем.

– Чего не успел, того не успел, – донеслось из-за спины Биди, и на экране появился землянин. – Но уже начал.

– Не пейте больше, – серьезно попросил Оскар. – Вы с губернатором нужны мне трезвые.

– Вот образчик наших нравов, – пояснил Аттвуду Биди. – А ведь ничего плохого мы ему вроде не сделали. Приезжай скорее, моралист мороженный, и книгу не забудь. А еще лучше давай я за тобой сани пришлю.

– Жду, – сказал Оскар и выключил аппарат.

Велев экзоскелетону: «Охраняй», он вышел из мастерской.

Женщина безжизненно раскинулась в кресле, голова ее запрокинулась, и Оскар, испугавшись, что случилось непоправимое, бросился к ней, но, увидев, как открылись огромные глаза, облегченно перевел дух.

«Пора бы уже привыкнуть к этой позе, – подумал он, – полежи-ка пятьсот лет калачиком».

Он протянул ей руку, помог встать, подвел к дивану, на котором лежал вечерний наряд, и указал на него, а сам вышел.

Когда женщина позвала Оскара, он замер от восхищения на пороге. Медно-красное платье такого же цвета, как и ее собственное, полушарф-полушапочка на медных же волосах... Из старого на ней остался только браслет-веточка. Угадав по его лицу, что все в полном порядке и даже лучше, она робко улыбнулась, а потом совсем по-человечески пожала плечами и покачала головой, изображая немой вопрос: «Что дальше?»

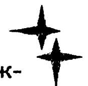
Оскар подал ей электроплащ с капюшоном, надел теплый парик и проводил ее к саням. Только в кабине он сообразил, как нелепо будет выглядеть рядом с ней в своем повседневном комбинезоне.

Когда сани одолели подъем, вдали маленьким бриллиантом засверкала губернаторская усадьба. Сам Оскар только пару раз в жизни видел ее при полной иллюминации. Через несколько минут она предстала перед ними во всем своем великолепии: литые ледяные арабески, стены, сложенные из разноцветных ледяных призм с прослойками металлической фольги, ледяная резьба обвивала по спирали армирующие трубы.

Женщина залюбовалась.

– Это еще что, – сказал Оскар, увидев ее восхищение. – Мой дед рассказывал, что на планете-матери русская королева однажды построила целый ледяной дворец.

Женщина взглянула на него с интересом, но без понимания. Вздохнув, он повел ее в дом. В просторном холле было установлено не ме-

нее дюжины зеркал из оптически чистого льда с серебряной подложкой. Здесь Оскар оставил свою Королеву – в большом зале и оранжерее все еще шумели гости, – жестом показал, что уходит совсем ненадолго, и поднялся в кабинет Биди.

Там он молча кивнул барону и землянину, достал из ниши чистые стаканы и налил в них аквавита. Аттвуд пододвинул к нему бутылку земного виски, но Оскар только поморщился.

– Спрячьте эту гадость, – сказал он.

– Что?! Вот прилечу на Землю, расскажу, что «Олд энд Блэк» назвали гадостью – никто мне не поверит!

– Как вам нравится этот тип? – взяв стакан, спросил Биди. – Сначала он уговаривает нас не пить, а через полчаса сам же наливает по убойной дозе.

– А по-моему, все ясно, – заявил Аттвуд. – Господину Пербрайту, как и всякому приличному человеку, для выпивки нужна была компания. А мы теперь вполне для этого годимся.

– Вы лучше поставьте стаканы, – посоветовал Оскар, – а то, чего доброго, выроните.

– Послушайте, господин Пербрайт, – с нажимом сказал Биди, – в тот черный день, когда я не удержу стакан с выпивкой, я сложу с себя губернаторские полномочия. Что все это значит? И где твоя дама? Веди ее сюда, я покажу ей зимний сад и галерею.

– Галерею – ни в коем случае, – очень серьезно сказал Оскар и вышел.

Когда Оскар ввел в кабинет свою спутницу, Биди все же выронил стакан. Впрочем, не прошло и двух минут, как он взял новый, наполнил его и залпом выпил.

Аттвуд изумленно смотрел на него.

– Узнаешь? – спросил Оскар.

– Да... – выдохнул Биди.

– Понимаешь, что это значит?

– Нет еще. Наверное, архангел вострубил, а я и не заметил.

– За что я люблю нашего губернатора, – сказал Оскар землянину, – так это за неистребимый галльский юмор.

– А я терпеть не могу твою англосаксонскую многозначительность, – парировал Биди. – Устроил здесь театр, а сам даже не предложил даме кресло. Она же старше нас всех, вместе взятых.

– Твое счастье, что она нас не понимает, – сказал Оскар, усаживая даму. – Объясни-ка все господину Аттвуду, заодно и сам с мыслями соберешься.

– Эту... госпожу, – начал Биди, – Оскар нашел в ледяном блоке не-

делю назад. Блок был изуродован, и на мертвое тело надо было намораживать новый лед – так у нас изготовляют новоделы. Как он ее оживил, как не загубил потом, один Бог знает.

Все это время женщина следила за ними с легкой улыбкой.

– Оска-ар, – сказала она наконец и повела рукой от барона к землянину.

– Представьтесь, джентльмены, – перевел Оскар.

– Ив, – сказал Биди, приложив ладонь к груди.

– Олтон, – сказал Аттвуд, повторив его жест.

– ... – сказала Снежная Королева.

– Вот и поговорили, – подытожил Оскар. – Теперь понятно, зачем вы были нужны мне трезвыми?

– От таких чудес поневоле протрезвеешь, – сказал землянин.

– С книгой придется подождать, Ив, – сказал Оскар, – а то бедной девочке нечего будет читать: книга пока единственная. А чтобы ты не скучал, вот тебе подарок. – Оскар подал ему свернутую трубкой бумажку.

– Много ли здесь прочтешь... – поморщился Биди, разворачивая бумажку.

– Очень много, – заверил Оскар. – Это завещал мне Сова Таклтон, но у меня теперь будет много других дел. Понимаешь, каких?

– Понимаю. А что здесь написано?

– Координаты местной библиотеки. Можешь объявить ее муниципальной собственностью, а свою заявку я аннулирую. Теперь вопрос к вам, господин Аттвуд: у вас на корабле есть хорошие врачи?

– Да, трое, и все хорошие.

– Пригласите их сюда.

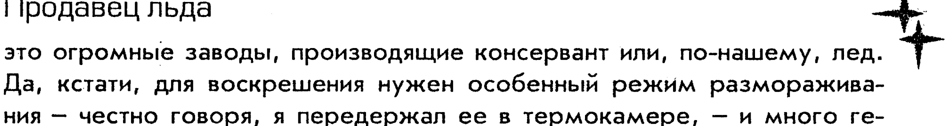
– Слушай, Оскар, а тебе не кажется, что ты узурпируешь власть? – возмутился губернатор.

– А почему бы и нет? Ты же не удержал стакан. Впрочем, верно: у тебя все это получится лучше. А я подамся во льды, начну спасательные работы. Как раз и буер починили.

– Ты не выяснил, кто их заморозил?

Оскар достал из кармана пачку листов и положил их между стаканами.

– Вот здесь все более или менее объяснено. Черным стилосом рисовал я, красным она. Разберетесь. Короче говоря, никто на них не нападал. Мимо проходила большая блуждающая звезда, она-то и сбила Кельвин-Зеро с привычной орбиты. Звездолетов у них не было, и они решили как бы законсервироваться до той поры, когда Ледяная звезда стабилизирует наконец орбиту планеты. Свечка и прочие аномалии –

это огромные заводы, производящие консервант или, по-нашему, лед. Да, кстати, для воскрешения нужен особенный режим размораживания — честно говоря, я передержал ее в термокамере, — и много гемаута.

— Значит, и у тебя он водится? Это из местной косметики, — пояснил барон землянину, — продукт сепарации жира хищных пингвинов. Хорош тем, что снимает любой синяк за пару минут. А мастера применяют его, когда надо подправить новодел. Вот и мистер Пербрайт, строгий хранитель канонов, оказывается, тоже...

— У меня он стоит в шкафу еще с тех пор, когда я выступал в регатах, — перебил Оскар. — Синяков тогда хватало. Дальше будешь слушать?

— Естественно!

— Когда я начал ее размораживать, вы с шерифом взялись наперебой бренчать мне насчет Браконьера и я за разговорами забыл кольнуть ей стабилизин. Потом решил ввести пятикратную дозу в крупные сосуды, но впопыхах ошибся и схватил склянку с гемаутом.

— Вот что бывает, когда все банки без наклеек! — поднял палец Биди. — Когда-нибудь хлебнешь стабилизина вместо аквавита и загнешься.

— Оставь свой губернаторский юморок! Подумай лучше о том, что в галереях все аборигены так или иначе обработаны стабилизином.

— Значит, мы их... — прошептал Биди.

— Может быть. Во всяком случае, ясно, что начинать теперь нужно не с галерей и не с «могильников». В общем, проспитесь и разбирайтесь, а нам пора. Моя дама устала.

Оказалось, Снежная Королева занялась тем, чем занимаются все женщины во время скучного мужского разговора, — тихо задремала.

Теперь мужчины стояли вокруг ее кресла. Видимо, сквозь дрему она почувствовала это и открыла глаза, в который раз поразившие Оскара.

Подходя к саням, Оскар обернулся к погасшему ледяному чуду губернаторской резиденции, увидел редкие фонари галереи и подумал, в какой ад вверг он себя и всех, кто там находится. Он нагнулся, поцеловал руку своей Снежной Королеве и только тут до конца понял, какое искупление ему предстоит.

А.А.Аттанасио

ТУШЬ НОВОЙ ЛУНЫ

Американский фантаст Альфред Анджело Аттанасио пока еще неизвестен российским читателям. И это очень досадно, поскольку писатель он талантливый, с богатейшей фантазией. Что бы ни выходило из-под его пера — сага о сверхчеловеках будущего, сражающихся с инопланетной агрессией (тетралогия «Радикс»), биография юного воспитанника колдуна, ставшего тихоокеанским пиратом (роман «Дракон на гербе») или оригинальный вариант Артурианы, — это всегда интересно, умно, эстетически убедительно. Те же похвальные эпитеты вполне применимы к рассказу «Тушь новой луны» — изящной «альтернативке» на тему открытия Америки.

Прости мне мое долгое молчание, жена. Я бы написал тебе раньше, если бы путешествие по Предрассветным Сандаловым Землям не оказалось бы для меня испытанием чернее, чем тушь. Быть так далеко от родины, так далеко от тебя – все это гасит во мне огонь жизни. Меня окутывает мрак. Но все же беспросветная тьма в самой себе несет странное знание и мудрость; это змея, стерегущая сокровище – целительный яд.

Я поражен, любимая, но, несмотря на змеиные кольца великой скорби, сжимающие меня, мне вдруг открылась такая ясность, какой не бывало с тех пор, как мои неудачи нас разлучили.

Здесь, в самой удаленной точке моего путешествия, на островах, расположенных у восточных берегов Сандаловых Земель, где огромные пространства неба и земли разделяют нас, – здесь в конце концов я нашел в себе силы, чтобы написать тебе все это. Месяцы составления официальных отчетов, вычерчивания транспортных магистралей, фаб-

---

«Ink from the New Moon» by A.A.Attanasio

рик, тюрем и сельских школ иссушили во мне те слова, с которыми мужчина должен обращаться к своей жене; но наконец я чувствую, что вновь нашел место, где подобные слова могут появиться на свет.

Ты, конечно, будешь помнить меня таким, каким я был при расставании: маленький угрюмый человек, для которого служить Третьим Помощником Секретарского Писца в Императорской Библиотеке было скорее наказанием, чем честью; муж, источенный стыдом и завистью, с которым ты была вынуждена проститься, когда он отправился в эту жалкую экспедицию, посланный с инспекцией в Предрассветные Сандаловые Земли (или «Объединенные Сандаловые Автократии» – название, на котором настаивали туземцы после отделения от Королевства два века назад). Да, сознаюсь, мне было стыдно, особенно перед тобой. Только ты, Крыло Сердца, знаешь меня таким, каков я на самом деле: писатель, помешанный на словах, впадающий в безумие при свете настольной лампы. И еще мои книги, несчастные беззащитные книги, написанные лирическим стилем ушедших времен! Но, как ты слишком хорошо знаешь, эти страницы не смогли принести нам средства к существованию. Моя единственная победа как писателя заключалась в том, что своими рассказами я завоевал тебя. После нашей безуспешной попытки стать фермерами в западных провинциях и вести жизнь поэтов-отшельников среди полей и ручьев, после того, как наш вызов судьбе стоил здоровья тебе и жизни нашему ребенку, вся моя гордость превратилась в цинизм и самоуничижение. Я чувствовал, что должен поступить на службу, поскольку это оставалось единственным нашим спасением.

С того дня вот уже на протяжении восемнадцати месяцев тень ночи покрывает меня. Меня не было рядом, когда наш второй ребенок вышел из твоего чрева еще слишком слабым, чтобы дышать самостоятельно. В то время огромный корабль уже нес меня к Островам Клятвы Пальмовой Рощи в центре Мирового моря. Там я сидел в окружении скучных томов Имперской хроники Сандаловых Земель, пока ты страдала в одиночестве.

Как и тебя, меня никогда не восторгала сухая проза дипломатии и горькие описания военных действий. Какое мне было дело до того, что пять столетий назад, в начале нашей эпохи, во времена династии Санг, буддисты, преследуемые за их преданность чужеземной религии, уплыли из Срединного Государства и вместо того, чтобы быть проглоченными семьюстами драконами или потонуть в Водовороте Великой Бездны, прошли по океану девять тысяч ли и открыли цепь малонаселенных тропических островов? Какое для меня имело значение, что эти острова, богатые пальмовым листом, каменным деревом и ароматным

сандалом, излюбленным мебельщиками, вскоре стали привлекать купцов и императорских солдат? И опять буддисты были вынуждены бежать, принеся свою знаменитую Клятву Пальмовой Рощи – плыть на восток до тех пор, пока они все вместе не встретят смерть или не найдут свою собственную землю. И наконец, пройдя еще семь тысяч ли океана, они прибыли на обширные Предрассветные Земли, с самой восточной точки которых я и пишу тебе.

Уверен, ты уже нетерпеливо покусываешь губы, недоумевая, почему я обременяю тебя скучными историческими описаниями, тебя, дочь музыканта, которая всегда предпочитала красоту песни сухости фактов. Однако еще немного терпения, Крыло Сердца. Мое открытие, эта с трудом обретенная ясность, добытая из целебного яда, будут значить для тебя меньше, если ты не будешь знать кое-что об истории этих земель.

Еще со школы мы знаем, что вслед за буддистами в Предрассветные Земли постепенно проникли купцы; к тому времени монахи уже успели обратить в собственную веру многие племена. Это типично для буддистов: они не воевали с купцами, но продвинулись дальше на восток, распространяя свое учение среди местного населения, оставляя место для новых поселенцев. Спустя некоторое время, когда имперцы построили большие города и проложили торговые пути, монахи стали указывать на неразумие подчинения Государству, которое находилось далеко за Мировым морем. «Здесь и сейчас! – пели монахи. – Страна наших предков слишком далеко и слишком плотно закрыта вуалью иллюзии, чтобы воспринимать ее всерьез». Хотя сами буддисты никогда не поднимали оружия против Императора, купцы и земледельцы с готовностью сражались за них, восставая против имперских налогов. И вместо Предрассветных Сандаловых Земель поселенцы образовали собственное государство – Объединенные Сандаловые Автократии.

Здесь, в ОСА*, существует бессчетное множество княжеств, каждое из которых управляется властителем, выбираемым помещиками. Все эти княжества по очереди управляются верховным правителем, которого помещики и властители выбирают из своего числа на срок не более пятидесяти лун. Это чужеземная система, называемая «властью народа», и она переполнена конфликтами, поскольку консервативные конфуцианцы, либеральные буддисты и радикальные даосы-аборигены

* В оригинале U.S.A. (United Sandal Autocracies), то есть параллель с США (United States of America) более чем очевидна (прим. ред.).

постоянно ведут борьбу за превосходство. Здесь Небесный Мандат не так часто даруется Небесами, как захватывается обманом, богатством или силой.

Я не буду утомлять тебя политическими парадоксами этой нации: презрение к монархам и преклонение перед лидерами; стремление разделить религию и государство и фанатическая приверженность клятвам, молитвам и нравоучениям; страстный патриотизм и восхваление личной деловой активности. Здесь нет рабов, как у нас, и потому нет никакого уважения к вышестоящему классу, впрочем, как и к нижестоящему, поскольку все здесь – рабы денег. Самый обычный подметальщик улиц может вложить свои скудные сбережения, основать собственную компанию по ремонту дорог и после десятилетнего рабского труда на эту компанию стать богатым, как аристократ. А богач может растратить свои деньги и, лишенный защиты слуг и классовых привилегий, превратится в уличного нищего. Амитофо! Эта страна сбилась с Пути следования божественному закону, который регулирует жизнь нашей благословенной Родины. И хотя есть те, кто извлекает выгоду из социальной и экономической неразберихи, эта страна явно сходит с ума и будет погребена под собственными бесчисленными амбициями. По многим признакам я считаю, что это – Срединное Государство, перевернутое с ног на голову.

Скалистое западное побережье, изобилующее большими городами, – промышленный костяк этой страны, как у нас – восточное побережье. На побережье, как и в Срединном Государстве, расположены многочисленные кирпичные заводики, бумажные и текстильные фабрики, а также судостроительные верфи. Далее в глубь страны идут богатые сельскохозяйственные угодья, потом – горы, и за ними – пустыня, точно как у нас. Подобно тому, как у нас на севере Великая Стена тянется через горы на тысячи ли, здесь такая же колоссальная стена тянется через южную пустыню, защищая страну от набегов жестоких племен Ацтекатль.

Крыло Сердца, здесь, в восточной степи, за горами и красноватыми песчаными барханами пустыни, есть даже деревня, очень похожая на ту, где было наше жалкое поместье. Тут, во фруктовом саду с мириадами пчел, точно таком же, как та вишневая роща, где мы похоронили нашу дочь, на меня нахлынули воспоминания о том, как я нес ее невесомое тельце в последний раз. Я рыдал. Я хотел написать тебе тогда, но нужно было описывать сети ирригационных каналов и наносить на карту дороги длиной в сотни ли, тянущиеся через поля янтарной пшеницы и проса, дороги, по которым повозки с наполненными ветром парусами летят быстрее, чем лошади.

За полями начинается Злой Восток, который поселенцы считают расположенным за границей своего государства, поскольку те земли заняты дикими лесами, не знающими, что такое топор. По местным поверьям, населяют эти леса голодные души несчастных мертвецов. Живут там и воинственные племена, которые бежали от государственности Запада и не приняли ни доктрину Будды, ни этику Конфуция; живут они по законам полной дикости, какую способны представить себе разве что даосы.

Когда начальник нашей экспедиции стал искать добровольцев, которые отправятся в эту дикую местность, я был среди тех, кто вызвался идти. Прости, Крыло Сердца, что моя любовь к тебе была недостаточно сильна, чтобы я мог преодолеть свой стыд за неудачи, приведшие к смерти нашей дочери и разлучившие нас. Будучи безумным в собственном горе, я видел нечто схожее в этом первобытном лесу. Я надеялся, что он убьет меня и положит конец моим страданиям.

Но этого не случилось. Я ждал, что на Злом Востоке обнаружатся духи или – на худой конец – племена дикарей-людоедов, чьей добычей я стану, но там ничего подобного не было. Так я выжил помимо своей воли, с грустью думая о том, что все наши возможности утекают от нас, как кровь из неизлечимых ран.

Обширный лес был красив дикой красотой, даже в покрытых мраком ущельях и туманных болотах; опасность представляли только его естественные обитатели – такие, как змеи, медведи и волки. Что касается племен, то когда они поняли, что мы пришли лишь наблюдать, а не рубить их деревья и не занимать их землю, они отнеслись к нам довольно дружелюбно для варваров. За их гостеприимство мы подарили им игрушки – бамбуковых дракончиков, воздушных змеев и хлопушки. Я испытал с ними примитивную радость, на какое-то время забыв об ускользнувших от меня возможностях.

На восточном побережье находятся буддийские монастыри и фактории, возвышающиеся над морем. К тому времени, как мы выбрались из диких лесов по речному маршруту, который используют торговцы пушниной, на одну из факторий мне пришло послание с запада. Я узнал почерк твоего отца и еще до того, как начал читать, понял, что ты оставила нас и отправилась в страну предков.

Когда пришла эта весть, я пытался броситься в море с монастырских стен, но товарищи удержали меня. Я не мог слышать ничего, кроме боли в своем сердце. Мы, которые жили как одно целое, снова стали тайной друг для друга. Я не встречался еще с более чудовищной загадкой.

В течение многих дней я был в отчаянии. Мои неудачи уничтожили все, о чем я мечтал, отняли последнюю надежду стать писателем, крестьянином, отцом и, наконец, твоим супругом. После этого письма я сделался стар и вял, словно медленно текущая река.

Я бы, наверное, остался в монастыре и принял монашество, если бы не пришедшее однажды известие о появлении чужеземцев из-за Моря штормов. Оцепенелый и безразличный ко всему, я вместе с другими добровольцами из нашей экспедиции поплыл на юг. В лес пришла осень. На берегу виднелись взлохмаченные дубы и клены. Но через несколько дней появилась изморось, и на горизонте мы увидели огромные шатры облаков. Над дюнами склонялись многочисленные кипарисы и пальмы.

Как бродячая ничейная собака, плелся я за своими спутниками от одной миссии к другой среди чудесных зеленеющих островов. Я забыл, что такое голод, и ел только тогда, когда в меня запихивали пищу, совершенно не ощущая ее вкуса. Во тьме ночи, сидя у костра, пока мои товарищи спали, я часто грезил, и моя жизнь казалась мне бесконечной паутиной лжи, которую я сплел, а ты – крохотной птичкой, запутавшейся в этой паутине и сгинувшей в ней. Как горько раскаивался я тогда, что оставил тебя!

В то утро, когда мы обнаружили корабли чужеземцев, приплывших из-за Моря штормов, поприветствовал я их довольно угрюмо. Это оказались крепкие люди с румяными лицами, густыми бородами и крупными носами. Корабли их были неуклюжими, с изъеденными червями остовами без водонепроницаемых отсеков и со смешными парусами из холстины, подвешенными так, что мореплаватели полностью зависели от воли ветров. Сначала они пытались произвести на нас впечатление своими дешевыми товарами – большей частью разрисованной оловянной посудой и глиняными горшками, наполненными кислым вином. Но я не виню их, поскольку, чтобы выразить уважение местным жителям, мы отправились на встречу на грубом плоту вместе с вождями островного племени.

Но вскоре, по сигналу голубой дымовой ракеты, наше судно вышло из-за мыса. При виде его гладкого корпуса и оранжевых парусов на реях, отшлифованных для лучшего хода, у чужеземцев поотвисали челюсти, поскольку, оснащенный специальными подвижными мачтами, наш корабль шел *против* ветра. Большим Носам еще никогда не доводилось видеть ничего подобного.

Под предлогом того, что им нужно выказать нам уважение (хотя, я уверен, не без намерения продемонстрировать собственную мощь), Большие Носы дали залп из своих громоздких пушек. Три неуклюжих

корабля, слегка заваливаясь на борт, заплясали на волнах. С нашего судна ответили залпом ракет «Пчелиное гнездо», которые рассыпались красочным фейерверком над нашими головами, пока корабль выписывал изящные восьмерки между тяжелыми посудинами чужеземцев.

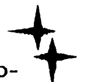
Тогда Большие Носы стали чрезвычайно почтительны. Капитан, высокий безбородый человек с кожей, бледной, как у духа, снял шляпу, поклонился и преподнес нам одно из своих сокровищ – трогательно аляповатую книгу, напечатанную на грубой бумаге, с золотым крестом, оттиснутом на переплете из кожи животных.

К счастью, среди Больших Носов был один человек, говорящий на халдейском и немного на арабском, поэтому двое наших лингвистов кое-как могли понимать его. Он сказал нам, что капитана зовут Крестоносец Колонизатор и что они ищут Императора Срединного Государства, чтобы завязать с ним торговлю. Они в самом деле считали, что находятся в двадцати пяти тысячах ли к западу от своей страны, на островах у южных берегов Срединного Государства. Их неведение поразило нас.

Узнав свое точное местонахождение, капитан впал в уныние и вернулся к себе в каюту. Со временем от его второго помощника мы узнали, что Колонизатор ожидал почестей и богатства за проявленные смелость и инициативу. И того, и другого он теперь будет удостоен в значительно меньшей степени, поскольку не открыл ни пути к богатейшей стране мира, ни новых земель, которые могли бы быть колонизированы Большими Носами.

В нашей делегации много споров вызвало первое имя Колонизатора – Крестоносец. На протяжении нескольких веков крестоносцы иногда попадали на территорию Срединного Государства, но им всегда предписывалось не покидать приморские районы. Их ужасная религия, законы которой заставляли символически потреблять плоть и кровь их искалеченного и замученного Бога, вызвала отвращение у нашего Императора, а их проповедническое рвение вполне справедливо внушало ему тревогу. Но каковы будут последствия, если крестоносцы откроют свои миссии здесь, в ОСА, где преобладает терпимость к разным взглядам и вероисповеданиям?

Меня все это не волновало. Пускай толстокожие люди составляют интриги и заговоры в отдаленных дворцах и царствах. Крыло Сердца! Я больше никогда не увижу драгоценный овал твоего лица. Эта мысль, эта правда лежит передо мной, как дикая пустыня, по которой мне суждено брести всю оставшуюся жизнь. Но в тот день, когда мы впервые встретили Больших Носов, я еще не осознавал этой правды. Я все еще верил, что смерть – это врата. Я полагал, твой дух будет возвра-

щаться и поддерживать меня по утрам. Я видел твое отражение в зеркале моря: обезумевшая от горя девушка, исполненная любви и иссушенная ею. Я видел это и думал, что смогу переступить порог этой жизни и снова найти тебя, снова соединиться с тобой в мире наших предков.

Следующие несколько дней я бродил совершенно потерянный, разыскивая твой дух и обдумывая свой уход из этого мира. Я даже заготовил прочную петлю из шелкового пояса и лунным вечером отправился в лес, чтобы повеситься. Спотыкаясь, шел я по кипарисовой лощине, ища подходящий сук, как вдруг услышал невдалеке возбужденный шепот Больших Носов. Я осмелился подползти ближе и увидел, как они быстро пробираются между деревьев с саблями и ружьями в руках, неуклюже волоча за собой длинную лодку.

Зло, которое я замыслил над собой, привело меня к еще большему злу, и я без колебаний последовал за Большими Носами. Они быстро продвигались по направлению к бухточке, где стоял на якоре императорский корабль. Их план был очевиден. Вся наша делегация и большая часть экипажа находились на берегу, в миссии, беседуя с аборигенами, которые первыми натолкнулись на чужеземцев, и составляя доклад Императору о прибытии Крестоносца в ОСА. Большие Носы не встретили бы серьезного сопротивления, напав на наш корабль.

Луна неожиданно вышла из-за облаков, и в ее свете я увидел змеевидные колонны и изогнутую крышу миссии высоко на утесе — она находилась слишком далеко, чтобы я успел добежать туда или чтобы до нее донеслись мои крики. Вместо этого, продираясь сквозь заросли, я бросился к бухте, в то время как Большие Носы уже спустили свою лодку на воду и быстро залезали в нее. Несколько сильных гребков — и они подплыли к императорскому кораблю и начали карабкаться на него, не замеченные вахтенным, который, видимо, пил рисовую водку в кубрике.

Я стоял и смотрел на корабль, возвышающийся над лунным отражением, зная, что должен сделать, но не веря, что у меня хватит на это сил. Я, у которого было достаточно стали в крови, чтобы добровольно лишить себя жизни, колебался при мысли о том, что мне придется бросить вызов кому-то другому, пусть даже примитивным Большим Носам. О, какой же я трус! Я бы так и стоял, как сосна, наблюдая, как наш корабль уходит во тьму, захваченный пиратами, но всплеск и крики вывели меня из оцепенения.

Большие Носы выбросили вахтенного за борт. Я наблюдал, как он с трудом плывет к берегу, и мне показалось, что я прочел страх на его лице. Это лицо, искаженное от ужаса, разъярило меня! Этот вахтен-

ный, судорожно цепляющийся за свою жалкую жизнь, не сделал ничего, чтобы помешать варварам украсть жизни многих людей нашего народа! А ведь именно такой будет цена потери этого судна, если чужеземцы уведут его к себе и научатся строить корабли, могущие бросить вызов ОСА и даже Срединному Государству.

Я бросился в воду и изо всех сил поплыл к судну. Ты знаешь, я неважный пловец, но расстояние было небольшим, а шум от судорожных гребков вахтенного заглушил мое приближение. Швартовы оказались обрублены, и корабль слегка кренился под бризом, дующим с берега. Большие Носы, привыкшие карабкаться по нок-реям для установки парусов на своих судах, были непривычны к обращению с брашпилями и фалами, с помощью которых все это можно контролировать с палубы, и потому у меня хватило времени взобраться на корабль до того, как были подняты паруса.

Очутившись на фальшборте, я поскользнулся и упал на палубу, прямо под ноги капитану с лицом призрака. При свете луны мы несколько страшных мгновений смотрели в глаза друг другу, и, клянусь, я увидел выражение демонической алчности на его лице. Я замер и вытянулся, как будто он закричал на меня. К счастью, вся остальная команда пыталась овладеть управлением незнакомого судна, и я, увернувшись от Колонизатора, бросился к трапу.

Первым моим намерением было умереть. Когда я обрушился в трюм и растянулся на мотках пеньковых тросов, мной владела одна-единственная мысль – добраться до арсенала и поджечь порох. Пробираясь ощупью в темноте, я налетел на переборку, споткнулся о мешки с сорго и наконец, задыхаясь, оказался в оружейном отделении. С трапа послышались крики, и я увидел неуклюжие фигуры Больших Носов, заполнившие узкий проход.

Я судорожно пытался нащупать кремень и огниво, которые должны были лежать где-то рядом, как мне казалось. Но, может, это не так? Наверное, слишком опасно хранить их так близко от пороха. Большие Носы приближались, и я в отчаянии стал карабкаться на пороховой ящик, цепляясь за какие-то полки. Лунный свет проник в трюм, и я увидел ужасные лица варваров, бросившихся ко мне. И тут я нащупал связку спичек.

Я схватил спички и потряс ими перед Большими Носами, но это не произвело на них никакого впечатления. Дураки не имели ни малейшего понятия о том, что это такое! С яростными воплями они стащили меня вниз. Я в отчаянии озирался по сторонам и в лунном свете наконец заметил огниво, свисающее с переборки. Отбиваясь, как сумасшедший,

я освободился ровно настолько, чтобы успеть схватить его. Но этим я привел их в бешенство и свалился на пол под их жестокими ударами.

Оглушенный, я еле сжимал огниво. Моя вялая попытка чиркнуть спичкой вызвала лишь ничтожную искру, но этого было достаточно. Яркая вспышка испугала моих противников, и они отпрянули. Тут же я обернулся и, держа горящую спичку в высоко поднятой руке, указал им на ящик с порохом. Большие Носы бросились бежать.

Свободной рукой я схватил бамбуковую трубку, в которой опознал ракету «Борода луны». Я поджег фитиль и направил ее в открытый люк. С громким ревом фонтан брызг и огня выплеснулся в ночь. Крики Больших Носов донеслись с палубы, и я услышал, как люди, пытавшиеся меня схватить, в панике разбегаются. Меня охватил приступ неудержимого смеха, когда я запустил еще две ракеты. Я собирался умереть, но теперь смерть казалась мне смехотворным уделом.

Вероятно, длительное общение с буддистами и даосами повлияло на меня, поскольку у меня не было желания убивать Больших Носов. Я ждал достаточно долго, чтобы они успели побросаться в море, прежде чем поджег фитили нескольких «Громобойных бомб», потрясающих небеса. Моя последняя мысль в ожидании взрыва, который швырнет меня в Великое Ничто, была о тебе, Крыло Сердца. Когда я решил покончить с собой и войти во врата, видно, твой дух вернулся, чтобы провести меня к предкам тем путем, который послужил бы Государству. Я поблагодарил тебя, и тут «Громобойные бомбы» взорвались.

И все же я не погиб. Позже, когда я вновь обрел способность соображать, я понял, что тогда твой дух еще не оставил меня. Кто, кроме тебя, мог поместить мое тело таким образом, что оно было выброшено взрывом прямо через открытый люк в сияющую ночь? Я этого совсем не помню, но вахтенный, который к тому времени уже добрался до берега и наблюдал за пусками ракет, утверждает, что когда корабль превратился в огненный шар, он заметил мой силуэт, мчащийся вверх на фоне луны.

Он нашел меня на отмели целым и невредимым, за исключением того, что мои брови и борода были опалены, а одежда изорвана. Я был без сознания. Подобно метеору, я упал обратно на Землю, обратно к жизни. Я упал, как падают звезды – из далекой темноты, где они дрожат от холода, в близкую, теплую темноту Земли. В ту ночь я упал из мрака моего одинокого горя во мрак земного существования, где все мы страдаем в нашем неведении. Приведенный в чувство вахтенным, я сидел на залитой лунным светом отмели, и перед моим внутренним взором все прожитые сорок лет падали в пустоту. Корабль ушел – так, как ушла ты, Крыло Сердца, и как ушла наша дочь, – в ту пустоту, ко-

торую буддисты называют «саньята» и которая в действительности есть пустота нашего незнания, тайна, окутывающая все, что живет и умирает.

Как глупо с моей стороны говорить это все тебе, которая сейчас покоится в сердце этой пустоты. Но я... я был слеп, я спал. Мне нужно было напомнить о том, что время и вещи в своем падении уходят не в темноту, но в новую свободу, которую мы не можем выразить и потому называем пустотой. Вся реальность существует в этой пустоте, как светила существуют в пустоте космоса, а слова — в пустоте страницы. Слова пытаются захватить реальность в плен, но на самом деле захватывают лишь еще больше слов и сомнений. Тайна есть главнейшее условие человеческого существования — и в то же время наша свобода быть такими, какие мы есть, свобода выбирать слова, которых требуют наши сомнения.

Никто из делегации не понял, о чем я толкую, когда меня привели в миссию, чтобы я рассказал о случившемся. Они были очень благодарны мне за срыв похищения императорского судна, но вместе с тем уверились, что от взрыва я повредился рассудком. Я думаю, монахи поняли, что я имел в виду, но они из такой же «помешанной» секты дзен-буддизма, так что они последние, кто выдаст эту тайну.

На протяжении нескольких дней после этого я был совершенно ошеломлен открывшимся мне знанием — что свобода быть тем, кто я есть, означает прежде всего то, что я один — без тебя. Теперь это было именно так. По причинам, которых мне никогда не понять, смерть отказалась от меня. Так что же мне делать с этой жизнью и этим одиночеством? Свобода существовать, свобода, чьи возможности вечно ускользали от нас, выдвигала новые требования. На месте моего падения и стыда возникла зияющая пустота, которую следовало заполнить тем, чем я еще мог стать.

Пока я медитировал над этим, делегация отправила из миссии официальное письмо Большим Носам с выражением протеста против их попытки сознательного воровства и угрозой доложить о случившемся Императору. Большие Носы, никто из которых при взрыве не пострадал, ответили коротким письмом с вялыми извинениями. Поскольку вблизи не было другого императорского корабля или войск Автократий, настоятель монастыря склонил нас к тому, чтобы принять извинения.

Пытаясь одновременно умиротворить Колонизатора и ускорить его отплытие, делегация одарила его всеми фарфоровыми изделиями, которые были в миссии, несколькими прекрасными холстами с изображением пейзажей, нефритовой статуей Гуань-Инь, богини безмятежности, а также тюками сельскохозяйственных культур, незнакомых ему, — та-

бака, арахиса и картофеля. К тому времени, вдохновляемый тем, что у меня больше нет ни семьи, ни карьеры, я принял решение выпить целебный яд, которого требовало мое горе. Я отказался от возвращения в Срединное Государство, чтобы плыть с Колонизатором через Море штормов на его родину.

Осуждаешь ли ты меня за глупость? На самом деле решение было непростым, поскольку я надеялся вернуться и совершить все обряды над твоей могилой. Но если то, что я узнал о пустоте, – правда, то тебя там больше нет. Следование Пути никуда не ведет, если нет начала и конца. И я решил, Крыло Сердца, пройти по нему, собрав воедино разрозненные части моей жизни – для будущего, и для того, чтобы постичь Неведомое.

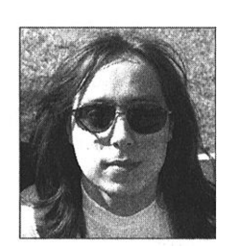
Делегация тщетно пыталась отговорить меня. Они боялись, что я окончательно сошел с ума. Но мне уже все равно. Я знаю, что ты поняла бы меня, Крыло Сердца, ты, которую я завоевал своими рассказами, написанными при свете вспышек озарения. Поэтому, каким бы абсурдом это ни казалось, сейчас я сижу здесь, на шканцах протекающего судна под названием «Санта-Мария», и пишу тебе.

Судя по тому, как смотрит на меня капитан, он еще зол на меня за срыв его замыслов, и я знаю, что он взял меня на борт лишь в надежде получить дополнительные сведения о нас. Но сейчас незнание языков друг друга дает мне шанс заслужить уважение Больших Носов своими поступками – и, наблюдая, больше узнать об этих варварах.

Спустя какое-то время я научусь понимать их язык. Я поведаю их императору о чудесах Срединного Государства, о достижениях Объединенных Сандаловых Автократий, о талантах нашего народа. И я буду писать с дальнего конца света, с такого далекого востока, что он превращается в запад, с точки, где встречаются Солнце и Луна. Оттуда я стану посылать в Срединное Государство и в ОСА рассказы, которые будут читать все, рассказы о другом мире, написанные тушью новой луны.

Перевод Олега Колесникова

Олег Дивов

ЗАКОН ЛОМА

Не далее как в прошлом номере «ЗД» была напечатана большая статья о творчестве московского фантаста Олега Дивова. Ее автор, в частности, констатировал наличие в его произведениях четкого нравственного императива, который зачастую укрыт толстым слоем «неполиткорректного» шоколада. Такова же и повесть «Закон лома», выходящая в этом номере нашего журнала. Кстати, писалась она в рамках весьма любопытного проекта, который затеяли компания «Intelbuild» и ежемесячник «Летопись интеллектуального зодчества». По их просьбе 29 российских фантастов написали по рассказу на тему «Дом будущего». Рассказы составили сборник «Пятая стена», который увидит свет через несколько недель...

– Нет, – сказал Большой Али. – Мы эту работу не возьмем. Скучно, долго, много возни. Мы любим, чтобы быстро, понял? Бац – и капуста. Будет такая работа, приходи.

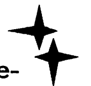
– Неужели вам трудно ограбить дом? – спросил заказчик. – Просто войти, пошуровать внутри и уйти?

– Он не понял, – вздохнул Али и оглянулся по сторонам, будто в надежде, что кто-нибудь разъяснит заказчику ситуацию. Впрочем, это было чисто «риторическое» оглядывание. Парни из банды согласно кивали и бросали на заказчика хмурые взгляды, но рта никто не раскрыл. Попробовали бы они.

– Слушай, ты, перец, – сказал Большой Али. – Есть такая вещь – профессия. Вот это... – Он ткнул громадным черным пальцем в расстеленную на столе план-схему. – ...не наша профессия.

– Какого же черта я перед вами битый час распинался?! – вскипел перец, видимо, позабыв, с кем говорит.

– Мне было очень интересно, – смиренно признался Али. – Теперь

я все знаю о системе безопасности смарта. И когда разбогатею, непременно куплю себе такой дом. Спасибо за рекламу, дядя.

– Тьфу! – Дядя принялся складывать план-схему. – Надо же, столько времени угробить...

– Засохни, плесень, – еще более смиренно, просто ласково произнес Али – и плесень действительно засохла. – Спроси любого в даунтауне, и тебе скажут, что Большой Али никогда не мелочится. Ты потратил время, мужик? Я заплачу. Во-первых, ты уйдешь отсюда живым...

Все-таки этот заказчик был то ли полный идиот, то ли весьма не робкого десятка. Он, конечно, побледнел, и руки у него слегка задрожали, и со схемой возиться мужик перестал. Но он глядел Али в глаза, и видно было – ждал продолжения. Ждал «во-вторых».

– А во-вторых, ты пойдешь в русскую забегаловку на восемьдесят шестой и спросишь там Мэта Закариа. Возможно, он знает, чья это профессия – обчищать дома. И, может быть, подскажет, кого задействовать. Надеюсь, ты ничего не имеешь против русских, чувак?

– Нет, – сказал чувак, убирая схему в кейс.

– А то мне вдруг показалось, что ты расист, – скромно заметил Али. – И тебе противно будет иметь дело с нацией, которая только и способна, что лазать по чужим домам. Впрочем, цыгане умеют еще меньше – верно, братья?

Братья согласно закивали.

– Короче, вали отсюда, пока цел, белый парень.

Белый в темпе собрал манатки и свалил, не попрощавшись.

– Зачем ты послал его к русским, брат? – спросил Большого Али один из подручных – ну, из тех, кому разрешалось задавать вопросы. – И вообще... Можно было для вида согласиться, взять аванс – десять тысяч все-таки! – а потом отоварить придурка по тыкве, и дело с концом. В первый раз, что ли?

– Спорю на сотню, что этот тип – фед, – сказал Большой Али. – Вонючий белый провокатор. Я за две мили чую феда. И какого черта он предложил нам взять дом, который не берется? Так-то. А русские давно нарываются. Вот пусть они туда и лезут. Вам не кажется, братья, что русские задолбали?

Еще бы братьям не казалось.

– А ты правда думаешь, что смарт не берется? – поинтересовался другой из подручных – ну, тоже кому можно было.

– Ты же слышал и видел, – ответил Большой Али. – Там идеальная система безопасности. Умнее не придумаешь. И знаете, братья, сдается мне, этот белый ублюдок нам чего-то не досказал. В смарте может

оказаться еще какая-то фишка. Последняя линия обороны. На случай, если ты все-таки просочишься в дом, а охрана не получит сигнала тревоги.

— Интересно, какая...

— Вот пусть русские ее и оценят, — заключил Большой Али.

Русских в даунтауне не любили давно и обоснованно. Во-первых, русские плевать на всех хотели и не признавали никаких правил. Во-вторых, они на своих бензоколонках — ну, имелась у них небольшая сеть, чтобы отмывать грязные деньги, — разбавляли топливо водой. Это, по-вашему, нормально?

Они, было дело, самому шефу полиции набухали полный бак разведенного бензина. Не заметили, что ли, кому льют. Там долгая вышла история, не сейчас ее рассказывать.

А еще русские оказались ужасные расисты. Афров они, видите ли, не любят, арабов не переносят, цыган терпеть не могут, даже от евреев, и от тех носы воротят.

Если бы не всеобщий страх перед жуткой русской мафией, то этих отморозков давно бы из города погнали. А так — мирились. Но мелко напакостить случая не упускали. Поэтому заказчик — по версии Большого Али, федеральный агент — был направлен к Мэту Закариа. А старина Мэт (по нижегородской прописке Матвей Моисеевич Захаров) внимательно к заказчику пригляделся и ничего такого в нем не нашел. Много подозрительного, но никак не полицейского.

— Просто взять дом? — переспросил Мэт. — Никакой мокрухи, вандализма, терроризма, сексуального насилия? Всего лишь войти, набить рюкзаки товаром и выйти?

— Это не просто дом, — помотал головой заказчик. — Это особенный дом.

— Ну, смарт, — усмехнулся Мэт. — Подумаешь. Что, смартов не брали? Год назад в Санта-Монике угнали грузовик и на нем проехали смарт насквозь, две стены вынесли. Накидали полный кузов барахла — только их и видели.

— С этим смартом подобный фокус не пройдет. Там закрытый поселок с охраняемым периметром.

— И такие брали. Ты что, газет не читаешь? Угнали два грузовика. На одном подрулили к посту охраны и раскатали в блинчики все их машины. А на другом протаранили забор, въехали в смарт, накидали полный кузов барахла...

— Этот поселок охраняют надежно. Патрулируют его круглосуточно

– понимаете? И частную охрану страхует полиция. Кроме шуток страхует, а не с опозданием на полчаса, как обычно.

– Можно угнать три грузовика, – сказал Мэт твердо. – И два-три бульдозера, чтобы вломиться через периметр одновременно с разных сторон. Пусть охрана развлечется не по-детски. И можно экскаватор еще.

– Экскаватор-то зачем?! – удивился заказчик. До этого момента он с каждой секундой все заметнее уставал – а тут удивился.

Мэт поглядел на заказчика с откровенным сожалением.

– Эх, ты... Дорогу перекопать, вот зачем. Ну, по которой полиция должна подъехать. И пусть страхуют кого угодно хоть до второго пришествия.

– А самим как выезжать?

– Выезжать не надо. Можно угнать вертолет...

– Простите, сударь, – произнес заказчик вкрадчиво, – а это обязательно – скромную квартирную кражу раздувать до масштаба «Бури в пустыне»? Вы так всегда делаете?

– Да пошел ты... – Мэт фыркнул и обиженно надулся.

– Мне нужно просто ограбить смартхаус, – сказал заказчик очень грустно. – Тихо ограбить, понимаете?

– Он что, с твоей женой переспал? – спросил Мэт, хитро прищурившись.

– Кто?

– Да уж не смарт. Этого-то они еще не умеют, я надеюсь?

– Зависит от начинки, – небрежно бросил заказчик.

Мэт обалдело вытаращился.

– Вас не должны интересовать мои мотивы. Я предлагаю работу и хочу знать, возьмется за нее кто-нибудь или нет. Есть у вас на примете специалисты такой квалификации?

– Зависит от начинки. – Мэт выразительно шевельнул пальцами.

– Деньги есть. Достаточно.

– Что ж ты с ниггерами не сторговался?

Заказчик на «ниггеров» не отреагировал никак.

– Ладно, – сказал Мэт. – Я пойду, а ты жди. Перекусить успеешь. Закажи okroshka – по нынешней жаре в самый раз.

– Предпочитаю американскую еду, – сообщил заказчик.

– Я так и понял, что ты расист, – кивнул Мэт, вставая из-за стола.

– Все сегодня с ума посходили, – сказал заказчик уныло.

Мэт черным ходом вышел на улицу, по пожарной лестнице взобрался на второй этаж и через распахнутое окно шагнул в небольшую очень грязную комнату. Посреди нее трое молодых еще мужчин – в возра-

сте слегка за тридцать – играли в карты, используя вместо стола коробку из-под ксерокса.

– Есть клиент, мужики, – сказал Мэт. – Жирный котяра. Темнила страшный, но зуб даю, что не полис и не фед. Даже жалко – я ему такие роскошные перспективы обрисовал, аж сам увлекся...

На самом деле, смарты грабили очень редко. Точнее, когда-то пробовали грабить и почти сразу навсегда зареклись. Результат не оправдывал ни риска, ни затрат на подготовку.

Технически войти в смарт было не сложнее, чем в обычный дом. Вот только выходить из него требовалось самое большее через три минуты. И очень быстро сматываться. Потому что максимум на шестой минуте подкатывала охрана. Которая уже знала, сколько вас, как вы выглядите и на чем приехали. Ей все это смарт еще по дороге описывал.

Конечно, можно было захватить хозяина смарта и потребовать от него код – обычно смартхаусы открывались именно комбинацией цифр. Чтобы хозяин мог одну цифру в коде переврать. Смарт безропотно впускал непрошенных гостей, но тут же включал «тревожные» камеры скрытого наблюдения и вызывал охрану.

Нет, ну можно еще пообещать хозяину пулю в голову за неверный код или вообще украсть у него ребенка. Можно в случае чего орать полисам – стойте, у нас заложник... О, да, конечно. Щас!

Очень уж большая разница – максимум три года за взлом или верных тридцать лет за преступление, сопряженное с насилием. Ни в одном смарте не лежит столько денег, чтобы из-за них так подставляться.

Деньги в банках лежат.

Вот банки и грабили. Примерно то же, что взять смарт, только наличные искать не надо – кассиры сами капусту в мешки упаковывают.

А Большой Али, например, банки не грабил. Боялся. Он по мелким арабским и китайским магазинчикам специализировался. Чтобы бац – и готово.

Что интересно, посылая заказчика к русским, Али хотя и имел в виду кинуть им подлянку, а по сути не врал. Русские могли замахнуться на смарт.

Они же целую страну разворовали, хотя у них там были гулаг и кэйджиби. Они и гулаг с кэйджиби по кусочкам растащили.

Они после той оказии с разбавленным топливом пригнали шефу полиции целый бензовоз. К подъезду. Типа в подарок, загладить вину. Что интересно, не краденый. Скинулись, купили и пригнали.

У шефа от изумления язва открылась, и он на неделю в больницу слег.

Русских «специалистов» звали Дима, Армен и Шварценеггер. Вид они имели очень интеллигентный, смирный и какой-то бедноватый, что ли. Особенно это бросалось в глаза по контрасту с бандой Али. Там все были толстые, увешанные золотом и с громадными пистолетами.

– А вы на самом деле русские? – спросил заказчик, недоверчиво оглядывая команду.

– Мы москвичи, – сказал Дима.

– Это еще хуже, – объяснил Армен.

– Покажите им деньги, и они будут хоть китайцы, – бросил на прощание Мэт и вышел в окно.

Щуплый маленький Шварценеггер ничего не сказал, но зато вытащил из-за пазухи здоровенный вольтметр и с умным видом на него уставился.

– И вы это... – поинтересовался заказчик, опасливо косясь на электронную машинку. – Входите в закрытые помещения?

– Входим, – подтвердил Дима. – И даже выходим.

– Сгибаясь под тяжестью награбленного, – ввернул Армен.

Ну, тут он, положим, для солидности наврал. Собственно красть их команда даже не пробовала. А занималась она исключительно порчей, разрушением и уничтожением всяческих замков, дверей, решеток и прочего, чем средней руки американский капиталист защищает склады, подсобки и открыто стоящие контейнеры. Расчищала путь к капиталистическому имуществу и быстро убегала.

Только вороватый Шварценеггер все пытался уволочь с места преступления какую-нибудь ерунду – за что регулярно получал по рукам.

Старый фокус. Мы, господин прокурор, шли мимо. Из чисто хулиганских побуждений отключили сигнализацию, замок сорвали и потопали себе дальше... А мы, господин прокурор, тоже шли мимо. Видим: открыто. Зашли и взяли, что плохо лежало. С самого краешку. Так, по мелочи. Чего оно валялось незапертое и вводило честных граждан во искушение?..

Ясен пень, заказчику эти подробности знать было ни к чему.

Заказчик достал схему. Между прочим – что там Мэт про китайцев ляпнул? – косоглазым он ее уже показывал.

К сегодняшнему дню он с этой схемой все городское дно облазил. По идее, у него на хвосте должны были висеть и полисы, и феды, донельзя заинтригованные.

Ну, русским об этом знать не стоило, наверное.

Заказчик так умучился ставить задачу, что теперь изъяснялся предельно сухо и четко.

– Вот поселок, – сказал он. – Вот дом. Нужно войти и оставить явные следы проникновения. И уйти, ни в коем случае не попавшись. Десять тысяч аванс. По исполнении через неделю – еще тридцать.

– Пусть будет не тридцать, а сорок, и в течение суток, – предложил Дима.

– Нет. Я хочу убедиться, что вы ушли чисто. Если вас не найдут за неделю, значит, так и есть. А сумма окончательная и не подлежит обсуждению.

– Ладно, – вздохнул Дима. – Раз не согласны торговаться – давайте тогда признавайтесь, на фига вам это все нужно.

– Допустим, я хочу напакостить хозяину дома. По личным мотивам. Так нормально?

– Сойдет. Как версия. Что там можно взять?

– Честно говоря, почти ничего. Мебель, кое-какая аппаратура... По-настоящему обживать дом начнут только через месяц. Вот почему я и предлагаю вам такие большие деньги.

– Мы и подождать можем, – заметил Дима. – Нам-то не к спеху. Зато потом мы с удовольствием освободим хозяина от любимого барахла. Да и в сейфе его покопаемся не без приятности. Как вы сказали – напакостить? Ну, вот. Пакостить – так по-крупному.

Заказчик пренебрежительно хмыкнул.

– Барахло... Плевать он хотел на барахло. Поймите, тут принципиально важен сам момент проникновения в дом. Увидев, что к нему залезли, хозяин не сможет там жить. Он купил смарт, потому что уверен: это будет только его жилище. Ну, а я... Самое больное место, понимаете?

– Злой вы человек, – пожурил заказчика Армен.

– И от кого я это слышу?

– Ваша правда, сэр. Извините. Хотите, я там что-нибудь гнусное на стене нарисую? Или, допустим, в супружеское ложе накакаю?

– Нет-нет! – заказчик даже руками замахал. – Только, пожалуйста, ничего такого. Без вандализма. Мне будет неприятно.

– А то поджечь можем, – деловито предложил Дима. – Чуток еще деньжат накиньте за пиротехнические работы, и мы...

– Не надо! – приказным тоном потребовал заказчик. – И давайте сразу договоримся – за нанесение ущерба зданию и обстановке вы будете оштрафованы.

– Ох, хитрец! – подал голос Шварценеггер. – Уважаю!

– Что такое? – нахмурился заказчик.

– Нет, ребята, вы разве не поняли? – обратился Шварценеггер к коллегам. – Я-то сразу догадался. Он хочет... Ой, ладно, после объясню.

– Хорошо, а пока не встревай, – распорядился Дима. – Значит, войти, оставить следы и выйти... Что вы знаете об охранной системе этого смарта?

– Все, – сказал заказчик.

В защите смарта изъянов и слабых мест не нашлось. Единственное, за что в принципе можно было ухватить смарт, так это за один-единственный внешний фактор. Человеческий. Если как-то нейтрализовать охрану или хотя бы задержать ее... А вот об умный домик сам по себе – только зубы ломать. Едва хозяин выходил за дверь, смарт «вставал на охрану». Он не просто давал сигнал тревоги в момент взлома. Он еще и просматривал земельный участок, на котором жил. И из-под земли его ощупывал заглубленными датчиками. Любой движущийся объект весом больше тридцати килограммов мгновенно привлекал внимание дома. Смарт настораживался, пытался идентифицировать объект, принимался отслеживать его перемещения и все записывал. Если по территории бродил не соседский мальчишка (соседей дом знал в лицо), то картинка тут же уходила на пост охраны.

Внутри дом был нашпигован датчиками объема, инфракрасными сканерами и «тревожными камерами», включающимися при несанкционированном проникновении. Если с хозяевами приходил кто-то чужой, дом на всякий случай запечатлевал и его. И подглядывал за гостем, когда тот оставался в комнате один.

– Типичный параноик, – сказал Армен.

– Нет, просто вышколенный слуга, – парировал заказчик.

– Это ж с ума сойти можно – жить в доме, который постоянно за тобой следит!

– Как раз за хозяевами смарт не следит. Но если им захочется, они смогут выставить и такую опцию. Многие, например, просят смарт приглядывать за детьми.

Смарт безвылазно сидел в Интернете – казалось бы, загоняй ему в мозги вирус и бери управление на себя, – но и с этой стороны к дому оказалось не подступиться. Защитой управлял отдельный компьютер, вообще не подключенный к Сети. Эйфория первых лет внедрения смартов, когда хозяева открывали двери звонками с мобил или электронными письмами, давно прошла.

Самым обидным было то, что все эти охранные премудрости элементарным образом отключались командой с внешнего ремонтного порта. Но ремонтник подсоединялся к нему только в присутствии хозя-

ина и охранника – либо с санкции прокурора и тогда уже под контролем полиции. А пожарные, если что, просто ломали дверь и...

– Запалить бы его слегка, – мечтательно произнес Армен. – И самим приехать тушить. На настоящей пожарной машине... Красивый ход, ага?

– Вы еще предложите наводнение устроить, – сказал заказчик. – Или землетрясение.

Конечно, смарту можно было попросту отрубить электричество. При падении напряжения дом переходил на аварийный режим с питанием от аккумуляторов и посылал тревожный сигнал в электрокомпанию. Полчаса он ждал – обычно за это время мелкие неисправности устранялись, – и если тока по-прежнему не было, уведомлял о происшествии хозяина и охрану. После чего запускал дизель-генератор. В случае отказа генератора смарт начинал паниковать и требовать помощи. Успокоить его могло только появление хозяина или охраны. Еще через полчаса аккумуляторы садились, и если дом по-прежнему оставался беззащитным, тогда он на последнем дыхании звонил 911.

– Сколько он может продержаться на дизеле? – спросил Дима.

– Сколько... Да пока горючее не кончится! Генератор у каждого дома свой, хозяин сам выбирает. Обычно стараются подгадать так, чтобы одной заправки хватало часов на двенадцать. А уж есть ли у хозяина запасная канистра в гараже...

– В общем, рубить ему кабель бессмысленно, – заключил Армен. – Ладно, и как же вы нам предлагаете грабить эту хрень?

– Мне вас порекомендовали как специалистов по проникновению в дома, – сказал заказчик. – Ну и... э-э-э... проникайте. Времени неделя, с послезавтрашнего дня. Хозяева уезжают в Европу.

– Вот это хорошо, – сказал Дима. – Отсутствие хозяев – серьезный аргумент «за». В общем, записывайте телефончик, мы до завтра поразмыслим, и где-нибудь к обеду вы нам позвоните.

– Вы уж придумайте что-нибудь, а? – почти взмолился заказчик.

Дима обещающе кивнул.

Когда заказчик ушел, Дима спустился в забегаловку и подошел к Мэту, уплетающему за обе щеки okroshka под ледяную водочку.

– Приятного аппетита, дядя Матвей, – сказал Дима. – Ну, и странного же американоса ты нам сосватал! Надеюсь, догадался посадить ему на хвост своего человечка?

– Чтобы я – и не догадался? – улыбнулся Мэт.

Шварценеггер уверял, что заказчик хочет по дешевке купить вскрытый смарт. Действительно, пострадавшие от несанкционированного проник-

новения дома на какое-то время резко падали в цене. При условии, что информация о взломе системы безопасности просачивалась наружу.

– Вот увидите, он еще попросит нас фоток там нащелкать! – уверял Шварц.

– Не вопрос, нащелкаем, – кивнул Армен.

Дима попросил не отвлекаться и поставил задачу. Шварценеггера он послал «на этюды», то есть покататься вокруг поселка и «на натуре» оценить качество несения службы охраной. Армену было приказано готовить снаряжение. Сам Дима отправился в районный технадзор за серьезной – а не детской, как у заказчика – схемой поселка.

Русские могли войти в смарт легко и непринужденно.

Более того, они могли весь его облазить – ну, первый-то этаж точно – и действительно наделать фотографий.

Даже стырить какую-нибудь глупость вроде диванной подушки. Или дохлую крысу подбросить в морозильник.

А ничего серьезнее от них и не просили, верно?

Потому-то русские и могли войти в смарт.

Про ценные вещи Дима спрашивал клиента лишь для отвода глаз. Случись заказ на настоящую домовую кражу, Дима не пошел бы в смарт ни за что. А вот заползти – именно на четвереньках заползти в дом – команда Димы могла только так. В любой момент, лишь бы хозяин был в отлучке. Но что можно украсть в пределах двух футов от пола? Тапочки и мусорное ведро?

Пылесосы и полотеры. Их в каждом смарте была прорва, и минимум раз в сутки они принимались по дому мельтешить. Уборка продолжалась не меньше часа, и на этот период смарт «поднимал глаза» на два фута. В смысле – датчики объема вообще отключал, а пересечение инфракрасных лучей на уровне двух футов и ниже игнорировал.

Оставалось только найти позицию неподалеку от поселка, на которой можно скрытно залечь, прицелиться лазером в окно дома и начать считывать с него звук. Как только внутри зажужжит – давай, засекай минуты с секундами.

Вот оно, твое время.

А как незаметно добраться до здания, стоящего почти что в центре охраняемой зоны, и войти в него – ну, это только настоящий, стопроцентный американец не догадался бы. И то, наверное, прирожденный и убежденный горожанин, жертва небоскребной архитектуры. Вуди, мать его, Аллен. Хотя дай ему месяц-два на размышление...

– Ты чего такой смурной, дядя Матвей? – удивился Дима.

– Да понимаешь... Не знаю. Сомневаюсь я. Живет ваш клиент в том

же самом поселке. Только с краю, где участки дешевле. Кстати, там вообще заселенных домов от силы процентов двадцать, а из остальных большинство еще даже не продано. Тот дом, что он вам наметил, тоже не из самых дорогих. Такой же, как у него. Странно все это, не находишь?

– Наоборот. Подтверждает ту версию, что он нам задвинул. Личная месть, удар в больное место. Потому и нервничал. И не темнила он никакой, а просто лох. Так хотел добиться своего, что решил сыграть в открытую, правду сказал. Думал, мы не проверим.

– Мы еще ничего не проверили, Дима. Я пока не выяснил ни имени, ни места работы этого типа. Знаю только, что у него машина неправильная. Для жизни в таком месте неподобающая. «Кадиллак-севиль». А должен быть «мерин» или «биммер».

– Да и фиг с ним, – отмахнулся Дима. – Пусть аванс заплатит, и мы сразу полезли. Делов-то. Полдня максимум. Зато слава какая! Представляешь, что люди скажут – мол, русские втроем в смарт залезли, целый час по нему гуляли и обратно вышли! Ты нам только маленького Абрамчика сдай в аренду с его вэном – на шухер поставить. Я больше всего боюсь, что какая-нибудь гнида колесом на люк наедет. Время нам вылезать, а на крышке стоит громадный трак, и водила баиньки ушел. То-то будет весело! Нет, я уж лучше своей машиной прикроюсь.

– Умное решение. Но оно будет стоить тебе двушник, – сказал Мэт.

– Почему не штучку? – удивился Дима.

– Поговорку забыл – изи кам, изи гоу? Не мелочись. И будет тебе счастье.

– Это уж точно – изи кам. Представляешь, чего творят, негодяи, – теплотрассу с кабельной шахтой и канализацией совместили! Экономят они так! И красоту наводят, чтобы над поселком провода не висели! Нет, нам-то лучше, мы даже аккумуляторы с собой не возьмем, прямо на месте от кабелей и запитаемся, но вообще... До поселка нормальная воздушка, потом трансформаторная, и кабель уходит вниз. Ты бы дома так сделал? Чтобы по общему подземному коридору – вода, тепло, дерьмо и электричество?

– Один-то аккумулятор возьми хотя бы, – сказал Мэт. – Ты же умный.

– Тогда скидку мне, – потребовал Дима. – Квортер пёрсентс. За интеллект.

– Двушник, – помотал головой Мэт. – Именно за него, родимый, за интеллект. Не жидись, умный юноша. Голова! Ленин!

– Ленина спалили, и не раз, – сказал Дима. – А нас пока ни разу.

И вообще, дурак он был, твой Ленин. Это ведь из-за него мы здесь фигней страдаем. Такие люди, цвет нации, тьфу, блин, — эмигранты! И ворье к тому же. А все Ленин.

— Ну и вали в свой Израиль, — бросил Мэт. — А мне и тут хорошо.

Они бы еще долго препирались из-за ерундовой, в общем-то, суммы, но тут приехал Шварценеггер.

— Здорово, отцы, — сказал он. — Значит, так. Уборка раз в сутки. С десяти до одиннадцати эй эм. Стандарт, короче. Не звонил клиент-то?

Будто по просьбам трудящихся, в кармане у Димы тренькнул мобильный. Дима было трубку вытащил, но тут Мэт стремительным движением перехватил его руку и не выговорил даже, а прошипел:

— Двушник!

И действительно, заказчик попросил наделать фотографий. А еще он очень хотел узнать, как именно воры полезут в смарт. Ну, просто ужас, как хотел. Извертелся весь, бедненький.

Но только розовая птица обломинго махнула крылом ему в ответ.

— Мы будем действовать в рамках закона лома для разомкнутой цепи, — сказал Дима. И многозначительно надул щеки.

— Закон Лома? — удивился заказчик. — Кто это — Лом?

— Это такой русский, — объяснил Армен.

Заказчик с тяжелым вздохом передал ворам пакет с деньгами и укатил на своем черном «севиле».

— А правда — что такое закон лома? — спросил Армен.

— Для разомкнутой цепи? Да проще некуда. Вот, есть некая цепь. Берется лом. Если знать, по какому звену ломом въехать, цепь развалится на две половинки, открывая проход.

— Всего-то... — протянул Армен разочарованно. — Тоже мне, закон.

— Зато работает, — сказал Дима.

Рано утром небольшой фургончик остановился на малолюдной улочке в паре сотен шагов от поселкового забора. Шварценеггер поднял секцию пола, глянул вниз и сказал:

— Абрамчик, вперед на полметра. Стоп!

Внизу был канализационный люк.

Порядок следования определили следующий. Шварценеггер, как самый легкий, юркий и узкоплечий, полз в авангарде. К тому же он ловчее всех в команде управлялся с режущим, пилящим и сверляще-долбящим оборудованием. Местный гений разрушения. Когда в автомастерской Мэта что-то не хотело отламываться, вывинчиваться или отры-

ваться, посылали за Шварцем. Под его руками – будто само отваливалось.

Могучий Армен пер на себе основную часть инструмента и, в случае чего, проталкивал Шварценеггера вперед или служил ему точкой опоры.

Дима, как положено командиру, замыкал колонну. Он тащил резервные батареи и, что немаловажно, закрывал собой путь к отступлению.

Ползти по теплотрассе оказалось скучно, пыльно, утомительно и долго. В какой-то момент они едва не заблудились. Потом нагруженный тяжелым снаряжением Армен изобразил нечто вроде приступа астмы, чем здорово приятелей напугал. Потом Дима решил, что они могут опоздать, и принялся всячески подгонять команду, из-за чего темп движения только замедлился. Но все-таки они выбрались куда надо, и почти вовремя.

– Вот оно, – Шварценеггер похлопал ладонью по небрежно сложенной кирпичной стенке. – Ну и халтура! Прямо скажем, не наш человек клал. Не Иван Денисович какой-нибудь. Армен, заряжай.

Армен перевернулся на спину и принялся «заряжать», то есть запитывать дрель от идущего по потолку кабеля. Пыхтя и отдуваясь, он ввинтил в толстенную черную кишку хитрый инструмент, эдакую помесь буравчика со штекером типа «папа», и когда на устройстве загорелся огонек, набросил на выводы «крокодилы». Посыпались искры.

– Есть контакт, – удовлетворенно сообщил Армен и мучительно закашлялся.

Шварценеггер поставил дрель в режим перфоратора, надвинул на глаза очки, посоветовал беречь перепонки, уткнулся сверлом промеж кирпичей и начал долбить.

Это было ужасно.

Дима лежал на трубах, чихая и затыкая уши, и для успокоения нервов думал о том, что смарту этот ужас по фигу – его электронные мозги никак не отреагируют на сотрясение фундамента, потому что живые мозги американского программиста не могли предусмотреть такую бредовую возможность.

Шварценеггер продолбился ударно, за двадцать минут.

– Армен, разряжай, – сказал он. – Ну, успели. Лежим, курим. Или сразу лезем? Невысоко вышли, над самым полом. Я даже чего-то вижу там. Мусоросжигатель, что ли. Эй, ребята! Вы меня слышите?!

Ребята не слышали. И поскольку заложенные уши разложило далеко не сразу, пришлось немного еще поваляться на трубах. Время позволяло.

Если не считать упомянутого мусоросжигателя и кучи дробленого кирпича, подвал оказался пуст. Более того, он не был никак прикрыт охранной системой – это Дима определил мгновенно. Здесь можно было ходить в полный рост, и команда с наслаждением расправила плечи.

Внутрь дома вела мощная гладкая дверь без малейших признаков замка. Вот почему тут не было сигнализации.

– Дурацкая идея, – сказал Шварценеггер. – Пошел на помойку и захлопнулся на фиг. И конец. Съел весь мусор, потом умер.

– Ерунда, – отмахнулся Дима. – Там с другой стороны фиксатор и доводчик с мотором. Смарт тебе дверку откроет и уж позаботится о том, чтобы ты мог вернуться.

– Петли высверлим? – деловито спросил Шварценеггер.

– Дурак? Упадет же. Вырезай снизу лаз.

– О'кей, – согласился Шварценеггер, посмотрел на часы и достал из сумки фрезу. – Армен, заряжай. Успеем.

Ровно в десять эй эм, то бишь – по-русски – утра, дом ожил. Сначала он тихо зашелестел – это откинулись панели в стенах, – потом зажужжал.

Это поехали на работу пылесосы. Дима просунул в узкий лаз зеркальце на длинной ручке.

– Нормально, – сказал он. – Путь открыт. Теперь последний инструктаж. На пути бытовой техники лишний раз не вставать, задницы не отклячивать. Лучше всего не на четвереньках двигаться, а вообще по-пластунски. Так надежнее. Ну, коллеги, за мной!

В доме не жили. Да, как и обещал заказчик, внутри оказалась кое-какая мебель и довольно много хорошей престижной аппаратуры. Даже очень престижной. Шварценеггер минут пять, кряхтя, нарезал круги вокруг стойки домашнего кинотеатра, прикидывая, как бы чего-нибудь из нее выковырять. Кончилось тем, что он смотал целую бухту, метров в десять, жутко дорогого аудиокабеля с золотой нитью и дальше так и ползал – с этой бухтой через плечо.

– Меломан хренов, – вздохнул Армен. – Крохобор несчастный.

– У меня пылесос отвертку скоммуниздил! – прошипел сквозь зубы Шварценеггер. – Только я ее отложил на минутку, тут эта сволочь мимо проезжает. Звякнуло что-то, я хвать – а кранты отвертке! У-у, зараза! Нет на тебя кувалдометра!

– А на отвертке – твои пальчики, между прочим, – заметил Дима издали. Он непрерывно щелкал камерой, выискивая такие ракурсы, чтобы не очень бросалось в глаза, с какой подозрительно низкой

точки снимают. Получалось у него плохо, Дима злился. – Пальчики. Твои. А?

– Да их давным-давно затерло! – Шварценеггер махнул в сторону Димы перчаткой.

Они еще и в масках были. Диму знали как перестраховщика, почему и слушались безоговорочно. Дима и вправду был не Ленин – не спалился еще ни разу.

На родине он вообще не вором работал, а каким-то секретным инженером по оборонной части.

– Будем надеяться, что затерло, – вздохнул Дима. – Армен, на кухню сползай. А ты, Шварц, пошел в спальню. Чует мое сердце, господа, что творится здесь какая-то лажа. Но убей меня Бог, если я понимаю, в чем она заключается.

Нет, в доме не жили.

Армену не удалось заглянуть в холодильник, но зато он обнюхал мусорное ведро. А Шварц не обнаружил в спальне «ни грамма», как он выразился, постельного белья. Да и зала, мягко говоря, обжитой не выглядела... Да и прихожая тоже.

Здесь решительным образом не ступала нога человека.

Это тоже Шварценеггер такими словами обозначил ситуацию.

– Да и хрен с ним, – сказал Дима на двадцать пятой минуте. – Пошли, что ли, домой. А то я каждый раз как переползаю инфракрасный луч, у меня нервы в струнку вытягиваются. Следы проникновения есть? Значит, работа сделана.

– Я в спальне из комода ящики вытащил, – доложил Шварценеггер.

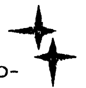
– А я на кухне нагадил слегка, – сообщил Армен.

– Надеюсь, не буквально?

– Вообще-то, если честно, я там пописал. Извини, Дим, приспичило. Но за мной уже убрали. А нагадил я в том смысле, что дверцу, за которой полотер кухонный живет, сломал немножко. Там сигнал пойдет, будто она не закрыта. Дом вызовет механика, тот явится – что такое, внешне все в порядке...

– Не явится твой механик. Хозяева в отъезде, ему без мента внутрь не попасть, – расстроил Армена Шварценеггер.

– А вот это мы посмотрим, – сказал Дима. – Это ты, Армен, хорошо придумал. Шварц! Звони Абрамчику, пусть хватает бинокль и пешком бежит на точку, откуда ты дом слушал. Это ведь недалеко. И пускай докладывает, не подъехал ли кто и не вошел ли в домик. Ты пока ему задачу поставишь, я еще пару снимков щелкну – и полезли. Хорошенького понемножку. Да, вот еще что. Кабель ворованный – брось. А ну, брось, кому сказано!

Как ни странно, ползти обратно было еще труднее и противнее. Вроде бы на том конце тоннеля команду ждала свобода – яркое солнце и довольно свежий воздух. Но они устали. Гораздо сильнее, чем предполагали устать. Поэтому из люка в вэн забрались не довольные собой победители, а измочаленные и заметно постаревшие за это утро трудяги.

– Ты, конечно, Димка, умный, – заявил Армен, выливая себе на голову ноль шесть литра минералки, – но как же я затрахался!

– За червончик, – напомнил Дима.

– А может, я дешевле и не даю, – предположил Армен.

Зазвонил телефон Шварца. Дима попросил взглядом, и Шварц протянул ему трубку.

– А-а, выбрались! – обрадовался Абрамчик. – А то связи не было. Значит, слушай, Дим, у меня новости. Полчаса назад к дому подъехал вэн. Если я правильно читаю – извини, далековато – это какая-то ремонтная служба. Из вэна, значит, вылез дядя с ноутбуком. Присоединил бук к двери, та открылась. Дядя вошел и до сих пор не вышел. Какие будут указания?

– Бери шинель, пошли домой, – сказал Дима очень усталым голосом. – То есть сиди на месте, сейчас мы тебя заберем.

– Засада? – спросил Шварц, все это время очень внимательно за Димой наблюдавший.

– Да не похоже. Но я терпеть не могу, когда меня держат за дивайс. А мы ведь не дивайсы – верно? Ладно, дядя, мы выясним, как ты нас поимел и зачем. А потом сообразим, как поиметь тебя... У дома нет никаких хозяев – понимаете, мужики? Он не продан. Демонстрационный образец, наверное, потому и с мебелью.

– Я другого не понимаю – этот тип нам заплатит или как?! – разволновался Армен.

– Он заплатит в любом случае! – пообещал Дима. – Хорошо, Шварц, давай за руль, сейчас Абрамчика подхватим, и баиньки.

И тут телефон зазвонил вновь.

– Димка, вы где?! – прокричал Абрамчик. – Сваливайте оттуда, мухой!

– Шварц, полный газ! – рявкнул Дима. – Абрамчик, мы сейчас...

– Не надо, я сам уйду! Бегите!

– В чем дело?

– Только что подкатили еще две машины. Одна – черный «севиль», а другая – охрана! И все полезли в дом! Похоже, вы наследили. Убирайтесь как можно дальше от этого люка проклятого!

– Шварц, уходим! Абрамчик, ты точно выберешься?

– Вот и плакала наша зарплата... – пробормотал Армен. – Дим, это я виноват. С меня потом спросишь за самодеятельность. Я отвечу.

– Он! Вот кто ответит! – прорычал Дима, швыряя под ноги телефон.

– Кто?! Я-а?!!! – заорал Шварц.

Фургон опасно завалился на бок в крутом повороте.

– Да не ты, придурок! Он!

– Я, – согласился Армен.

– И-ди-о-ты! – заключил Дима. – И я – главный!

– Это я виноват, – сказал Мэт. – Я должен был задержать вас хотя бы на сутки-двое. Чтобы не сразу полезли – молодые, горячие. Инженеры, трам-тарарам. Передовики соцсоревнования, вашу мать. Ломанулись, как на трудовой подвиг. По работе соскучились. А все я, старый дурень...

– Мы тебя долларом накажем, – пообещал Дима. – Чтобы не очень убивался. Ну и?..

– Наш заказчик – отставной федеральный агент. Специалист по электронным системам безопасности. Последние несколько лет работает на фирме, поставляющей населению самые навороченные смарты. Отвечает за наладку защиты от проникновения.

– Я не понимаю, – Дима помотал головой. – Почему он не мог с нами договориться по-человечески? Ну, искал мужик брешь в защите. Ну, решил, что две головы лучше. И что? Были же случаи... Нанимали взломщиков опытных на вполне законных основаниях! Да мы бы ему... В лучшем виде!

– Думаю, все дело в том, что этот тип – бывший фед. Он воров за людей не считает. Просто не может, воспитание не то. Вы для него так – расходный материал.

– Я его, гада, самого израсходую! – прорычал Дима.

– Но-но! Попросил бы! И думать не смей.

– То есть он точно не заплатит, – горестно заключил Армен. – Он нас не боится ни капельки и поэтому не заплатит. Ребята! Мамой клянусь – я отработаю!

– Заказчик отработает, – твердо сказал Дима. – Его-то собственный домик наверняка хорошо упакован. Много не утащим – так хотя бы в душу ему наплюем. Чтоб знал наперед, как русских подставлять.

– Ты же сам говорил, что смарт не берется! – удивился Мэт. – Слушай, не лезь на рожон, а? Зажми в кулак самолюбие. Ну его.

– Смарт – берется! По закону лома.

– Он уже сработал один раз, твой закон, – напомнил Армен. – И клиент наш обожаемыйназубок его выучил теперь.

– То был закон лома для разомкнутой цепи. А мы устроим – для замкнутой!

– Это как?

– Если плюс и минус, – произнес Дима тоном лектора, – замкнуть ломом, то лом слегка нагреется, а вот цепь развалится на хрен!

Изумленные подельники благоговейно затихли, переваривая услышанное. И первым голос подал Мэт.

– Диверсия! – воскликнул он. – Я подниму старичье, угоним пять бульдозеров и перепашем там все к такой-то матери! А вы под шумок...

– Как ты достал со своими бульдозерами, дядя Матвей!

– Или не я долбал этих долбаных америкосов в злодолбучем Нэме?!

– Если б ты воевал в Нэме, тебя бы фиг пустил сюда иммиграционный контроль.

– А им кто-то что-то сказал? Ха! У нас тут, знаешь, какие бойцы осели? Да мы та еще пятая колонна! И если родина прикажет...

– Расслабься, дядя Матвей. В гробу тебя видела твоя родина. И потом, здесь местных бойцов до фига и больше. Забыл, что ли, в конце недели – День Родни Кинга.

– О-па! – восхитился Шварценеггер, все это время отсиживавшийся молча в углу. Он там калькулятором щелкал и вздыхал тяжело, подсчитывая, наверное, упущенную выгоду и растраченный зазря креатив. – Отвлекающий маневр! Конгениально.

– Значит, Большой Али нам этого урода сосватал? – продолжал Дима. – Вот пусть и выручает теперь. Я сам пойду говорить с ним. Сейчас же.

– Стоп! – приказал Мэт. – Идея прекрасная. Но ты не пойдешь говорить с Большим Али. Даже я не пойду. Тут нужна фигура другого калибра. Я знаю, кого попросить, и мне точно не откажут. Базарить с негроздыми пойдет Зяма Мертворожденный.

– О, Боже! – воскликнул Дима с чувством. – Как можно иметь дела с человеком, у которого такое кошмарное прозвище?!

– Это фамилия, – сказал Мэт.

К вечеру того же дня об увлекательном приключении, которое нашла себе на все три задницы команда Димы, местные русские правонарушители знали чуть ли не поголовно. Общее мнение было таково, что Дима, конечно, редкий идиот, полный лузер и конкретный шлимазл – но и заказчик его тоже, мягко говоря, нехороший человек и должен быть наказан. А уж с ниггеров поганых компенсацию получить сам Бог велел.

Русские навалились на злосчастный поселок всеми наличными силами. Как говорили потом знающие люди, такой предварительной разведки не удостаивалась ни одна кража за всю историю русской криминальной диаспоры. И уже через полдня выяснились интереснейшие вещи. Диме повезло минимум три раза.

Ну, во-первых, сам по себе День Родни Кинга — это был редкий подарок. Во-вторых, поселок тоже активно готовился к всенародному празднованию исторического Дня. Там шла комплексная проверка системы безопасности, в рамках которой — внимание! — наконец-то должны были залить солярку в генераторы смартов. Из одной цистерны во все сразу. До этого дизеля стояли просто сухие.

В-третьих, именно сам заказчик — а не выдуманная им виртуальная жертва домовой кражи — уезжал на неделю в Европу. Как и значительная часть белого населения города, которая День Родни Кинга воспринимала болезненно, если не сказать хуже.

В общем, грабь — не хочу.

Парни с русской бензоколонки нахимичили какой-то дряни, крошечная щепотка которой тонну солярки убивала напрочь. Попадание десятка-другого щепоток в цистерну было уже делом техники.

Мэт гарантировал угон автотранспортного средства с массой, достаточной для сшибания наземь опоры линии электропередач. Когда ему сказали, что таранить придется всего-навсего ерундовую трансформаторную будку, он даже обиделся.

Армен умучился заряжать аккумуляторы. На этот раз команде требовалось гораздо больше энергии, и всю ее переть на себе было просто нереально. Хитрый Шварц предложил оставить источники питания в фургоне и тянуть за собой только кабель. На том и сошлись, но пару-тройку батарей все-таки решили на Армена навьючить. Для страховки, и вообще, дабы впредь не выпендривался. Ин-же-нер!

Да он и вправду был раньше инженер. Вроде Димы.

Автогеном еще запаслись. И подписали Магомета, чтобы в фургоне сидел. На случай, если волна черного гнева не в ту сторону покатится, налетит случайно на одиноко стоящий вэн с безобидным внешне Абрамчиком, решит немножко заняться антисемитизмом и сорвет операцию.

Магомет бы им сорвал. Всё. Он так и сказал — пусть только сунутся. «Я не дам в обиду своего белого брата!» — сообщил Магомет и хотел было дружески хлопнуть Абрамчика по плечу, но вовремя передумал.

А к Большому Али поехал в гости Зяма Мертворожденный. Как бы поздравить с наступающим праздником.

Если вы не знаете, то вроде бы в тысяча девятьсот девяносто третьем году – кажется, да, именно тогда – несколько тупых белых копов отдубасили на улице черного парня по имени Родни Кинг. На виду у телекамеры. Си-эн-эн транслировало картинку на все Штаты, и в тот же день началось что-то невообразимое. Черные вышли на улицы – и пошли. Демонстрация протеста, типа. Но просто так ходить толпой афры терпеть не могут. Их, застроенных в колонну, моментально прихватывает всех разом атавистический страх раба, которого гонят на плантации. И, дабы заглушить нервное сосание под ложечкой, черные демонстранты начали себя развлекать – то есть переворачивать машины, бить витрины и все, что ни подвернется, грабить, трахать и поджигать.

Белые тихо офигевали и не знали, что делать. Они так и сидели, дрожащие и офигевшие, пока черные не устали и не разошлись по домам – «сгибаясь под тяжестью награбленного», как сказал бы Армен.

Черным понравилось, и они решили устраивать такое шоу каждый год. Чтобы белые особо не умничали. Чтобы им жизнь медом не казалась.

Вот тебе и весь День Родни Кинга. Плановый ежегодный погром.

Между прочим, сам побитый стал довольно видным общественным деятелем и наконец-то избавился от необходимости ежедневно что-то красть.

А вы говорите – пособие по безработице, социальные гарантии и все такое. Пустите нас в Америку, мы будем хорошие. Ага. Думаете, если человеку обеспечить дармовую кормежку, он воровать не будет?

Впрочем, это уже лирика и отношения к нашей истории не имеет.

Зяма Мертворожденный подкатил к «офису» Али аж на пяти «мерседесах». Большой Али сначала почувствовал себя польщенным вниманием, но потом ему отчего-то захотелось одновременно в туалет и нюхнуть кокаину. В итоге Али не сделал ни того, ни другого и всю беседу сидел, как на иголках.

Говоря по-русски, стремно ему было.

– Вроде ты тут, парень, в районе центровой... – начал Зяма.

– Вообще-то я под Сулейманом хожу, – скромненько признался Али.

– Сулейман в курсе, – обрадовал его Зяма. – Значит, слушай, чего надо. Есть тут на отшибе небольшой поселочек. Дорогие красивые домики. Электроникой напичканные по самое не могу. Смартхаусы такие. Ну, ты этот поселочек знаешь.

— Наверное, — бросил Али небрежно.

— Ты его очень хорошо знаешь, — сказал Зяма. — Сулейман просто кипятком писал, когда выяснил, как хорошо ты знаешь этот поселок.

— Ну, это наши с ним дела, правда? — Али еще хорохорился, но ему уже хотелось не в туалет, а обратно к маме в пузо. Если Зяма не брал на понт, конечно. Хотя Зяма был не из таких.

Али много чего слышал внушительного и убедительного про этого Зьяму Дедборна. И надо сказать, на лицо Зяма очень даже своей кличке соответствовал.

Да и братва с ним такая приехала — впору магию вуду припомнить недобрым словом. И заподозрить не без основания, что русское вуду посильнее африканского будет.

Тут зазвонил телефон. Али, извинившись — во как! — достал трубку.

— Ты, уродец чернозадый! — рявкнул ему в ухо Сулейман. — Маленький грязный ниггер! Гамадрил бесхвостый!

Афроамериканцы, когда хотят своего обидеть, именно так к нему обращаются. Манера у них такая странная.

— Русский приехал уже, макака ты долбаная?

— Ох! — только и выдавил из себя Али.

— Сделаешь, что попросит. И хорошо сделаешь, чтоб ты на всю рожу побелел!

— Аллах акбар, — пробормотал Али. Грустно так.

Он и вправду уже побелел малость. Побледневший от испуга негр — это надо видеть.

— Поговорили? — спросил Зяма участливо.

— Да ну вас издеваться-то, — вздохнул Али. — Ну, ошибся я. Был неправ. Облажался по полной. Кинул вам подлянку. Случайно, честное слово. Вину свою готов признать. И загладить. Чего делать-то надо?

— Ошибся, говоришь? Случайно? А у нас, грешным делом, сложилось мнение, будто ты, парень, — расист!

— Что вы, как можно! — очень правдоподобно возмутился Али.

— Ладно, — кивнул Зяма. — Значит, слушай. В День Родни Кинга, без четверти десять утра, ваша шобла в количестве не менее сотни рыл — нет, лучше двух сотен! — должна выйти к ограде поселка с северной и западной сторон. И начать там куролесить. Натурально так, на всю катушку. С огоньком и юным задором. Разрешаю забор попортить и слегка пошвыряться кирпичами в самые крайние дома, но глубоко на территорию заходить не надо. Ровно в десять подъедет грузовик и снесет на фиг электроподстанцию. Встретить эту акцию взрывом энтузиазма. Любые попытки ремонтников добраться до подстанции — блокиро-

вать. Хоть они с собой полицейский взвод притащат. Биться зверски, держать позиции минимум три часа. Не боись, выглядеть это будет естественно – там как раз в паре шагов винный магазинчик, вы его разграбите для поднятия боевого духа. С хозяином мы договорились. Только в хлам не напивайтесь хотя бы до полудня.

– Да у нас почти все мусульмане, – хмуро пожаловался Али, придавленный масштабами задачи.

– Не волнует. Отберите специально протестантов, лютеран, католиков наконец. Тех, кто бухает.

– Алкоголиков, – уныло подсказал Али.

– Юмор? – ухмыльнулся Зяма (Али от этой ухмылки чуть не упал со стула). – Люблю. Значит, приказ вам стоять насмерть. Отправишься на место лично и будешь руководить.

Большой Али в полный голос застонал.

– Сам виноват, – сказал бессердечный Зяма. – Давай, парень, докажи народу реальным делом, что ты не расист.

Утром праздничного дня у северного КПП поселка объявился чернокожий оборванец, уже заметно под мухой. Он стрельнул у охранников сигаретку, прищурился и задал риторический вопрос:

– Что, попили нашей кровушки?

– Было дело, – согласилась охрана. – Извиняемся.

По идее, волна беспорядков могла зацепить поселок разве что самым краем. Так сказали полицейские, которые знали в этом толк, недаром каждый год подставляли головы под бейсбольные биты и прочее холодное оружие маргинального пролетариата. Но охрана все равно нервничала и не хотела нарываться.

– На каторжном труде моих прадедов и дедов поднялась эта держава, самая могучая и продвинутая в мире! – провозгласил черный. – И что я имею? Да ни хрена! Разве это справедливо?

– Ой, несправедливо, – дружно закивали охранники.

– Вот именно, – поддержал черный. – А некоторые... – Он ткнул грязным пальцем в сторону поселка. – ...живут в домах, которым цена сотни тысяч! И значит, что?

– Что?

– Значит, вешайтесь, расисты драные!

– Вали отсюда, пока цел! – рассвирепели охранники.

– Я вернусь, – пообещал черный многозначительно и свалил.

– Почему мне кажется, что он не один вернется, а? – пробормотал старший охраны.

Как в воду глядел.

Люк, через который Дима сотоварищи забирался в теплотрассу, был запечатан электросваркой – это они заранее выяснили. Но нельзя заварить все люки в округе, техника безопасности не допускает. Абрамчик остановил фургон на соседней улице, всего-то метров за сто от прошлой стартовой позиции. Да, под землей лишняя стометровка не подарок. И все же Дима решил не тратить силы на отколупывание приваренной крышки автогеном. Он ждал других сюрпризов, уже в тоннеле.

И не зря ждал.

В решетку они уткнулись, едва прошли блокированный люк. Так себе оказалась решетка, в два арматурных прутка, с дверцей-лазом.

– А хороший замок, – сказал Шварценеггер. – Быстрее куснуть, чем в нем ковыряться. Да и не очень я с замками-то.

– Кусай, – разрешил Дима.

Армен передал Шварцу жуткого вида механические кусачки, и тот принялся уродовать решетку.

Дима сзади подтягивал кабель.

– Готово, – доложил Шварценеггер через несколько минут. – На что спорю, еще будет.

– Ползи давай. Остался час с мелочью. Вот-вот дядя Матвей электричество выключит.

– Не припаяли бы старику терроризм, – заметил Армен.

– Типун тебе на язык. Да и не сам же он будет. Годы не те.

Еще примерно метров двести они проползли молча, обильно потея и шумно дыша. Потом Армен сказал:

– Если выберусь из этой передряги, начну заниматься физкультурой.

– Отдохнем минутку, – пропыхтел Дима, обнимая канализационную трубу.

В это время наверху громадная толпа афроамериканцев, вися на проволочном заборе поселка, скандировала людоедские и кровопускательные лозунги. О стены крайних смартхаусов бились кирпичи. Один из домов решил, что с него хватит, и подал сигнал тревоги.

– У нас все нормально, – по телефону успокоил полицию старший охраны. – То есть что я говорю, у нас форменные Содом и Гоморра. Но, в принципе, вы пока не беспокойтесь. Жертв и разрушений нет.

В отдалении взревело. Будто голодный тиранозавр вышел на охоту. Или Кинг-Конг – жениться. Старший охраны высунулся за дверь, увернулся от летящей в голову бутылки и увидел, что к воротам поселка катится громадный «Питербилт». Старший выпучил глаза, тут-то его следующей бутылкой и достало.

А многотонный «Пит» немножко вправо принял и квадратной своей мордой прямо в трансформаторную – хрясь!

Ка-ак оно долбануло... Такой фейерверк вышел, будто не двадцать девятое апреля, а четвертое июля на дворе.

Неподалеку на асфальте валялся сильно пьяный, слегка окровавленный и очень довольный собой пожилой негритос. Заблаговременно выпавший из кабины грузовика. Благоразумно укутанный в стеганую ватную куртку и такие же штаны русского полувоенного кроя. Толпа подхватила его на руки, окропила винищем и с воплем «Хип-хип-уррэ-эй!» метнула в небо. Взлетая, снижаясь и снова взлетая, неудавшийся камикадзе дрыгал конечностями и орал нечто рифмованное на непонятном языке. Какое-то африканское наречие припомнил, видимо. Боевые песни далекой прародины.

– Ну и придурок ты, Мэт! – от души сказал Большой Али, поймав камикадзе поперек туловища и кое-как установив на ноги. – Старый выживший из ума придурок! Чем ты морду свою белую намазал? И для чего сам-то? Зачем?!

– Я советский диверсант! – гордо сообщил Мэт.

– А если бы трак взорвался?

– Советские диверсанты всегда к диверсиям правильно готовятся! Там рваться нечему, горючки ноль. Слушай, отпусти, дай с народом дурака повалять. Хочу въехать кирпичиной по мировому капиталу.

– Да от тебя белым за версту пахнет! Ты что, вообще не соображаешь? Ох, пойдем отсюда скорее. Ребятам скажу, пусть домой отвезут.

– А как же винный? Грабить? – расстроился Мэт.

Вместо ответа Али просто взвалил советского диверсанта на плечо и рысью умчался прочь со своей ношей.

– Рашен и ниггер – братья навек! – только и успел проорать Мэт.

– А я бы сделал очень просто, – сказал Дима. – Подогнал бы бетономешалку, опустил шланг в люк и запузырил в тоннель здоровенную пробку. Типа привет горячий, дорогие взломщики.

– А потом технадзор из тебя душу вынул бы и сто тонн баков, – отозвался Армен. – Здесь вам не Россия, здесь климат иной...

– Хорошая организация – американский технадзор, – согласился Дима. – Полезная. Слушай, проверь-ка, что у нас с током. Пора вроде бы.

Армен загнал в один из кабелей длинную иглу.

– По нулям. Значит, кранты подстанции.

– Ладно, двинули.

Следующее препятствие оказалось до того неожиданным, что Шварц, осветив налобным фонариком металлическую переборку, сначала заморгал, а потом начал ее ощупывать, будто в надежде, что мираж растает.

– И когда успели... – пробормотал он.

Переборка была, естественно, с дверкой. Без дверки фиг бы ее разрешили поставить.

– Можно замок высверлить? – с надеждой в голосе спросил Дима.

– Если бы! Тут личинка с защитой. И сам замочек ого-го, на пятый класс потянет.

– Все-таки надо опытного медвежатника в команду, – сказал Армен. – Он бы этот пятый класс именно за пять минут и вскрыл.

– Перетопчешься. Хотя бы один рецидивист в группе – уже несколько лишних лет каждому, если попадемся, – напомнил Дима. – А у нас все, кто по замкам работает, с таким прошлым товарищи, что прослезиться можно. Шварц! Какой диагноз?

– Выпиливать будем, – вздохнул Шварц. – Ассистент, болгарку!

Армен передал Шварцу дисковый резак и асбестовое покрывало.

– Затычки! – скомандовал Дима.

Все трое заткнули уши, а Шварц еще напялил специальные промышленные наушники – и начал пилить.

Это оказался не просто ужас, а нечто сверх.

– Между прочим, здесь сигнализация, – сказал Шварц минут через десять, отворяя раскуроченную дверцу. – Но это ерунда, тока-то нету. Эй! Есть кто-нибудь дома?

Никого дома не было. Армен и Дима лежали на трубах, как убитые. Только когда Шварц основательно лягнул Армена ногой в плечо, тот ожил и, в свою очередь, пнул Диму.

– Брошу все на фиг, – пробормотал Дима, вытряхивая из ушей вату. – Буду жить на велфэр, словно какой-нибудь пьяница-ниггер. Или на богатой вдове женюсь. Надоело.

Его не услышали, и это было, наверное, хорошо.

– А мне искрами щеку обожгло, – пожаловался Армен. – Шварц, ты себя-то покрывалом заслонил, а о других подумал? Знаешь, как летело? Метра на два.

Его тоже не услышали.

Наверху три десятка смартхаусов обрывали телефоны, докладывая всем, кому положено, что у них стряслась беда – не запускаются генераторы, и электричества осталось максимум на полчаса, а потом уж, вы извините, они ни за что не отвечают.

Старший охраны, сжимая руками забинтованную голову, тупо глядел в стол. В домике КПП не было ни одного целого стекла, и от забора на протяжении нескольких сот метров одни столбы остались. Служебные автомобили чудом удалось спасти, отогнав их в глубь поселка. Туда черная толпа не лезла — опасалась, видимо, что приедет-таки полиция.

А старший записал себе на память в блокноте неверной рукой: винный магазин неподалеку от КПП — любой ценой ликвидировать раз и навсегда.

Уткнувшись в фундамент дома, Шварценеггер облегченно вздохнул. Фрагмент стены, в котором скрывались трубы, дополнительно не укрепили. Решили, наверное, что это будет уже перебор и паранойя.

А вот сам Шварц, дай ему волю, основную защиту именно тут бы навернул. Он в прошлой, московской, жизни был автослесарь, а по первому образованию вообще строитель и прекрасно знал, как укрепляют от взлома, например, гаражи. Даже самые кирпичные. На самом бетонном фундаменте. Вы думаете, чем их вскрывают? Домкратом. Крышу поднимают. Делов-то. А замки срывают машиной. Ну, обычной, на колесиках. Зацепил тросом и дернул. Все тот же закон лома; главное — знать, как его применить.

— Шевелитесь, ребята, — торопил Дима. — Отстаем от графика. Еще черт его знает, чего там внутри. Может, стена усилена.

— Не хочу показаться умником, коллега, — просипел Армен, сражаясь с дрелью, которая у него за что-то зацепилась, — но все же напоминаю: мы на территории Ю-Эс-Эй. Ничего там не усилено. Две заглушки в тоннеле — и то для американцев много.

— Что скажешь, Шварц?

— Инструмент давай, вот чего скажу. И это... Берегите уши и дышите в тряпочку.

— Респираторы надеть, — скомандовал Дима, — затычки вставить.

— Сдохну я в наморднике, — пожаловался Армен.

— Сейчас будет очень много пыли. Забыл, что ли, как в прошлый раз? Надевай.

Шварценеггер принял от Армена дрель и принялся долбить стену, втайне молясь, чтобы с другой стороны не оказалось решетки из стального уголка или чего-нибудь в этом роде. Шварц устал.

Позади Армен опять заходился в кашле, а Дима просто лежал, с трудом втягивая в себя горячий воздух сквозь фильтр респиратора, и думал, какой же он идиот, что так давно не занимается спортом. Волочь за собой полкилометра кабеля, пусть и очень тонкого, ока-

залось несколько труднее, чем он рассчитывал. Труднее эдак раз в пять.

Шварц долбил, пыль летела.

Этажом выше смартхаус дожевал остатки электричества, принял решение заснуть, сделал перед сном то, чему его учили, и с чувством исполненного долга впал в анабиоз.

Едва в стене образовалась дырка размером с кирпич, Шварц тут же просунул внутрь зеркальце и принялся его ворочать, отыскивая подвох. Но похоже было, что Армен оказался прав. Американцы недооценили способности русских сокрушать, ломать и портить все на своем пути. Их здесь не ждали.

Шварц даже усмехнулся на радостях. Точнее, нервно хихикнул. «Это перевозбуждение, ну-ка, успокойся», — сказал он себе и продолжил долбить с удвоенной силой. Кирпичи так и сыпались под его напором. Пробитая насквозь, стена теперь уступала быстро. Тем более что вгрызался в нее специалист, во время оно не только руководивший возведением стен, но и успевший лично подержать в руке мастерок. Приличных размеров лаз образовался за считанные минуты. Шварц отложил дрель и нырнул в подвал.

Это помещение разительно отличалось от подвала в том, предыдущем смарте. Тут жили. Полочки, баночки-скляночки, ящики, коробки...

— Ха-ха! — Шварц даже подпрыгнул на радостях и побежал к двери, ведущей на первый этаж. Такая же. Для фрезы не препятствие. Вжик — и готово.

— Армен! Давай сюда дрель и болгарку, остальное пусть лежит. Дима! Кабель подтягивай. Нам много кабеля понадобится — вдруг там сейф?

Громоздкий Армен в лазе едва не застрял. Шварц вдернул его внутрь подвала за руки.

— Винни-Пух пошел в гости и чуть не попал в безвыходное положение! — сообщил Армен, валясь на пол.

— Вы чего там ржете? — спросил из тоннеля Дима и рассмеялся сам. — Лучше помогите кабель дернуть, сил моих больше нет его тянуть.

— Легко! — согласился Армен. Он от души рванул кабель, вытянув изрядный кусок, потерял равновесие, снова упал и залился радостным смехом. Глядя на него, расхохотался Шварценеггер.

В дыре показалась ухмыляющаяся физиономия Димы.

— Праздник, а? — спросил он. — Праздник. Доползли. Пролезли. Ладно, Шварц, давай, кромсай дверь.

– Тебе как ее – кусочками или совсем в лапшу?

– В капусту! Ха-ха-ха!

– Ой, мамочки, не могу! – катался по полу Армен.

– Мужики, а мужики, – пробормотал Шварц, с трудом сдерживая приступы хохота. – Вот я респиратор надел, а он не помогает. Гы-ы!

– Ну и рожа у тебя, Шарапов! – сообщили ему подельники и зашлись уже всерьез.

– Что делать-то? А-ха-ха? – не унимался Шварц.

– Вешаться! Ой! Ай! Гы-гы-гы!!!

– У меня же от смеха фреза из рук выпадет, ха-ха-ха-а!!! Я себе отрежу чего-нибудь... Ха-а!!!

– Димка, ты слышал, чего он себе отрежет?!

– Ха-ха-ха!!!

– О-ой...

– Я убью эту сволочь! – заржал в полный голос Дима. – Я ее, ха-ха-ха, зарррэзжу! Ска-а-ти-и-на!!! Как детей нас... Ха-ха-ха!!! Как маленьких... О-о-ой...

– Почему респиратор-то... Гы?

– Потому что это га-аз! Ой, умора... Ой, мне плохо... Ой, назад полезли... Живо! Бросайте всё, уходим, пока можем! Ха-ха-ха!!! Армен! Ты щас до того досмеешься, что мышцы сведет! Ха-ха-ха! Будешь валяться тут... Ха-ха-ха... Как овощ... У-уй...

– Димка, молчи лучше! – Шварценеггер, не переставая давиться от смеха – он уже буквально весь в слезах был, – заталкивал в дыру Армена. Дима тянул его на себя из тоннеля.

Они справились.

Они отползали по тоннелю, пока вконец не обессилели и не остались лежать на трубах, распластанные, полуживые.

– Почему мы не взяли противогазы? – стонал Шварценеггер.

– Почему мы не взяли динамит?! – рычал в ответ Дима. – Или уж сразу атомную бомбу?!

– Как проветрить этот подвал?!

– Да никак, вот как! В тоннель почти не тянет. Можем тут валяться хоть до посинения. Черт побери, я совсем ничего не знаю про эту дрянь – закись азота, кажется...

– А если быстро вскрыть дверь, и – внутрь?

– Да там, на этажах, газа будет вообще по уши! Спорю на что угодно. Это же защита от чужака, последняя линия обороны. Через какую дверь ни входи – обхохочешься...

– В общем, – заключил Шварценеггер, – День Родни Кинга прошел бездарно. Тьфу!

— Инструмент жалко, — сказал Армен. — А то смотаться за ним?

— У тебя силы есть? У меня лично нет. И нам еще обратно ползти. Триумфальное выползание на свет Божий. А все я, кретин! — Дима от души врезал кулаком по трубе. — Простите, ребята. Не надо было этого делать. Говорил мне дядя Матвей — зажми в кулак самомнение...

— Я вроде еще ничего, — сказал Шварценеггер. — Могу в самом деле за инструментом слетать. Не развалюсь. Наверное.

— Слушай, Шварц, — произнес Дима медленно и раздумчиво. — А там ведь есть чего запалить, в подвале-то.

Вдруг стало очень тихо. Даже Армен перестал горлом хрипеть.

— Ты... Ты... — Шварценеггер подумал и нашел аргумент. — Дима, это не по-нашему. Гадом буду, вот не по-нашему, и всё.

— Ты не смей портить дом, — сказал Армен. — Дом тебе чем виноват? Только попробуй, я тогда просто уйду, мамой клянусь.

Дима молчал.

— Это хороший дом, — сказал Шварценеггер. — Ну, хозяин у него падла, а сам домик-то отличный. Умный. Смарт.

— И у меня такого никогда не будет... — вздохнул Дима. — Ладно, мужики, не слушайте. Это я так. Разозлился очень. Захотел нашего клиента за больное место укусить.

— Ты лучше его на бабки разведи, которые он нам должен, — посоветовал Шварценеггер. — И с процентами.

— ...а эта жадина американская попробует меня в отместку посадить. Верно Армен сказал: клиент нас ни капельки не боится. И вообще, разводить на бабки — не моя профессия, — твердо сказал Дима, переворачиваясь на живот, чтобы снова ползти.

— Ну и глотай тогда пыль до конца жизни, — буркнул Шварценеггер.

— Чего?

— Я говорю — пыльно очень.

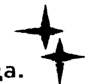
— В следующий раз возьмем дыхательные аппараты. Ну, за мной!

— Следующего раза не будет, — сказал Армен тихонько, чтобы Дима не услышал. — Потому что в дыхательном аппарате я сдохну точно.

Шварценеггер одобрительно похлопал его по ноге.

Дима сидел над схемой поселка трое суток, обрастая щетиной и худея лицом.

— Вот если бы дом стоял ниже уровня моря, — бормотал он, — тогда имело бы смысл пробить дамбу и немножко все затопить. А если бы железная дорога проходила на километр восточнее... Небольшой кусочек товарного поезда, вагонов двадцать-тридцать, пустить под от-

кос. А если... Нет, лесные пожары обычно с другой стороны города. Да и жестоко это — лесной пожар...

— Может, все-таки сделать землетрясение? — спрашивал Армен. — Эл-Эй уже трясло, местным не привыкать.

Но Дима шуток больше не понимал. Его заклинило.

Шварценеггер, предложивший дождаться следующего Дня Родни Кинга, был в ответ послан необыкновенно далеко.

Уяснив, что их лидер и друг буквально на глазах теряет человеческий облик, Шварц с Арменом почувствовали себя крайне неуютно.

— Сам погибнет и нас загубит! — сказал Армен. — Что делать, а? Не бросать же его. А вообще... Как мне все это надоело!

— Честно говоря, мне тоже, — признался Шварц. — Есть такая мысль, что пора завязывать. Но сперва надо Димку привести в чувство. Пойдем, что ли, Мэту в ножки кланяться. Может, он протрезвел уже.

— И что умного предложит Мэт? Угнать десять бетономешалок, два шагающих экскаватора и один дирижабль?

— Дирижабль-то зачем?!

— Из любви к искусству...

Мэт у себя в мастерской безуспешно пытался выйти из запоя, спровоцированного удачной диверсионной акцией.

— Я же полковник, едрена матрена! — заорал он, едва завидев ребят на пороге. — Я же номенклатура ГРУ! Вы поставьте мне достойную задачу! Чтобы я ее достойно выполнил! Чего вы мне подсовываете какие-то угоны дурацкие и тараны дебильные! Угнать и протаранить любой араб может! А я вам не террорист-любитель! Я советский диверсант! Профессионал! Мастер саботажа! Пошлите меня на Уолл-Стрит обрушить Доу-Джонса!

— Дядя Матвей, а дядя Матвей, — заканючил Шварценеггер. — Выручай, слушай...

— Пошлите меня в Пентагон! — потребовал Мэт, размахивая любимым граненым стаканом, вывезенным с исторической родины. — Я же там все дырки знаю!

— Та-ак, случай тяжелый, уговоры не помогут, — заключил Армен. — Будем действовать жестко.

С этими словами он молниеносным движением вырвал у Мэта из руки стакан. Полковник ГРУ уставился на свой опустевший кулак и озадаченно притих.

— Это ж надо — довести себя до такого состояния! — рявкнул Армен. — Почти как Димка!

— А что с мальчиком? — заинтересовался Мэт. — Слышь, посуду отдай. Разобьешь еще.

– Мальчику нужна помощь. Он втемяшил себе в башку, что должен взять этот проклятый смарт.

– Ну и пусть берет, – милостиво разрешил Мэт. – Пусть вообще забирает. Пусть хоть поселится в смарте. Прямо в этом! Кстати, отличная мысль! Спорю на что угодно, парню сразу полегчает.

– Легко сказать... – вздохнул Шварценеггер.

– Сделать тоже не проблема!

– Э... Это как? – осторожно спросил Шварценеггер, на всякий случай отодвигаясь от Мэта подальше. – Каким образом?

– Хм... Да хотя бы по закону лома!

Состоятельный мужчина средних лет вышел из автосалона, где только что заказал себе «БМВ»-семерку последней модификации, и вдруг прямо на тротуаре испытал острое желание провалиться сквозь землю. Потому что рядом с его черным «кадиллаком-севиль» притормозила целая кавалькада «мерседесов». Из тех, что покороче, вышли русские нехорошие парни – в изрядном количестве. А из самого длинного высунулась такая морда, каких даже в кино не показывают.

– Дедборн, – представилась морда. – Зьяма Дедборн.

– Я вижу... – пробормотал состоятельный мужчина. – Э-э... Деньги будут, мистер Дедборн. Я за все заплачу. Честное слово, деньги будут!

– Деньги? – ухмыльнулся Зяма (мужчина от этой ухмылки схватился за сердце). – Деньги не надо. Но говорят, у тебя замечательный дом.

– Кто говорит?.. – просипел мужчина.

– Один молодой человек. Садись ко мне, поедем смотреть твою умную недвижимость.

Мужчина деревянно прошагал к «мерседесу». Он был вообще-то далеко не трус, но, как и все нормальные люди, очень хотел жить. И имел достаточный опыт, чтобы знать, когда можно строить из себя ковбоя, а когда – совсем не нужно.

– Этот молодой человек, – сказал Зяма, когда захлопнулась дверь и «мерседес» тронулся, – хочет приобрести твой смартхаус.

– Почему именно мой?! – простонал мужчина.

– Он ему понравился. Очень понравился. До такой степени, что молодой человек готов заплатить тебе... десять тысяч. Думаю, это справедливая цена. И ты знаешь, почему она справедливая. И еще ты знаешь, что с тобой приключится, если мы в этой цене не сойдемся.

У мужчины перехватило горло. Ему потребовалось некоторое время, чтобы отдышаться и потом уже выразить свое отношение к происходящему.

– Будь проклят тот день, – сказал он с чувством, – когда мне взбрело в голову связаться с русскими!

– Меня предупреждали, что ты расист, – кивнул Зяма. – Ты не волнуйся, говори свободно. Нас, бывших советских людей, расистские выпады не трогают. А вот Большой Али наверняка к тебе обратится по этому вопросу. И китаезы желторылые, я слышал, тоже чего-то хотели тебе сказать...

Мужчина откинулся на сиденье и прикрыл глаза.

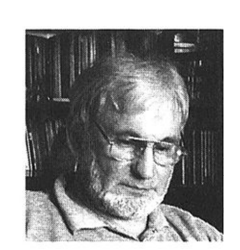
Что интересно – поселившись в смартхаусе, Дима навсегда оставил ремесло взломщика. Может, потому что русская община собрала ему приличную сумму денег: все-таки не в даунтауне живет человек, нужно соответствовать. Может, из-за того, что одна уважаемая фирма, как нарочно, именно в те дни обратила внимание на его резюме и у Димы вдруг появилась настоящая работа. Может, еще женитьба повлияла.

Но Армен и Шварценеггер, когда их всем миром провожали в Россию, спьяну проболтались: Дима им признался, что просто решил красиво уйти. Как олимпийский чемпион уходит из спорта на пике карьеры.

Ведь он все-таки ограбил смарт. Взял.

Ну, почти.

Геннадий Прашкевич

ВЕЧНЫЙ ЛОЦМАН

Геннадий Мартович Прашкевич начал печататься в середине 50-х годов. Сколько исторических эпох сменилось с тех пор, уже и не сосчитаешь. А книги Прашкевича — живы и читаются по сей день. И не только крамольный «Великий Краббен», из-за которого автора на несколько лет отлучили от фантастики, но и, скажем, «Разворованное чудо», не вызвавшее в свое время возражений у коммунистических идеологов. А все дело в том, что Геннадий Прашкевич всегда писал не об идеях, а о людях, их героизме и подлости, любви и ненависти... Сегодня писатель живет в Новосибирске и находится в отличной творческой форме. Его новые романы выходят в издательстве «Вече», а рассказ предлагает вашему вниманию «Звездная дорога».

...Меч сотрет железо ножен,
И душа источит грудь.
Вечный пламень невозможен,
Сердцу нужно отдохнуть.

Пусть влюбленными лучами
Месяц тянется к земле,
Не бродить уж нам ночами
В серебристой лунной мгле.

1

– Хочешь выпить?

– Да, – сказала она, рассматривая календарь. И упрямо оттопырила губу: – Только не эту дрянь. В ней привкус песка. Или пыли.

– Но это придает вину своеобразный оттенок. Это самое вкусное, что есть на Марсе.

– Я согласна на самое невкусное, что есть на Земле.

Лейя упрямо наклонила голову.

Она разглядывала талисман.

Вечный календарь – вот что это было.

Пластиковый лист с фосфоресцирующими цифрами, всегда живыми, и с изображением белой хризантемы, на которой застыла взлетающая радужная бабочка. Календарь был рассчитан на вечность. Значит, радужная бабочка обречена была взлетать вечно.

– Ненавижу Марс. Ненавижу луну, которая всходит дважды за ночь. Молчи, не говори ни слова! – предупредила Лейя. – Да, мы на Марсе. Да, мы добрались до мертвых морей. Да, мы плывем на гравитационной барке. Но на гравитационной – и воды под нами нет! Только пыль, лед, пески! Севр, я сойду с ума! И еще этот марсианин на носу барки. Их же нет, они давно вымерли. Ты же не будешь спорить? Марсиане вымерли миллион лет назад. И моря высохли. Мы нигде не видели ни капельки воды, только пески и пыль. Планета обмана! Здесь ничто не соответствует своим названиям. Ну почему, – взмолилась она, – называют морями промерзшие мертвые долины пыли?

– Не говори о пыли.

– Почему? – Она опять выпятила губы.

– Потому что надо успеть пройти канал Хирхуф прежде, чем пылевое облако нас накроет. Оно сейчас на южной подошве Олимпа и движется в нашу сторону. Если утром мы не войдем в бухту Сет, мы можем застрять надолго. Пожалуй, я бы не прочь... – Он хищно облизнулся. – Но ты, кажется, нервничаешь?

...вход в бухту Сет опознается по резко разорванной проливом береговой линии, поросшей смешанным лесом. Иногда у берегов наблюдаются буруны, однако подводных опасностей не обнаружено. Затонувшая барка лежит на дне к западу от устья реки Нейи...

– Этот марсианин... Наш лоцман... Он, правда, считает, что ведет барку по воде?

Севр кивнул.

Он не хотел ссоры.

– Это мы с тобой ничего не видим, – объяснил он, стараясь говорить ровно. – Для нас все вокруг – только развалы мерзлых камней, сухие русла, мертвая тень Олимпа. Но лоцман *видит*. Он ведет *настоящую* барку по *настоящему* каналу. Он ориентируется по деревьям,

спускающимся к воде. Смотри, как он напряжен. Он знает все опасности и загадки этих мест. Почему ты нервничаешь? – все же не удержался Севр. – Ты прилетела с Земли. Пустое пространство тебя не остановило. А ведь пустоту пространства представить трудней, чем воду, льющуюся по мертвым камням Марса. – Он улыбнулся, смягчая свои слова. – Ты сама хотела увидеть Вечного Лоцмана. Ты мне все уши прожужжала на Земле, так сильно тебе хотелось увидеть последнего марсианина. Ну вот, теперь ты его видишь. Так зачем же нервничать?

Она промолчала.

– Хочешь, я попрошу его включить музыкальную книгу?

– С этими ужасными стонами? Они там душат друг друга? Нет, хватит с меня.

– Эту музыку оставила самая древняя из всех известных в Солнечной системе цивилизаций.

– Музыка мертвецов, – фыркнула Лейя и длинным узким ногтем пурпурного цвета поправила нежный завиток платиновых волос, упавший ей на щеку. Классический образчик земной капризности, упрямства, красоты. Севр смотрел на нее, и у него сжималось сердце. Так сильно он ее хотел. Она была сама недоступность. Полупрозрачные борта гравитационной барки пугали Лейю, она с недоверием поглядывала на полупрозрачный силуэт Лоцмана, утвердившегося на носу барки. Севр чувствовал, что она оттолкнет его руку, если он попробует коснуться завитка платиновых волос.

– Не говори про марсиан, что они мертвецы.

– Но разве он жив?

Лейя пристально глянула на призрачный силуэт Лоцмана.

Бедра старика были обвязаны куском фосфоресцирующей ткани, украшенной крошечным золотым пауком – символом Марса. Паук казался совсем игрушечным, но сразу бросался в глаза. Сквозь широкие плечи, сквозь широкую грудь Лоцмана неясно просвечивал далекий чудовищный купол вулкана Олимп и крошечная звезда в розоватом небе. Черная вершина над белым снежным воротничком. Крошечная звезда над черной вершиной. Почти семнадцать миль в высоту. Кристаллический иней нежно отмечал прихотливые извивы каменных каньонов.

– Здравомыслящий человек старается унести ноги с Марса. Мы могли сейчас валяться на песчаном берегу Крита.

– Но разве мы здравомыслящие? Ты сама предложила эту прогулку на Марс! – возмутился Севр. – Ты сама раскопала рекламу Вечного Лоцмана. «Он указывает будущее»! Ты сразу поверила рекламе, будто для того, чтобы попасть в будущее, обязательно надо что-то узнать о нем. Ну вот, ты на Марсе! Старик из рекламы перед тобой. Оклик-

ни его! Почему молчишь? Спроси его, ведь он «из прошлого. Он видит будущее». – Севр злился. – Ты летела на Марс для того, чтобы задать старику какой-то вопрос. Мне ты его задать не хочешь, и не надо. Делай, как тебе нравится. Чего тянешь? Я устроил тебе встречу с Вечным Лоцманом, спрашивай. Я вложил в эту прогулку столько денег, что не хочу вернуться без результата.

– Не кричи на меня, – попросила она угрожающе, хотя он и не думал кричать. – Что там бормочет этот призрак?

Мое имя смрадно более,
чем птичий помет днем, когда знойно небо...
Мое имя смрадно более,
чем рыбная корзина в день ловли, когда знойно небо...
Мое имя смрадно более,
чем имя жены, сказавшей ложь своему мужу...
Я говорю: «Есть ли кто-либо ныне?»
Осыхающие камни на отмели глубиной менее пяти локтей...
Я спрашиваю: «Есть ли кто-либо ныне?»
Якорное место забито песками...

Лоцман медленно обернулся.

Кажется, он смотрел на Лейю, но она не могла понять его взгляда, потому что сквозь просвечивающую фигуру видела все те же голые камни, ужасные мертвые обрывы и розоватое небо над ними. Розоватое, нежное небо. Цвета ночной сорочки, брошенной ею в спальне Главного купола.

Нет справедливых...
Нет верного друга...
Смерть стоит передо мной,
как выздоровление перед больным...
Как выход после болезни, как благовоние винного дерева...
Как сидение под парусом в ветреную погоду. Как путешествие под дождем и возвращение на военной барке...

– Это песня?

Севр не ответил.

Наверное, Лоцману не на кого опереться, подумал он.

Но барка скользит по темной воде. И путь впереди известен.

Ужасные обрывы, тускло мерцающие зеркала скольжения, тонко посеребренные инеем. Вряд ли Вечный Лоцман видит череп с огром-

ными глазницами, ледяным комом белеющий на черной каменной террасе. Вряд ли он видит завихрения серебристого ледяного песка. Под баркой, которую он ведет, плещет вода. Он ее слышит.

Иногда вода становится совсем прозрачной, а с обрывов срываются метельные завихрения. Солнечный ветер болтает слабое магнитное поле планеты, как мыльный пузырь. В такую ночь легко сбиться с курса, хотя якорные стоянки здесь можно сосчитать на пальцах. Это не сложно, когда на каждой руке по три пальца. Некоторые стоянки защищают только от берегового ветра, тогда барку надо прятать под маяками. Ближайший – Хирхуф, по имени канала. Его следует достичь до начала пылевой бури. К этому маяку лучше подходить к восходу, когда Солнце еще за Олимпом, но бедный розоватый свет уже отмечает тяжелую рябь медленного течения, а некоторые скалы фосфоресцируют. Барку следует держать носом на оранжевую светящуюся скалу. Скала будет медленно увеличиваться, она будет расти, заполнять пространство. И лишь когда скала закроет собой Олимп, надо резко взять вправо на двадцать градусов. Когда-то военная барка «Аллис» на полном ходу врезалась в узкий каменный островок, потому что маяк погас. «Аллис» тонула почти три часа, было холодно, отбивное течение не позволило никому спастись. Кипящая лава, вырвавшаяся из южного кратера Олимпа, вытопила гигантскую ледяную линзу, веками спавшую под каменными слоями, и мутная бешеная вода стеной пошла вниз, в долину. Некоторые маяки еще работали, но их свет помочь не мог. Лабиринты Иртетцентра затопило, несмотря на медные закрышки. Три долгие страшные недели из-под земли доносились стоны. Они записаны на листы земфрии. Существа с Земли принимают стоны умиравших за музыку. Они думают, что нас погубило отсутствие воды, а на самом деле нас погубила вода, вытопленная извержениями...

2

– Эти знаки похожи на текст...

Севр взглянул на внутреннюю полупрозрачную перегородку барки, расписанную смутными узорами. Они походили на огромную фотографию звездных перемычек. Если понимать порядок пробелов, знал Севр, можно почувствовать скрытую ритмику, услышать звучание давно исчезнувших голосов.

— Какие-нибудь заклинания?

— *Путь...*

— Что это означает?

— Не знаю... — Он все еще сердился. — Ни один землянин не знает. У марсиан не было религии, как мы это понимаем. Они не боялись друг друга или стихий. Самые жестокие бедствия они принимали как должное. Не больше.

— А что они умели?

— Хранить воду, — объяснил Севр. — И уходить от воды. Строить неприхотливую жизнь. Спасать ее. *Напитывать себя водой*, так это прозвучало бы по-марсиански. В корнях большинства марсианских слов заключено понятие воды.

— Но воды нет.

Лейя смотрела на прозрачный борт, на призрачные ледяные уступы, под которыми медленно проходила гравитационная барка. Ледяные глыбы прилегали друг к другу плотно, как седая рыбья чешуя. Слои пемзы и туфов, желто-бурое битое стекло палагонитов. Вода, наверное, пряталась глубоко под каменными слоями. Так было не всегда. Но теперь это было так.

Ледники подпирают каждый склон. Достаточно излиться лаве из кратера, и вода вновь наполнит каналы.

3

— Ты умеешь это читать?

Севр улыбнулся и указал на крошечный прибор-переводчик.

Лейя разочарованно отвернулась. Звездные узоры на внутренних перегородках барки напоминали наплывы сухой плесени. Как слова Севра. Обжигая на Земле, они не трогали на Марсе. И она не понимала — почему?. Ну, почему слова Севра превращались на Марсе в мертвый язык, начинали отдавать пылью? Она не хотела этого. Я полетела бы дальше, подумала она, лишь бы изменить это. Я ненавижу мертвые планеты и пустоту между ними, еще более мертвую, но я полетела бы гораздо дальше, только бы понять, почему слова Севра остывают.

— У него есть имя?

— Если ты о Лоцмане, то приближенно его имя звучит как Пта.

— И он откликается на такое нелепое имя?

— Если захочет. Говорят, это случалось. Но сам я так не думаю. Уверен, это просто легенда. — Севр как бы уколол ее. — Я никогда не слы-

шал такого от людей, которые разговаривали бы с ним сами. Всегда из третьих-четвертых рук. Честно говоря, мы даже не знаем, марсианин ли это.

– Если нет, то кто? – испугалась Лейя.

– Не знаю, – пожал он плечами. – Некий артефакт. Флуктуация. Сгусток некоего разума, материализовавшегося в такой странной форме. Всего лишь электромагнитное облачко.

– А мы разве не такие?

– Мы без обмана. – Он покачал головой. – У нас есть твердые доказательства нашего земного происхождения. А Вечный Лоцман просто водит барки по каналам Марса. Может, он водил их тут тысячи лет назад, а может, появился в одно время с нами. Может, он всего лишь тень, наведенная неведомо кем, даже нами.

Он улыбнулся:

– Зачем ты таскаешь с собой этот календарь? Ты же знаешь, на Марсе он ничему не соответствует.

Лейя не ответила.

Она бережно погладила белую хризантему.

Может, она и похожа на тонкие ледяные цветы Марса, но она живая и не растает под живыми лучами Солнца. И радужная бабочка не изменит своей формы, хотя, к сожалению, никогда не взлетит. Я не могу понять, куда уходит тепло из голоса Севра. Он улыбается, но это неправильная улыбка. Мне нужно чудо. Самое обыкновенное. Мне нужен знак. Она провела кончиком язычка по пересохшим губам. Я не хочу уподобляться мертвой планете. Лейя молча смотрела на нежную колючую белизну инея, все гуще садящегося на камни. Я не хочу, чтобы Севр превратился в ледяной полупрозрачный призрак. Я не люблю воспоминаний, ненавижу мертвецов, которых, может, никогда не было. Мне нужны живые руки. Пусть даже грубые.

– О чем он думает?

– Лоцман? – откликнулся Севр.

– Ну да.

– Я даже не знаю, думает ли он вообще.

– Он думает, – упрямо произнесла Лейя.

– Интересно, о чем? – усмехнулся Севр.

– О живом цветке, который терпеливо ожидает его дома. – Лейя не знала, почему она произносит эти слова. Может, потому, что они звучали в ее сознании?

Цветок сидит в клетке. Совсем один. Пока меня нет, цветок должен надышать много кислорода. В моем доме хрустальные сте-

ны, а по каменному полу текут ручьи настоящей воды. А за окнами шумят винные деревья...

– И ты говоришь, у тебя нет воображения.

4

Накренясь, барка медленно вошла в канал Манаган, из которого открывался прямой путь к маяку Хирхуф.

Здесь караваны обычно разделялись.

Одни шли в Амму, а белый камень везли в Аммару.

Туда же, в Аммару, шли барки с медью и золотым песком.

А в Меллух везли диорит для огромных статуй, постоянно затапливаемых черным илом и мутной водой с Олимпа. Чтобы построить Меллух, ламиты приходили с моря Аззор, а сузы – из Нижних Суз, а манаганы поставляли глыбы диорита. Огромные черные статуи поднимались над призрачным течением канала Хирхуф, указывая баркам путь.

Как к дому мрака, как к жилищу, отдаваемому воде. И входящий вступал в место, из которого был изъят свет, где пищей служит прах, а питьем – только тени и где никто никогда не видел над горизонтом двух лун. «Привратник, открой дверь, чтобы войти мне! Если ты не откроешь дверей и я не буду в состоянии войти, я разобью дверь, сломаю засов, сокрушу вереи, оторву створки, выведу покойников. И они будут есть и жить. И станет мертвых больше, чем живых».

– Он говорит?

– Разве? Ты что-то услышала? – встревожился Севр.

– А ты ничего не слышал? Этот голос... Как паутина... Нет, как сухой снег... Ты не слышишь?.. Мне страшно.

– Марс – единственное место, где некого бояться, – улыбнулся Севр.

«Ты готова к моим услугам?»
«Я готова».
«Ты готова молчать?»
«Я готова».
«Тогда молчи. Иначе я отвечу молчанием».

— Кому ты киваешь?

Севр пытался скрыть раздражение, но не мог.

Он все еще боролся с искушением нежно коснуться завитка на ее виске. И поцеловать глаза — жадно, вовсе не по-братски. Он так целовал на Земле и не понимал, почему так нельзя целовать на Марсе. Он не хотел каких-то чужих голосов или — того лучше — призрачной паутины. Ты ведь хотела меня в ракете, думал он, обиженно сжимая губы. Ты ведь хотела меня в Главном куполе. И стонала подо мной. Почему же сейчас?.. Этот Лоцман слеп... Он ничего не видит... Потому он и водит барки, что слеп, иначе однажды изменил бы маршрут... Он — вечный обман, тень тени...

Неведомые мысли,

необычные изречения, выраженные новыми словами,

совершенные звуки, раньше не бывшие в ходу, чуждые повторения старой речи...

Ты готова?

Все повторяемые наречия сказаны...

Я видел все, начиная от первого поколения до грядущих потом, которые во всем подобны прошедшим...

Я вижу положение всех дел...

Ты готова?..

— Зачем мы здесь? — испуганно спросила Лейя.

— Тебе лучше знать. — Севр все еще сердился. — Ты хотела попасть на Марс и увидеть Вечного Лоцмана. Я сделал тебе этот подарок. Ты хотела, чтобы мы побыли наедине. Нет проблем, я и это сделал. Но теперь ты знаешь, как дорого стоит настоящее уединение. В космосе все холодное. И на Марсе сейчас минус сто. Мы не можем побежать босиком, но мы рядом. Это и есть уединение. Нас только двое. Хочешь бесстыдно обнять меня? Океан высох, реки исчезли, сами марсиане исчезли, но мы можем обнять друг друга. Призрак на носу гравитационной барки видит оазисы, зеленые берега, но не видит льдов, пыли и нас. Он не видит нас, понимаешь? Вокруг камни и холод, но он ничего не видит. Лейя, обними меня.

— Подожди...

Она жадно вслушивалась, но шелестящий голос, только что наполнявший ее сознание, смолк, и голос Севра снова показался ей ледяным. Его страсть текла, как песок сквозь пальцы. Его страсть холодила ее, как сквозняк. Она поежилась. Почему это произошло с нами?

— С первого дня на Марсе ты отталкиваешь меня...

– Но тут везде прозрачные переборки!

– На Земле тебя возбуждало это.

– Да! Но на Земле! Чувствуешь разницу? Тут все иначе. Я не могу задыхаться под тобой, когда Лоцман нас видит. А он видит, я чувствую. И не хочу, чтобы нас видели из библиотеки, из центра синтеза, из лабораторных отсеков Главного купола. Я не знала, что на Марсе все будет так.

– Но я же говорил, что на Марсе все открыто! – возмутился Севр. – Здесь все должны видеть друг друга. Чтобы вовремя помочь, если это понадобится. Так легче придти на помощь.

– В любви?

Воспрянет оружие ужаса,
все хорошее улетит, живое погибнет,
разрушится настоящее, полевые плоды исчезнут,
солнце будет светить один час,
и никто не заметит наступление полдня.
Нижнее сделается верхним,
явятся гости с Зеленой планеты.
Они хотят знать, что идет на смену их чувствам.
Они скажут: «Ты умер».
И я засмеюсь, потому что ответ один.
«Держитесь в стороне от тайн».

– Что будет с нами, когда мы вернемся? – Лейя зажала руками уши, будто это могло заглушить шелестящий в ее сознании голос.

– Мы вернемся, и все снова будет как прежде.

– Так не бывает. – Она чуть не заплакала. – Мы уже никогда не будем как прежде.

– Не пугай меня. – Севр злился. – Я слишком много заплатил за эту прогулку.

– Не повторяй! – закричала она. – Я больше не хочу слышать об этом!

«Держитесь в стороне от тайн».

Темный канал.

Розоватое нежное небо.

Розоватое от тончайшей ледяной пыли, никогда не оседающей на камни планеты.

Гигантская голая вершина вулкана Олимп казалась отсюда пепель-

ной. На огромной высоте давления не хватает для того, чтобы, как иней, осадить углекислоту на черные базальтовые откосы.

Я спустился к морю на барке в сто пятьдесят локтей в длину. На ней было сто пятьдесят матросов, самых отборных в области Олимпа. Они видели небо, они видели землю, и сердце их было холодней горных метелей. Они предсказывали бурю раньше, чем она наступала, и непогоду прежде, чем она появлялась. Настоящая буря разразилась на подходе к маяку Кран. Поднялся ветер и взгромоздил тяжелые волны. Я схватился за пучок дерева, а все бывшие на барке погибли. Три дня я имел спутником только собственное сердце и, выброшенный на берег, сразу уснул под защитой каменных стен.

Потом я искал желтые луковицы и красную траву и слышал звук грома. Открыв лицо, я увидел морского змея длиной в сто тридцать локтей. Члены его были покрыты золотом, брови покрыты ляпис-лазурью, хвост выгнут вперед. Он открыл уста: «Кто звал тебя? Не надо ли держаться в стороне от тайн?» И я сказал: «Принесен волнами».

Ты готова?

5

Лейя молча смотрела на Лоцмана.

Старик медленно повернул голову, и она, наконец, разглядела его лицо, искаженное подобием улыбки. Вечный Лоцман действительно казался стариком, но никто не сказал бы, сколько ему лет. Огромные глаза мерцали. Они казались бездонными. Галактики бесконечных взрывов, бесконечность развития, сияющее облако, бесконечно расширяющееся. Может, он читает меня как музыкальную книгу?

От этой мысли Лейе стало неловко.

Она хотела выйти на берег и увидеть настоящую воду. Она хотела услышать настоящую скрипку. Неужели ничего этого нельзя? Неужели жизнь на Марсе обошлась без скрипок?

Тень Олимпа – мыс Бентен...
Склоны темного мыса, поросшие зимним лесом...
Ажурные четырехгранные башни Наблюдателей Сета...
Башни серебристого цвета, над ними заградительные огни...
Ты готова?..

Почему мертвые моря выглядят так ужасно?

Лейя смотрела, как нос гравитационной барки медленно проходит над оплавленными сварившимися пластинами песка и кварца. Они сверкали внизу, как битое зеленое стекло. Наверное, когда-то тут садилась ракета, ничем другим Лейя не могла объяснить увиденного.

Река Юбену...

Перед устьем песчаный бар, опасный для барок...

Высокий утес темно-красного цвета. Он закрывает вход в бухту Сет, удобную для якорной стоянки...

Пылевые бури обходят бухту Сет. Но входить в нее надо при южном ветре...

Ты готова?

Почему он оглядывается на меня?

Почему я вижу сквозь его грудь, сквозь его огромные глаза? Почему я вижу сквозь него ледяной Олимп и холодные песчаные дюны, наметенные в плоских боковых кратерах? И вижу ледяную пустыню, похожую на голос Севра, когда он говорит, что все будет так, как прежде? Лучше тонуть в любом земном море, чем блуждать в безжизненном марсианском океане. Не хочу слышать мертвых стонов, хочу стонать в мужских руках.

И нет лучшей музыки.

Она смотрела на календарь.

Она отмечала на нем каждый проведенный ею на Марсе день.

Если Вечный Лоцман не подаст ей знак, значит, она побывала на Марсе зря. И зря отмечала текущее время на календаре, не соответствующем марсианским сезонам. Мы, кажется, уже невдалеке от бухты Сет. Там кончается маршрут, предоставляемый тем, кто хотел бы увидеть знак. Говорят, счастливее всех те, кто все-таки не увидел знака или не опознал его. «Держитесь в стороне от тайн». Им приходится выбирать самим. Но разве я хочу выбирать? Я хочу знать! Я хочу увидеть! Как это должно выразиться? Она не знала. Кивнет мне Лоцман в ответ на скрытую мысль, в которой я сама не хочу признаваться? Или укажет на что-то, что откроет мне глаза?

Она ждала, но ничего не происходило.

Она чувствовала себя обманутой.

Наверное, Севр прав. Нельзя ждать знака от того, чего не существует.

Вечного Лоцмана нельзя коснуться, значит, его не существует. Его нельзя поцеловать. До него нельзя дотронуться. Ему нельзя подарить

календарик, как нельзя в наши дни подарить золотое кольцо Наполеону или подковать Буцефала.

Запретный район...
Не вставать на якорь, не ловить рыбы придонными сетями...
Ты готова?

Радужная акварельная бабочка вспорхнула с хризантемы.

Распахнув крылья, бабочка, как отсвет радуги, скользнула к полупрозрачному полу барки, метнулась в сторону и вдруг заработала крыльями так быстро, так радостно, что испугала Лейю. Несколько белых лепестков упали с хризантемы в подставленную ладонь, и Лейя с изумлением почувствовала их нежный вес.

Выпрямившись, Лоцман медленно кивнул.

Барка шла прямо на каменный страшный мыс, до блеска вылизанный пылевыми бурями.

Наверное, это был мыс Бентен.

Севр тоже подумал так и с облегчением захлопал в ладоши.

– Видишь, мы успели!

Голос Севра и громкое хлопанье испугали бабочку.

Она заметалась над полом, слепя глаза Лейи неистовым трепыханьем развернутых оранжевых крыльев.

– Подумаешь, ничего не увидели! Ни о чем не жалей. – Голос Севра звучал обрадованно. Он, правда, хотел утешить Лейю, потому что видел слезы в ее глазах. – Не жалей о том, что мы потеряли. – Он думал о своем. – Да, мы потеряли немало, зато старик сумел обогнать пылевую бурю.

Она хотела спросить: «Разве ты не видишь?» И не смогла.

«Обними меня, мне холодно, – хотела сказать она. – Люби меня, Севр, мне холодно». Но не смогла произнести вслух ни слова.

– Конечно, мы потеряли большие деньги, – утешал Севр, смеясь. – Зато теперь мы вернемся, и все будет, как прежде.

Лейя не ответила.

Севр не видел радужную бабочку.

Она сорвалась с календаря не для него. И танцевала не для него. И белые лепестки хризантемы упали на ее пальцы не для него. Севр *не видел*.

И она сказала упавшим голосом:

– Да... Все как прежде...

Джордж Мартин

БЫСТРЕЕ СВЕТА

Американцу Джорджу Р.Р. Мартину подвластны все направления фантастической прозы. «Твердая» НФ? Нет проблем! Повести Мартина «Песнь о Лии» и «Короли-пустынники» удостоены престижных премий... Вампирский роман? Легко! Читайте книгу «Грезы Февра», которую только что издали по-русски... Фэнтезийная эпопея? А как же! Романы «Игра престолов», «Битва королей», «Буря мечей» давно стали настольными для поклонников такой литературы... Миниатюра в шеклианском духе? Да вот же она — перед вами...

Гиперпространство существует. В этом не может быть никаких сомнений. Его существование доказано математическим путем. И хотя мы пока еще не знаем законов гиперпространства, можно с уверенностью утверждать, что они не совпадают с законами обычного пространства. В частности, нет причин полагать, будто максимальная скорость перемещения в гиперпространстве ограничена скоростью света. Так что осталось только найти способ попасть из обычного пространства в гиперпространство, а потом вернуться обратно. Дайте мне средства на постройку гиперпривода, и я дам вам звезды!

Из письма доктора Фредерика Д. Канферелли, основателя БС-фонда, Комитету по технологической оценке (Всемирный сенат, Женева, 21 мая 2016 года)

Муравей, как знает всяк, дуб не сдвинет ни на шаг.

Поговорка сотрудников БС-фонда

«FTA» by George R.R. Martin

Кайнери ворвался в кабинет, обхватив рукой толстую папку. Это был агрессивный юноша с короткими светлыми волосами, острой бородкой и непринужденными манерами. Почтительным он не выглядел.

Джером Шлехтер, заместитель директора БС-фонда, поднял усталые глаза на посетителя, который без приглашения уселся в кресло и бросил свою папку на захламленный стол.

— Здрасьте, Шлехтер! — заявил тот. — Наконец-то я пробился через вашу дворцовую стражу. С вами не так-то легко повидаться, знаете об этом?

Шлехтер кивнул.

— А вы весьма настойчивы, — сказал он. Заместитель директора был крупным толстым человеком с пышными бровями и копной седых волос.

— Приходится быть настойчивым, когда имеешь дело с такими ребятами, как вы. Шлехтер, я не собираюсь трепать языком попусту. Мне в БС вышел от ворот поворот, и я желаю знать почему.

— От ворот поворот? — Шлехтер улыбнулся. — Не понимаю, о чем вы говорите.

— Давайте не будем играть в игры. Черт побери, мы оба знаем, что я — один из лучших физиков, которые пришли в науку за последние годы. Вы видели мои труды по гиперпространству, если вообще интересуетесь тем, что происходит в нашей профессии. Вам должно быть известно, что мой метод работает. Я дал этой сфере самый большой толчок со времен Лопеса. А Лопес был тридцать лет назад. Я на подступах к гиперпространственному двигателю, Шлехтер. Каждый, кто хоть что-то знает, знает и это...

Но мне нужно финансирование. Мой университет не в состоянии оплатить оборудование, которое мне необходимо. Потому-то я и пришел в БС-фонд. Проклятье, Шлехтер, да вы здесь должны были с ума сойти от радости, получив мою заявку. Вместо этого меня целый год водили за нос, а потом послали подальше. И я даже не могу ни от кого добиться объяснения! Вы всегда на конференции, ваши помощники заговаривают мне зубы, а Лопес, похоже, не вылезает из отпусков.

Кайнери сложил руки на груди и откинулся на спинку кресла. Шлехтер подвигал по столу пресс-папье, а затем вздохнул.

— Вы рассержены, мистер Кайнери, — сказал он. — Это еще никому не помогало.

Кайнери вновь подался вперед.

— У меня есть *право* быть рассерженным. БС-фонд был учрежден специально для создания гиперпространственного двигателя. Я собира-

юсь сделать именно это. Если вы даже не хотите меня выслушать, просто дайте денег.

Шлехтер еще раз вздохнул.

– Ваши исходные посылки неверны. Начать с того, что БС-фонд создавался, чтобы найти способ путешествовать быстрее света. Чтобы построить межзвездный двигатель, скажем так. Гиперпространство – только одна тропинка, ведущая к этой цели. В настоящее время мы исследуем другие тропинки, которые кажутся нам более перспективными. Мы...

– Да знаю я про эти другие тропинки, – перебил Кайнери. – Все они ведут в тупик. Вы просто тратите деньги налогоплательщиков. Господи, чем вы только не занимаетесь! Этот Эллисон и его эксперименты с телепортацией. Эта Клаудия Дэниэлс с ее чушью насчет эспер-двигателей. А гипотеза хроностазиса Чанга! Ему-то вы сколько платите?! По-моему, с тех пор, как Канферелли умер, БС-фондом управляют непрофессионалы. Единственным, кто шел в правильном направлении, был Лопес, но вы, умники, выгнали его из науки и сделали администратором.

Шлехтер внимательно посмотрел на посетителя. Лицо Кайнери слегка покраснело, губы были плотно сжаты.

– Я так понял, что вы собирались встретиться с сенатором Маркхэмом, – сказал заместитель директора. – Намерены ли вы довести до его сведения эти претензии?

– Да! – резко ответил Кайнери. – Если не получу ответов на свои вопросы. И я гарантирую вам, что если эти ответы меня не удовлетворят, я сделаю все, чтобы Комитет по технологиям изучил деятельность БС-фонда повнимательнее.

Шлехтер кивнул.

– Превосходно, – вымолвил он. – Вы получите свои ответы. Кайнери, у вас есть хотя бы приблизительное представление о том, насколько сегодня перенаселена Земля?

– Разумеется, – фыркнул тот. – Я...

– Нет, – сказал Шлехтер. – Не отмахивайтесь от этого. Подумайте об этом. Это важно. У нас не осталось *места*, Кайнери. Ни здесь, ни где-то еще на Земле. А колонии на Марсе, Луне и Каллисто – это несерьезно, и вы, и я об этом знаем. Человечество в тупике. Чтобы выжить, нам нужны звезды. БС-фонд – это надежда человечества, и спасибо Канферелли, что публика знает о фонде только в связи с гиперпространством.

Кайнери его слова не успокоили.

– Шлехтер, за последний год ваши ребята наговорили мне немало всякой ерунды. От вас мне такого не надо.

Шлехтер только улыбнулся. Он встал из-за стола и подошел к окну, чтобы взглянуть на подпирающие небо башни мегаполиса.

– Кайнери, – сказал он, не оборачиваясь. – Вас никогда не удивляло, почему Лопес не выделял средства на исследование гиперпространства после того, как стал директором? В конце концов, это была его сфера.

– Я... – начал Кайнери.

Шлехтер прервал его.

– Не имеет значения, – вымолвил он. – Это неважно. Мы финансируем безумные идеи, потому что они лучше, чем ничего. Гиперпространство – это тупик, Кайнери. Для публики этот миф жив, но мы знаем лучше.

Кайнери скривился.

– Бросьте, Шлехтер. Взгляните на мои разработки. Вы даете мне денег, а я в течение двух лет дам вам гиперпространственный двигатель.

Заместитель директора обернулся и посмотрел ему в глаза.

– Не сомневаюсь, что так оно и было бы, – сказал он бесконечно усталым голосом. – Знаете, Канферелли однажды заметил, что нет причин полагать, будто максимальная скорость перемещения в гиперпространстве ограничена скоростью света. Он был прав...

Извините, Кайнери. В самом деле извините. Но Лопес построил гиперпривод еще тридцать лет назад. Тогда мы и обнаружили, что максимальная скорость в гиперпространстве действительно не равна скорости света.

Она меньше, Кайнери. Она *меньше*.

Перевод Александра Ройфе

Юлий Буркин

ЖЕНЩИНЫ, ДЕТИ И ЗВЕРИ

Город Томск, в котором живет Юлий Буркин, местные жители порой называют Сибирскими Афинами (имеется в виду аномально большое количество студентов на душу населения). А раз Афины, значит, обязательно должны там найтись сибирские Платоны и Аристотели. Сам Буркин, пожалуй, тянет на роль Аристофана, автора комедии «Война мышей и лягушек»: он не менее ироничен, порой натуралистичен и любит писать о «братьях наших меньших». Таким был роман «Цветы на нашем пепле» (премия «Странник»), таков и рассказ «Женщины, дети и звери».

«Группиз – это как вредное лекарство, – много раз говаривал мне наш мелодист Пиоттух-Пилецкий. – Необходимое зло. С одной стороны, дома из-за них вечно побаливает совесть, с другой – на гастролях без них не обойтись». Он играл во многих группах, исколесил с ними весь мир, да и жизненный опыт у него значительно больше моего. И все-таки я искренне надеялся, что у меня-то подобной проблемы не возникнет. Ведь, кроме Кристины, мне никто не нужен...

Надеялся.

Но покажите мне мужчину, который, проведя несколько недель вдали от жены, откажется переспать с симпатичной девушкой, если та сама ему это предлагает. Да еще и не просит ничего взамен! Так сказать, чисто из уважения. Покажите, я хочу посмотреть на этого уникума и пощупать его спину: не пробиваются ли там крылышки? И лоб: не перегрелся ли?

Мы, «Russian Star's Soul», возвращались из своего первого мирового турне, и хотя все прошло великолепно, под ложечкой, где у меня, по-видимому, располагается совесть, слегка посасывало. Смогу ли я вести себя с Кристиной, как ни в чем не бывало? А если и смогу, будет

ли все так, как было раньше? Или уж лучше рассказать ей все как есть и будь что будет? Объяснить, что рыжая девушка по имени Скюле, которая прибилась к нам в Осло и исчезла в Стокгольме, не значит для меня ровно ничего, что она лишь помогала мне сохранять форму...

Поймав себя на вранье, я мучительно перевернулся на полке купе с боку на бок. Кого я хочу обмануть? Себя? Но у меня ведь до сих пор екает сердце, когда я вспоминаю веснушки на плечах у Скюле... С другой стороны, я что, не звал Кристину с собой? Звал, даже уговаривал, но она заладила: «Показ, показ, ответственный показ...» Если бы она любила меня, она наплевала бы на все эти показы.

Мы женаты уже полгода, но еще ни разу не выбрались вместе за пределы нашего чертова мегаполиса. А был такой шанс! Лондон, Париж, Нью-Йорк, Торонто, Токио... И все за счет фирмы. Если бы Кристина любила меня... Или я сваливаю с больной головы на здоровую? Придумываю себе оправдание? Ведь я прекрасно знаю, что она любит меня. Но у нее — своя жизнь, свои дела, своя карьера, свое честолюбие... А у группиз нет ничего своего, они растворяются в кумирах.

«Вот и женился бы на одной из них!» — зазвучал у меня в голове расстроенный, просто убитый голос Кристины. Как будто я уже раскололся, и теперь мы с ней скандалим. Я потряс головой. Господи, как все было хорошо до этой поездки... Впрочем, если отбросить эту историю, поездка оказалась великолепной, вот хотя бы... Перед моим внутренним взором вновь упрямо встали нидерландские веснушки, и меня тут же пронзило такое острое чувство вины, что лучше бы уж я слушал, как бранится моя внутренняя Кристина...

От дурных мыслей меня отвлек все тот же Пиоттух-Пилецкий, который, как и я, смотрел в окно, но, в отличие от меня, что-то в нем видел:

— Все-таки хорошо, что мы родились в середине двадцать первого века, — сказал он.

— Почему? — свесившись с полки, поинтересовался я, хотя в принципе с ним и согласен. Но он на десять лет старше меня, и мне хотелось услышать его версию. Поглощенный невеселыми размышлениями, я и не заметил, что мы не движемся, а стоим на какой-то станции.

— Потому что конец двадцатого — начало двадцать первого были периодом научно-технической стагнации, — пояснил свою мысль мой собеседник. — Я, например, еще застал время, когда поезда ездили по рельсам на колесах.

«Даже не верится, — подумал я, хотя и знал это из учебников. — Сколько было движущихся, трущихся друг о друга деталей, сколько бессмысленных потерь энергии...»

— На самом деле именно для того железные дороги и прокладывали, — продолжал мелодист. — Это потом, уже на моей памяти, обнаружилось, что рельсы — идеальный стержень для гравитационного модуля, и поезда взлетели.

Кто не знает, «мелодистом» в современных группах называют исполнителя мелодических партий. Обычно он играет на полисинтезаторе, но иногда и на древних классических инструментах. Это считается хорошим тоном. Пиоттух-Пилецкий, например, владеет еще соло-гитарой, терменвоксом и виолончелью. Так что прозвище «Пила» он получил отнюдь не только благодаря фамилии.

Однако, будучи суперпрофи, он, в отличие от меня, уже пережил период беззаветной влюбленности в музыку и музицирование, и больше всего его теперь интересуют судьбы мира и технический прогресс. С нашим техником Бобом он может говорить на эти темы часами.

— А ты в курсе, что научно-техническая стагнация имела искусственную природу? — продолжал Пила. — Сейчас говорят «ННТР» — «новая научно-техническая революция»... А на самом деле это все та же НТР, которая случилась в середине двадцатого века. Но тогда ее слегка придушили. Почти на сто лет.

— Кто придушил? — спросил я. Сугубо из вежливости. На самом деле тема разговора не вызывала у меня особенного интереса. Хотя и отвлекала, спасибо ей.

— Многие, — отозвался Пила. — Разработку дешевых нейрокомпьютеров сдерживала «IBM», экомобили не шли в производство под давлением нефтяных гигантов, и даже информация об их изобретении была засекречена. Работы с антигравитацией контролировались и саботировались NASA, а генная инженерия и клонирование по наущению медиков и юристов запрещались правительствами всех стран «по этическим причинам»...

Что-то снова не верится. Какая разница государству, как его граждане размножаются? Лишь бы размножались. Ну, хочет кто-то воспитывать ребенка, как две капли воды похожего на его любимую кинозвезду или спортсмена, почему бы и не разрешить, если технически это возможно?..

Хотя кое-какие этические, точнее даже — юридические недоразумения в этой сфере сохранились до сих пор. Я вспомнил дешевый разноцветный рекламный проспектик «Дети на любой вкус», найденный в номере голландской гостиницы. Не такой, конечно, обширный, как в лицензированных центрах клонирования, а включавший в себя лишь пару-тройку десятков самых ходовых моделей. Чемпион мира по баскетболу Леон Джавар-Заде, сериальная актриса Джессика Аллен, наша поп-

дива Слава-Ярослава, модный кутюрье Стив Ньюмен и тому подобная шантрапа.

Остается только удивляться, что кто-то покупается на эту дешевку. А потом, лет этак через пять-шесть, в каждый первый класс каждой российской школы явится лишь две-три уникальных особи, зато с ними – пяток маленьких Львов-Леонов, пяток Джессик, десяток Слав и паратройка Стивенов-Степ... Почти уверенно можно сказать, что люди, у которых хватает ума заказать себе дешевых нелегальных клонов, даже не пожелают дать им другие имена.

Брр... Позже, лежа на животах и болтая ногами, мы рассматривали этот проспект со Скюле, и она сказала мне на ломаном, до предела упрощенном английском, на котором мы с ней и общались (и нам хватало): «I don't like this children. I want to have your child...»* Мне было чертовски приятно это слышать, хотя я тогда и подумал, что это она врет специально для моего удовольствия. Вряд ли «RSS» – единственная команда, по которой она фанатеет и с которой, соответственно, спит.

Однако уже в Стокгольме она сказала мне в ресторане: «Doctor said, I'll bring you child. It's boy»**. Да, сейчас пол ребенка можно определить чуть ли не в момент зачатия. Я замер с ложкой возле открытого рта, а она засмеялась, встала из-за стола и пошла к выходу. И больше я ее не видел. Возможно, эти слова были ее прощанием. Или она все наврала? Просто так. Для эффектности.

...Вагон вздрогнул, перрон поплыл вниз и назад. Поднявшись на стандартную трехметровую высоту, поезд почти бесшумно набирал скорость... Я и не заметил, как Пила, по-видимому, обнаруживший мое полное безразличие к беседе, завалился, как и я, на полку и уже удовлетворенно похрапывает. Стану ли я когда-нибудь так же безразлично, как он, относиться к собственным изменам? Или все-таки возьмусь за ум – и больше это не повторится?

Ладно. Время и впрямь позднее, завтра буду дома, встречусь с Кристиной, там и видно будет.

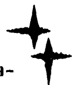
Я перевернулся носом к стенке и закрыл глаза. Только бы заснуть. Только бы не мешала эта... Да что я, право слово, веснушек не видел, что ли?! Да и не в них вовсе дело.

Я и ожидать не мог, что совесть моя очистится прямо в момент встречи с Кристиной. Потому что первым, что она выпалила на перроне, было:

---

* «Мне не нравятся эти дети. Я хочу иметь твоего ребенка» (англ.).

** «Врач сказал, я принесу тебе ребенка. Это мальчик» (англ.).

– Милый, я поняла: чтобы мне не скучать, когда ты уезжаешь на гастроли, мы должны срочно завезти ребенка. – Не дав мне опомниться, она продолжала: – Я уже присмотрела подходящую модель. Это будет Стив Ньюмен.

Вот так так... На миг меня охватила горечь, но тут же отпустила, сменившись резонной мыслью: «Вот и ладно. Это все искупает. Да, обидно, что она не хочет, чтобы биологическим отцом ее ребенка был я. Но она отказывается и от собственного биологического материнства. В то же время, возможно, и впрямь где-то в Скандинавии скоро родится мой незаконнорожденный сын. Так почему бы мне не взять на воспитание вполне законного Степу Новочеловекова?»

– Не надо упрямиться, – проследив за чередой мимических изменений на моем лице, сказала Кристина, – но я и не тороплю. Это довольно дорого, к тому же ты должен привыкнуть к этой идее.

– То есть за ребенком мы пойдем не сегодня? – заставив себя улыбнуться, спросил я и поднял руку, ловя такси.

– Не сегодня, – без тени иронии кивнула Кристина. – Завтра. А сегодня мы идем на показ зверей. Прямо сейчас.

– В зоопарк? – удивился я. Экомобиль притормозил перед нами, и его дверца приглашающе распахнулась.

– Да нет же, – передернула она плечиками, – я ведь сказала тебе: на показ.

Мы прибыли в один из самых модных богемных клубов столицы «Слепой невидимка». Меня всегда умиляло это название. На первый взгляд такое сочетание кажется парадоксальным, на самом же деле, если вдуматься, ничего странного в нем нет. Ведь зрение основано на отражении света о сетчатку глаза. А если сетчатка невидима, то есть прозрачна, то и отражать она не может. Видеть такой глаз не будет. А значит, невидимка обречен на слепоту...

По залу, раскланиваясь друг перед другом и дегустируя коктейли, расхаживали светские львы под руку с супермоделями. Я не знал из этой компании никого, однако пару раз взгляд натыкался на вроде бы знакомые лица. Но я не мог вспомнить, что это за люди и где я с ними познакомился. Потому лишь беспомощно улыбался и еле заметно кивал. Но оба раза, скользнув по мне безразличным взглядом и увидев рядом со мной Кристину, «знакомцы» здоровались с ней. Затем она шептала мне на ухо, что это – известный телеведущий такой-то и видел я его по телевизору.

Кристина, надо отметить, знала тут почти всех, и почти все, соответственно, знали ее. Это был ее мир – мир моды, мир, где правят чаро-

деи-кутюрье, превращающие живых женщин в модели-зомби. Впрочем, это я злобствую для красного словца. А мне это вовсе не к лицу, ведь из всех присутствующих здесь моделей Кристина была, пожалуй, самой обворожительной.

В результате этой прогулки перед началом главного действа я был представлен минимум двум десяткам человек и не запомнил ни одного из них. Но вот прозвучала мелодичная трель, приглашающая гостей пройти в зрительный зал.

Когда публика расселась, люстры стали медленно гаснуть и зал плавно погрузился в кромешную тьму. Заиграла томная симфоническая музыка, и вспыхнули прожектора, освещавшие подиум. Там, щуря от яркого света желтые глаза и ощетинившись, стояла пантера. Я почувствовал, как у меня на голове зашевелились волосы. Между зверем и зрителями не было ни решетки, ни стекла, ни дымки силового поля.

– Черная пантера, первый номер нашей коллекции, – раздался жеманный голос комментатора. – Черной пантерой обычно называют темно-окрашенного леопарда, встречающегося в Юго-Восточной Азии. Обратите внимание на изумительный окрас шерсти этого восхитительного существа.

Грациозно потянувшись и мягко переступив с лапы на лапу, пантера повернулась боком, а затем медленно, словно в полусне, прошлась по подиуму взад и вперед.

– Казалось бы, абсолютно черная шерсть пантеры, – продолжал комментатор, – покрыта еще более темными пятнами, словно бы крупными веснушками, какие бывают на теле северных женщин.

Зря он это сказал.

– Пантера – кошка, которая гуляет сама по себе; пантера – деловая самка; пантера – хозяйка джунглей, никому не позволяющая безнаказанно вторгаться на ее территорию.

В этот момент из-за кулис на противоположную сторону подиума выскочило какое-то явно травоядное животное и испуганно уставилось на хищника. Музыка стала напряженнее и резче. Пантера издала угрожающий рык и приготовилась к прыжку.

– Второй номер нашей коллекции – лань! – вскричал комментатор восторженно. – Парнокопытное животное семейства оленей. На голове у самца лани имеются лопатообразные расширяющиеся рога длиной до полутора метров! Однако перед нами и – что значительно хуже – перед пантерой самка, беззащитная самка, хотя и сумевшая наставить рога своему самцу. Еще бы, ведь она изящна и обворожительна, кто посмеет мне возразить? Темно-коричневый окрас шерсти и светлый – подшерстка, сочетаясь, вызывают удивительное ощущение гармонии и

покоя. А главное – глаза, эти пугливые глаза лани, не они ли так привлекают к их хозяйке самцов и хищников?

Пантера зарычала вновь, но лань, боязливо подрагивая тонкими ногами, неожиданно двинулась прямо к ней. Тогда пантера, прижавшись к полу, заскользила ей навстречу. И вот они поравнялись друг с другом... Но ничего не произошло. Они разминулись, а затем, шагая в такт музыке, прошлись по кругу, друг напротив друга. После этого, опять сойдясь, они повернулись к публике задом и, синхронно покачивая бедрами, удалились за кулисы. Настоящее дефиле!

– Не правда ли, трудно решить, кто из них привлекательнее – хищница или тихоня! – очнулся комментатор. – Проводим же их достойно!

Зал взорвался аплодисментами.

– Дикие лани, сохранившиеся в Южном Иране, – стараясь перекричать шум, продолжал комментатор, – находятся под угрозой исчезновения. Часть суммы, вырученной от сегодняшнего показа, будет направлена на восстановление их поголовья.

– Классно! – повернулся я к Кристине. – Кто их так выдрессировал?

– Дурак ты, – сказала она, – это же модели. Они показами зарабатывают. Демонстрируют себя. Как я. Они умные.

Но уточнить, что все это значит, я не успел, потому что на подиум выскочило сразу несколько каких-то маленьких зверьков. Чтобы разглядеть их, зрители начали было приподниматься с мест, но тут над сценой вспыхнул огромный экран, на котором то, что происходит внизу, было видно в многократном увеличении.

– Бурундуки! – вскричал комментатор с такой интонацией, как будто именно бурундуки доставляли ему в жизни наивысшее наслаждение. – Род млекопитающих семейства беличьих. Длина тела до семнадцати сантиметров, длина хвоста – до двенадцати сантиметров.

Зверьки тем временем резвились на подиуме, устроив под музыку нечто среднее между чехардой и танцем.

– Обратите внимание, на спине у бурундуков имеется пять продольных черных или темно-бурых полос. Ушки по сравнению с белкой небольшие, слабо опушенные. Хвост с густыми длинными волосами, но не округлой, а уплощенной формы. Шерстка короткая, жестковатая. Характерны вместительные защечные мешки.

В природе этот скромняга ведет наземный образ жизни, но в минуты опасности взбирается на деревья. Питается орехами, создавая в своих подземных кладовых запасы до восьми килограммов, а также семенами, ягодами, нередко и насекомыми, зеленью трав и кустарников.

Даже в природных условиях эти полосатые красавцы крайне шаловливы, любопытны и доверчивы к людям. Однако люди, как это ни стран-

но, в нашем показе участия не принимают. – В зале раздались смешки. – Давайте же представим, как повели бы себя бурундуки, случись им встретиться с очередной нашей моделью – большой китайской пандой, млекопитающим семейства енотовых, которое чаще называют «бамбуковым медведем»!

На сцену, чуть переваливаясь с боку на бок, выбежал объявленный комментатором черно-белый зверь, посредине подиума он поднялся на задние лапы, а затем уселся, потешно отмахиваясь от бурундуков, которые принялись перескакивать через него...

Я огляделся. Публика умилялась. Я уже понял, что передо мной вовсе не звери в привычном понимании этого слова, а существа, сконструированные с помощью генной инженерии. Мне стало неинтересно. Однако Кристина смотрела во все глаза, и я молча терпел. Кроме вышеперечисленных, перед нами выступили орангутанг, три страуса, два верблюда, зеленая черепаха, толпа лемуров, нильский крокодил, барсук и лошадь Пржевальского. Ее ржанием показ и закончился.

– По-моему, это ужасно, – заявил я, покинув «Слепого невидимку» и уже сидя в экомобиле.

– А по-моему, прекрасно, – возразила Кристина.

– Но это же противоестественно!

– Ничуть не более противоестественно, чем, например, выводить новые породы кошек или собак.

– Но эти животные не смогут жить на свободе.

– Ни одно животное, родившееся в зоопарке, не сможет жить на свободе. А эти и не захотят.

– Их сделали разумными без их ведома. Может быть, им это не нравится?

– Они родились такими. Нас всех сделали без нашего ведома, и никто нас не спрашивал, нравится нам это или нет.

– Но они вынуждены работать.

– Ничего подобного! Никто их не вынуждает. Они работают по собственному желанию. А вот в цирках дрессировщики действительно заставляют животных работать. Бьют их, морят голодом, унижают их достоинство мелкими подачками! А в зоопарках красота животных эксплуатируется людьми. Кому платят зрители в зоопарках? Животным?

– Можно подумать, эта коллекция моделей принадлежит не человеку! Кто ими руководит?

– Пингвин! – рявкнула вконец обозленная Кристина.

– Кто? – не поверил я своим ушам.

– Пингвин! – повторила она.

– Какой еще пингвин?!

– Галапагосский!

«Хорошо, хоть не осел», – пробормотал я себе под нос, уже ничему не удивляясь, и всю остальную дорогу к дому мы провели в тяжелом молчании.

Но помирились мы довольно быстро. В конце концов, меня полтора месяца не было дома. Мы пили красное вино и ели какие-то вкусности, приготовленные Кристиной к моему приезду. (Мы с ней оба не признаем Дистанционно Управляемые Разумные Дома, так что готовит она сама, чему я рад несказанно.) Я рассказывал ей о своей замечательной поездке, кое о чем, конечно же, умалчивая, а потом мы любили друг друга. Так что нам было не до ссор.

...Утро выдалось не из самых приятных. Похоже, накануне я все-таки слегка перебрал. Так что вместо настоящей я сделал виртуальную зарядку. Если не знаете, что это такое, объясняю. Это такая специальная программа, благодаря которой моя голографическая копия в натуральную величину подчиняется моим командам. Я валяюсь на диване и приказываю:

– Тридцать раз отжаться!

И «я-виртуальный» отжимается.

– Сорок раз присесть!

И он (в смысле я) приседает.

Между прочим, это очень даже взбадривает. Не так, конечно, как если бы я занимался на самом деле, но лучше, чем вообще никак. Чисто психологически. Появляется нечто вроде чувства выполненного долга. А то, что было вялостью, теперь кажется усталостью... Да и Кристине хоть какой-то партнер был, она-то чувствовала себя прекрасно и зарядку делала по-настоящему.

Позавтракав, мы, как и договорились вчера, собрались в самый роскошный коммерческий центр планирования семьи под названием «Амур плюс» заказывать себе «Степу Новочеловекова». И впрямь, чего голову ломать: раз оригинал зовется Стивом, пусть и пацан будет Степой.

– Кстати, – спросил я, одеваясь, – а что это стоит?

– Тысяч триста, – как ни в чем не бывало, отозвалась Кристина.

– Баксов? – уточнил я, присаживаясь на диван, чтобы не упасть. Я уже чувствовал, что именно баксов.

– Не рублей же, – пожала она плечами. – Это же все-таки человек. Ребенок. Наше будущее.

– Но, милая моя, это несколько больше, чем я заработал за весь тур... Я музыкант, а не банкир...

— Откроем кредит. Ты — популярный музыкант. Это что, твои последние гастроли? Ну, ты будешь собираться или нет?

Тут только я понял тех лохов, которые покупаются на дешевые проспекты подпольных клон-фирм, разбрасываемые в номерах гостиниц. Цены, помнится, там были ниже на порядок.

— Ты знаешь, а ведь можно точно такого же ребенка купить в другом месте... — начал было я.

— «Паленого»?! — возмутилась Кристина. — Да ты в своем уме? От «паленого» клона можно ожидать чего угодно! Ты хочешь, чтобы я родила монстра? Или калеку? Мы ведь не можем отследить, как проводилось клонирование, не повредили ли они чего, не занесли ли какую-нибудь болезнь. Да если все и сделано нормально, качество все равно не гарантировано. Мало ли, что Стив Ньюмен — гений, а вдруг у него были какие-то генетические заболевания, которые не проснулись в течение жизни по чистой случайности? Настоящая фирма все проверяет и злокачественные гены исправляет, а твои кустари ничего не проверяют.

Так-то оно так... Но триста тысяч... А я-то рассчитывал, что мы приобретем... Да мало ли на что я рассчитывал, какая теперь разница?! Я поплелся за Кристиной к выходу, и тут она вновь меня огорошила.

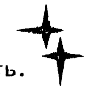
— Знаешь, — сказала она, — вообще-то, я согласна. Это для нас дороговато. Да и все-таки, по-моему, будет неправильно, если мы будем воспитывать Стива Ньюмена, который никакого биологического отношения к нам не имеет. Может быть, пусть лучше меня оплодотворят его сперматозоидом? Тогда это будет уже наполовину он, а наполовину я. И, насколько мне известно, это раза в три дешевле.

О боги! Какие еще унижения предстоит мне перенести как плату за неверность?! Не будь этой конопатой рыжей скандинавской дуры, я бы сейчас закатил такой скандал, что Кристина и думать бы забыла обо всех этих новомодных способах зачатия. Теперь же я вновь проглотил обиду, потому что понял, что у меня язык не повернется обвинить ее в некоей завуалированной форме адюльтера... Так что я промолчал, и мы наконец выбрались из дома.

Холеный клерк из «Амура плюс» взял с нас подписку о неразглашении врачебной тайны, зачитал нам наши права, обязанности, пригрозил уголовной ответственностью и лишь после этого сказал:

— К сожалению, в данный момент образцов семени от Стива Ньюмена у нас нет. Спрос очень высок, и вам придется записаться на очередь.

— И сколько ждать? — спросил я, делая хотя бы вид, что вся эта затея мне нравится и именно я ее инициатор.

– Думаю, месяц-полтора. Но лично я советовал бы вам подумать. Может быть, стоит заказать кого-то другого? Выбор огромен.

– Например? – продолжал хорохориться я.

– Повторяю. Выбор огромен. Назовите мне имя известного человека, перед которым вы преклоняетесь, и девяносто девять процентов из ста, что его семя у нас есть.

– Никто, кроме Стива Ньюмена, нам не нужен, – холодно заявила Кристина.

– Поверьте, я уже не первый год здесь работаю и много раз видел, как женщины приходили сюда с намерением зачать от одного донора, а уходили абсолютно счастливые, оплодотворенные семенем другого.

– Нам нужен только Стив Ньюмен, – упрямо повторила Кристина.

– А вы что скажете? – повернулся клерк ко мне. – Кто вы по профессии?

– Музыкант, – ответил я, пожимая плечами. – При чем здесь это?

– Классика, эстрада или авангард?

– Скорее, эстрада.

– Может быть, вас заинтересует ребенок от Пола Маккартни?

– Бред. Его давным-давно нет в живых. Какая-то подделка.

– Подделка?! – оскорбился клерк. – Вы что, никогда не слышали о том, что сперма стала храниться в банках с середины двадцатого века?!

Я представил себе множество больших – по-видимому, трехлитровых – стеклянных банок, и мне стало дурно. Но я тут же сообразил, что речь идет о других банках – о хранилищах, и отозвался:

– Слышал. Но, я думал, сперму сдавали тогда лишь анонимные доноры, и ей оплодотворяли женщин, мужья которых были бесплодны...

– Отнюдь. Хотя анонимные доноры есть и сейчас, покупка семени у выдающихся людей практиковалась уже в прошлом веке. Однако тогда она хранилась без движения. На всякий случай, до поры. Несовершенство законодательства не позволяло пустить ее в дело. Сейчас этот недостаток преодолен. Ведь практика зачатия от талантливых в какой-либо области людей оздоравливает нацию, да и человечество в целом.

Естественный отбор в нашем обществе уже давно не происходит, выживают все – и больные, и хилые, и глупые; и все притом норовят размножаться, – говоря это, клерк так пронзительно смотрел на меня, что я отвел глаза. – Но если семя самых умных, самых сильных, самых смелых мужчин будет оплодотворять значительно большее количество женщин, чем семя рядовых особей, ситуация уравновесится.

– Я все это знаю... – почему-то чувствуя себя виноватым, начал я.

– Но вы не знали, что в наличии у нас имеется семя великих людей

прошлого столетия, – не дал он мне закончить. – Ничего страшного. Вполне простительное невежество.

– А как все это сохранилось? – стараясь не замечать его оскорбительного тона, спросил я. – И почему не кончилось? Желающих мало?

– Отнюдь, – покачал головой клерк. – Желающих много. Но ведь для зачатия по современной технологии нужен один-единственный сперматозоид. А вы знаете, сколько их в одной капле? Что касается сохранности, то это дело техники. Определенная температура, среда...

– Кто у вас еще есть? – вдруг полюбопытствовала Кристина так, словно разговаривала на рынке с продавщицей редиски. – Поинтереснее?

– Поинтереснее?

– Да, я подумала, что двадцатый век – это, вообще-то, экзотично.

– Вот как. Что ж, у нас есть все нобелевские лауреаты, начиная с семидесятых годов прошлого столетия, а также актеры, спортсмены, политики...

– А вы нам что порекомендуете? – прервала его Кристина. Да что она, в самом деле, с ума сошла, что ли?!

– Я вам?.. – Клерк как-то по особенному посмотрел на нее, и мне сразу захотелось набить ему морду. – Вас интересуют заграничные образцы или отечественные? Согласно программе оздоровления нации, тридцать процентов от цены отечественных образцов оплачивает государство.

– Дело не в цене, – заявила Кристина, и я заметил, что она слегка порозовела.

– В таком случае мне кажется, – вновь оглядывая ее с ног до головы, сказал клерк, – что вам подойдет Шварценеггер.

Это еще что за зверь?

– Покажите, – попросила Кристина, и в голосе ее так явственно прозвучали кокетливые нотки, будто клерк предлагал ей собственную сперму. И не в пробирке, а, так сказать, в естественном сосуде. Да даже если и в пробирке... Интересно, не случаются ли тут такие инциденты? Отличный заголовок в желтой газетке – «Маньяк подменил сперму Наполеона собственной». Нет, при Наполеоне всей этой ерунды еще не было точно...

Тем временем клерк подал Кристине раскрытый каталог.

– Шварценеггер, – повторил он.

Я заглянул ей через плечо. Лучше бы я не заглядывал. Ужас.

– И кто он был? – спросила Кристина.

– Звезда Голливуда. Вот, тут написано. Славу ему принесла главная роль в фильме «Терминатор».

«Странные же вкусы были у наших предков», — подумал я. И тут же, не веря своим ушам, услышал Кристину:

— Миленький. А еще кто тут есть? Поинтереснее?

— Может, все-таки лучше Маккартни? — робко спросил я. Мне вдруг стала нравиться эта идея. А то еще выберет этого... Терминатора.

— Хватит в семье одного музыканта, — отрезала Кристина.

— Тогда, может быть, все-таки подождем Стива Ньюмена?

Как ни странно, мои слова возымели на Кристину некоторое положительное воздействие.

— Мы не хотели бы принимать скоропалительных решений, — сказала она клерку. — Хотелось бы просмотреть ваш каталог на досуге, хорошенько подумать...

— Это лишь один из нескольких сотен томов, — мягко улыбаясь, сказал клерк так, как говорят с маленькими детьми.

— Но-о... — начала было Кристина, нахмурившись, однако клерк опередил ее.

— Всю информацию вы можете получить на нашем сайте.

— Я заходила туда. Никаких каталогов там нет. Ни моделей, ни цен...

— Теперь есть, — хитро усмехнулся клерк. — Вы же дали подписку. Вы стали нашими официальными клиентами. Не забывайте об этом.

Выходя из центра планирования семьи, я испытывал некоторое облегчение. Понятно, что эпопея не закончена... И все-таки Кристина выразилась очень точно: не стоит принимать скоропалительных решений.

В арке по пути к Измайловскому шоссе нас окликнул симпатичный парнишка лет семнадцати на вид. Мы остановились.

— Пожалуйста, извините, — сказал он, подойдя к нам, — вы ведь из «Амура»?

Я кивнул.

— Вы хотели получить клона или обращались в банк?

— Мы дали подписку о неразглашении, — чопорно сказала Кристина, поворачиваясь к нему спиной.

— Я не сделаю вам ничего дурного! — воскликнул парень и ухватил меня за рукав. — Я больше не спрошу у вас ничего! Честное слово! Просто если вы обращались в банк, то у нас есть то, чего нет у них. Временно или совсем. Всего несколько имен, но зато каких!

— Например? — сменила Кристина гнев на милость. Ее любопытство когда-нибудь ее погубит.

Парнишка, не заглядывая ни в какие шпаргалки, перечислил два десятка имен действительно самых модных сегодня мужчин. В том числе и Стива Ньюмена.

– Есть также сверхновое поступление из Стокгольма, – добавил он под конец. И произнес мое имя.

– Кто-кто? – не поверила Кристина, а я почувствовал, что краснею до корней волос. Проклятая скандинавская сучка!

– Ритм-басист из «RSS», – пояснил юный коммивояжер. – Супермодная группа!

– А почему из Стокгольма? – продолжала допрашивать его Кристина. – Он же наш, русский. Добрый молодец.

– Сейчас они находятся в мировом турне, – пояснил добрый мальчик, – и предлагаемые образцы нашему агенту удалось получить именно в Стокгольме.

– Понятно, – сказала Кристина, и я услышал, что ей действительно все понятно. – И сколько же вы хотите за это сокровище?

– Всего шестьдесят тысяч! – радостно сообщил юноша. – Причем сразу вы вносите только залог – треть суммы, а остальное платите после родов, проведя генетическое тестирование и убедившись, что вам не подсунули фуфло. Тестирование за наш счет.

– Недорого, – кивнула головой Кристина и бросила на меня долгий, тяжелый взгляд.

– Видите ли, большую часть цены в легальном банке составляют налоги. А мы налогов не платим. Но ведь мы и рискуем...

– Конечно, конечно, – кивнула Кристина. – А сколько, если не секрет, стоят у вас образцы от Стива Ньюмена?

– Тридцать тысяч, – отозвался тот.

– Как? – Тут она уже по-настоящему удивилась. – Вдвое дешевле?!

– Стокгольмские образцы самые дорогие. Честно говоря, я даже не уверен, был ли с донором подписан договор... А Ньюмен, видите ли, настолько ходовой товар... Он есть везде. Если вы не в курсе, именно донорство спермы уже много лет является основной статьей его дохода, а модой он занимается только так, для саморекламы...

– Понятно, – оборвала Кристина. – Ладно. Мы подумаем. Где вас найти?

– Видите ли, я не могу оставить вам свои координаты. Вот если это сделаете вы, я позвоню вам тогда, когда вы скажете.

– Оставь ему свои координаты, – скомандовала Кристина.

– Пойдем, – потянул я ее за локоть, – перестань...

– Оставь координаты! – буквально прорычала она.

Вздохнув, я продиктовал ему номер, имя, фамилию. Юноша удивленно поднял взгляд от записной книжки, пригляделся... И тут же, пробормотав что-то нечленораздельное, почти бегом выскочил из-под арки.

Она ни о чем меня не спрашивала. Она вообще не разговаривала со мной четверо суток. И вид у нее все время был такой, будто она что-то непрерывно и напряженно обдумывает. Я, стараясь пореже попадаться ей на глаза, дни напролет пропадал в студии. Тем более что мы принялись срочно нарабатывать новый материал. Слишком много групп сгорело после первых гастролей: сперва катались, потом отсыхали, новых хитов нет, интерес публики падает, и если кто-то успеет в головах слушателей занять твою нишу, процесс этот может оказаться необратимым.

Рассказал историю нашего с Кристиной похода в «Амур плюс» Пиоттуху-Пилецкому.

– Мда-а, – крякнул Пила. – Встрял ты, прямо скажем, не на шутку. И ведь, главное, с первого раза, да?

– Да, – кивнул я со вздохом. – А ты говоришь, «хорошо, что мы родились в середине двадцать первого века»... Проклятое время. Стоит на минутку расслабиться, а тебя уже расклонировали по всему миру... Что делать-то?

– На будущее – пользоваться резинкой...

– На будущее мне не надо, я с этим раз и навсегда завязал. Ты мне скажи, что сейчас делать. Вот ты – сто лет женат. Что бы ты сказал жене в такой ситуации?

– Даже и не знаю, что тебе посоветовать, – почесал Пила в затылке. – Не кричит, говоришь?

– Молчит.

– Это плохо. Моя бы поорала да и успокоилась.

Утром на пятые сутки Кристина внезапно обрела дар речи.
– У меня есть предложение, – заявила она. – Давай-ка я рожу ребенка от тебя.

– Я, конечно, рад такому повороту, – сказал я осторожно, чувствуя в ее словах какой-то глобальный подвох. – Но с чего это ты вдруг так решила?

– Из чисто экономических соображений, – отозвалась она. – Ведь получается, я даром получу то, за что другие идиотки будут платить шестьдесят тысяч долларов.

– Так-то оно так, – продолжал я с опаской, – но лично для меня такое решение было очевидно и раньше. А вот ты, помнится, почему-то хотела...

– Ты что, пытаешься отговорить меня?

– Нет-нет-нет. Но мне хотелось бы понять...

– Я – модель, – сказала она с нажимом. – И вся моя жизнь – жизнь

модели. Я не могу себе позволить ребенка от какого-то лоха... – Это слово она произнесла с явным удовольствием. – Но внезапно выяснилось, что твоя сперма имеет довольно высокий рейтинг. Возможно, я выбрала бы ее, даже если бы и не была с тобой знакома.

– Хорошо, что ты со мной знакома, – кивнул я так же серьезно. – Я не возьму с тебя ни копейки.

Она свирепо глянула на меня, но тут же, не удержавшись, засмеялась. Я с облегчением вздохнул. Но, оказалось, радоваться было рано. Потому что Кристина тут же остудила меня:

– Но в благодарность за это решение ты должен кое с чем смириться.

– А именно? – спросил я, слегка пугаясь.

– Во-первых, ты должен стать официальным донором спермы.

– М-м... Ладно. – Смысла в этих ее словах было, во всяком случае, не меньше, чем во всем остальном. Раз она хочет иметь престижного ребенка, мне действительно придется переквалифицироваться из кустарей в профессиональные быки-производители.

– А во-вторых?

– Я записалась в школу моделей. Дорогую.

– Ты ведь уже заканчивала и курсы, и школу...

– Но я записалась в школу моделей для животных.

– Почему?! – Я буквально впал в коматозное состояние.

– Мне понравилось, как они работают. Мне кажется, их там учат лучше, чем людей. И я хочу участвовать в их показах. Демонстрировать человека. Это я сама придумала.

Я стиснул зубы. Ничего глупее я еще в жизни не слышал. Но возражать я не буду, не буду... Надо только выждать, рано или поздно «стокгольмский инцидент» потеряет актуальность, и проснувшаяся в Кристине мстительная стервозность, будем надеяться, рассосется.

– Ну-у, если это все, то я уже смирился, – заверил я, нарушив паузу. – Тем более что мне ведь будут платить как донору. И я не думаю, что эта твоя школа обойдется нам дороже, чем обошелся бы...

– И завтра вечером, – перебила она меня, – к нам в гости придут мои новые подруги. Двое. Элизабет, она зебра, и черепашка Оксана. Я хочу, чтобы ты был дома. А если ты против, – поспешила она предупредить мои возражения, – я делаю вывод, что ты – неисправимый шовинист, и пересматриваю свое решение насчет ребенка.

Что мне оставалось? Я только вздохнул и покорился.

Что-то снова захотелось в турне.

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

Вячеслав Рыбаков:

«Ван Зайчик вышел на контакт со мной в Коктебеле»

Романы петербургского писателя Вячеслава Рыбакова неизменно оказываются в центре внимания поклонников фантастики и вызывают бурные споры. Это оттого, что фантастический антураж не мешает писателю ставить самые острые, самые болезненные проблемы реальной повседневности. Из последних книг Рыбакова особенно громкий успех выпал на долю цикла «Плохих людей нет» («Евразийская симфония»), где Рыбаков и его друг Игорь Алимов (директор издательства «Петербургское Востоковедение») скромно значатся консультантами переводчиков, а автором указан китаец голландского происхождения Хольм ван Зайчик. С вопроса о работе над циклом и началась беседа с писателем, которая состоялась в июле этого года.

— Вячеслав Михайлович, я знаю, что работа над шестой книгой цикла «Плохих людей нет» завершена. Будет ли продолжена «Евразийская симфония»? Каковы дальнейшие планы тибетского старца Хольма ван Зайчика?

— Да, уже можно сказать, что работа над книгой закончена. Есть все основания полагать, что в сентябре она уже будет опубликована. Что же касается планов великого еврокитайского гуманиста, то коллективу переводчиков они, увы, неизвестны. Кто мы такие,

чтобы великий старец отчитывался перед нами? Мы знаем свое место... Когда Хольм ван Зайчик находит это нужным, он просто присылает нам очередной текст. В этом смысле могу сказать с полной определенностью: на данный момент никаких новых текстов для перевода на русский язык из Шамбалы не получено.

— Несколько слов о новом романе:

— Называется он «Дело судьи Ди», действие происходит уже в самом Ханбалыке — Игорь Алимов, один из консультантов переводчиков, недавно съездил на недельку в Пекин, и его свежие впечатления очень помогли при переводе глав, где описывается главная столица Ордуси. А начинается дело с того, что воздухолет, на котором Богдан летит в Ханбалык на празднование лунного нового года (и он, и Баг получили от императора именные приглашения), захватывают мусульмане из французской провинции Алжир, которые встали посреди салона, в проходе между креслами, вынули бритвы, поднесли себе к горлам и пригрозили покончить с собой, ежели кто пошевелится. И все, разумеется, сидят смирно — ведь люди могут погибнуть, кто ж возьмет на свою совесть такой груз...

— Кстати, как таинственный еврокитайский гуманист, обретающийся в районе Шамбалы, относится к тому, что в России его эпопея пользуется большим успехом и получила уже несколько престижных фантастических наград («Золотой кадуцей» на «Звездном Мосту-2001» в Харькове, «Серебряный Роскон» в Москве, «Меч в зеркале» на конгрессе «Странник-2001» и «Интерпресскон-2002» в Санкт-Петербурге), а «Дело победившей обезьяны» выдвинуто на соискание премии «Букер — Открытая Россия»?

— Я думаю, с тибетских высот все это кажется довольно мелким. Нам, переводчикам и консультантам, премии приятны. Полагаю, и читателям, которым нравятся произведения ван Зайчика, они тоже приятны. Но вот ему самому... По некоторым признакам и намекам в его письмах, которыми он порой сопровождает присылаемые романы, видно: о наградах он знает. Но и только. Мне это, в общем-то, понятно. Попробуйте, например, взять картину Рериха «Тибет» или «Тень Учителя» и на ее фоне поставить, скажем, «Золотой кадуцей». Масштабы, масштабы... А с другой стороны, перечисленные тобой лавры помогают нам, переводчикам и консультантам, продолжать свое дело. То, что русскоязычный читатель так принял творения Хольма ван Зайчика, — хороший ответ тем маловерам, которые поначалу пытались убедить нас, что эти книги здесь вообще никому не нужны, что они обречены на провал, что они нелепы и глупы... Это — да.

— Когда Вячеслав Рыбаков порадует читателей своим новым фантастическим романом? Задумки, надеюсь, имеются? О чем хочется написать?

— Если начать с последнего вопроса, то обо всем. А это в принципе невозможно. Потому приходится всякий раз как-то поджиматься, и это самое трудное — определить, какое именно ядрышко для кристаллизации остального сюжета и следом за ним — текста сейчас надо придумать... Простукиваешь, простукиваешь собственную жизнь, будто глухую стенку; и вдруг иногда звук меняется. Ага, там не глухая стека, там чуток замаскированный ход! Тогда — хрясь лбом в это самое место! Если не угадал — шишка, и ничего кроме. А если расслышал правильно — то вперед! Задумка сейчас, кажется, есть, но лбом я еще не хрястнул, поэтому ручаться за нее не могу. Если все будет хорошо, осенью напишу новый роман и в декабре отдам его в «АСТ».

— Признаете ли вы обозначение (позиционирование) «писатель-фантаст»? Можно и так спросить: чем писатель и писатель-фантаст отличаются друг от друга?

— Я не знаю ни одного хорошего писателя, который не был бы фантастом. С другой стороны, далеко не всякий фантаст может похвастаться сколько-нибудь богатой фантазией. Разница, если брать писателей из первой фразы данного ответа, оставив за рамками разговора писателей из второй (чего про них говорить-то?), лишь количественная: в зависимости от личных свойств разные авторы наделяют реальный мир вымышленными чертами в разной степени — но делают это все поголовно, чтобы выжать из реальности то или иное обобщение, ту или иную мысль, которая настолько писателя жжет, что ему приходится писать это самое произведение. Как правило, из слитного, густого сумбура реальной жизни ничего определенного для ума и сердца извлечь нельзя. А из книг — можно. Почему? Потому что писатель с помощью своей фантазии (и чем ее больше, тем больше он способен разглядеть — а уж потом это видение он старается передать другим) превращает бесформенные пятна событий реальной жизни, эти кляксы Роршаха, в читаемые, осмысленные, более или менее однозначно интерпретируемые руны, иероглифы, знаки.

— Каково творческое кредо (или тайная миссия, сверхзадача) писателя Рыбакова?

— Ох, не делайте мне смешно и больно... «Всегда!» Годится? «Миссия невыполнима!» Так еще лучше? Или опять-таки: «Мы знаем, что эта задача не имеет решения, — мы хотим знать, как ее решать».

— А что сейчас волнует Рыбакова-публициста?

– То же, что писателя и востоковеда. Уж пол-лета прошло, а я еще и отдыхать не начал...

— Как предпочитаете это делать?

– Есть притча об ученике Резерфорда, который, стараясь произвести впечатление на учителя, все изображал неутомимую, бурную деятельность. «Вы и по вечерам работаете?» – спросил его великий физик. «Да, и по вечерам...» – «И по выходным?» – «И по выходным, учитель...» – «И в праздники?» – «Да, я и в праздники работаю, и на каникулах...» – постарался дожать Резерфорда ученик. Но тот лишь раздраженно подергал себя за ус и спросил: «Если вы все время работаете, то когда же вы думаете?» Так вот, я предпочитаю отдыхать, думая. В году на это времени не хватает... Но буквально на днях взял билет в Коктебель.

— Сидя в Коктебеле, продолжите работать?

– А то! Слово «сидя», правда, не подходит. Как отшагаешь километров двадцать-тридцать по степи или вдоль берега, из бухты в бухту (рядом ни души, молчать можно сутками напропалую, вокруг – красота) – волей-неволей в голове что-то варится. «Гравилет» был придуман в Коктебеле – могу даже точно сказать, где меня настигла первая «поклевка» (это была сцена в больнице, где героя лечат сразу жена и любовница): когда я лез на гору, которая следующая за Кучук-Енишаром (горой Волошина), если идти к Двухъякорной долине. «Человек напротив» и «На чужом пиру» тоже были придуманы в Коктебеле. Более того, даже ван Зайчик впервые вышел на контакт со мной именно там – еще летом 1999-го в голову запрыгнули и его имя, и его китаизированный вариант: иероглифы Цзацикэ-ван красуются в моих отпускных бумажках того сезона, как и общая концепция Ордуси, и некоторые даже мелкие детальки, и основные наметки образа и стиля... Позднее, когда я попросил Игоря Алимова помочь мне консультировать переводчиков, а он был так любезен, что согласился, именно те образы я и старался ему передать, вводя в курс дела: «Представь, что все время смотришь "Я шагаю по Москве", только детектив...» Но работу над переводом мы начали год спустя, потому что сначала мне нужно было написать «На чужом пиру»: он придумался раньше, а я свято соблюдаю очередность... Так что такого отдыха, как в Крыму (рыбаковский «Коктебель» есть обобщающее слово, под которым следует понимать и Новый Свет), не может быть ни в Турции, ни на Канарах. Где там тридцать километров холмистой степи без никого? Поэтому я очень боюсь, что если стараниями братских правительств России и Украины в Крым станет ездить совсем муторно и тошнотно, писа-

телю Рыбакову придет конец. У меня очень сильная личная заинтересованность в том, чтобы сохранялись добрососедские отношения с нашим верным и последовательным стратегическим партнером.

— Недавно в Санкт-Петербурге состоялось вручение премии «Национальный бестселлер», которая досталась Александру Проханову за скандально известный роман «Господин Гексоген». Прокомментируйте, пожалуйста.

– Даже не слышал об этом. И роман, увы, не читал. Лет двадцать назад я прочитал три страницы из «Дерева в центре Кабула» – мне хватило. Впрочем, возможно, я выгляжу сейчас как высокомерный неуч. Не надо так понимать. Моя реплика отнюдь не носит оценочного характера – я сообщаю факты из своей биографии, и все.

— Несколько слов о вашей работе в редколлегии журнала «Полдень, XXI век».

– Покамест она минимальна. Стартовый номер показался мне, так сказать, монотонно мрачноватым. Рисовать жизнь беспросветно ужасной – это такой же обман, как соцреализм, только с обратным знаком. Не так давно я, в частности, послал Борису Натановичу Стругацкому несколько забавных и очень недурственных миниатюр моего коллеги по ван Зайчику Игоря Алимова. Желающие могут с ними ознакомиться по адресу http://www.pvcentre.agava.ru/alimov/index.html. На мой взгляд, такого рода вещи могли бы хоть как-то разбавить атмосферу.

— Есть ли у вас какие-то «нагрузки» по линии Союза писателей Санкт-Петербурга? (Вот Андрей Измайлов, например, председатель секции прозы.) Или общественная деятельность вас не привлекает?

– Я член приемной комиссии Союза писателей Санкт-Петербурга.

— Наверное, приходится читать прозу молодых авторов? Что посоветует маститый, опытный, зрелый автор Вячеслав Рыбаков зеленой литературной молодежи?

– Очень мало, не хватает времени, к сожалению. А советовать вообще – это не наш метод. Не видя ни автора, ни текста, можно наболтать лишь кучу никому не нужных банальностей, типа «читайте классику» и «уделяйте больше внимания языку»... Бред. Советы – это всегда очень ответственно и очень конкретно. Обращаться к солдату на передовой со словами «Будь добрее» или к хирургу со словами «Семь раз отмерь – один раз отрежь»?.. Пусть этим занимаются фантасты. Из второй фразы соответствующего ответа.

Вопросы задавал
Владимир Ларионов

Рецензии

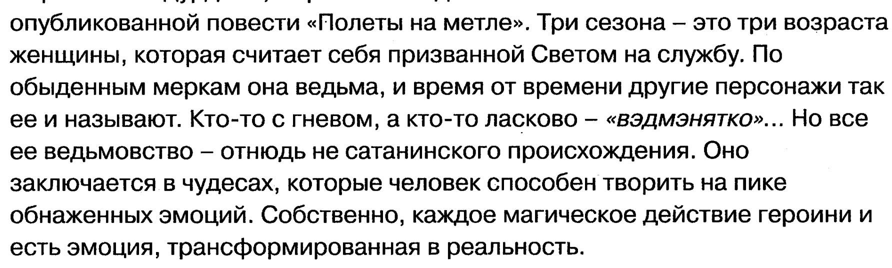
Стихия огня

Козинец Л. Качели судьбы: Роман, повесть. – М.: Вече, 2002. – 384 с. – (Параллельный мир). 7000 экз. (п) ISBN 5-94538-056-3

Людмила Козинец – имя когда-то громкое, поднявшееся в героическую эпоху «малеевок» и «дубултеевок», но в 90-х это имя было почти забыто. Сохранился водоотталкивающий ярлык: отличный стилист. Прочее съедено временем...

По уровню литературного качества новой книги видно, что старинный ярлык вполне справедлив. Чувствуется «поставленная» рука филологического человека. А все остальное – огонь, горящий то тише, то сильнее, то запускающий языки в самое небо.

Слабее всего это пламя в повести «Кольцо с авантюрином». Забавные приключения наших ребят с автоматами в «тонком мире». Здесь наши – там зло. Злу наподдали. Вот и всё.

Но повесть в составе книги играет роль довеска. «Основное блюдо» – роман «Три сезона Мейстры, или Нормальный дурдом», выросший из давно опубликованной повести «Полеты на метле». Три сезона – это три возраста женщины, которая считает себя призванной Светом на службу. По обыденным меркам она ведьма, и время от времени другие персонажи так ее и называют. Кто-то с гневом, а кто-то ласково – *«вэдмэнятко»*... Но все ее ведьмовство – отнюдь не сатанинского происхождения. Оно заключается в чудесах, которые человек способен творить на пике обнаженных эмоций. Собственно, каждое магическое действие героини и есть эмоция, трансформированная в реальность.

В первом «сезоне» молоденькая «вэдмэнятко», выпускница особого Лицея, где учат оберегать, воодушевлять и поддерживать творческих людей, распределяется в маленький южный городок. Посреди советских еще времен она выкапывает локальных гениев, защищает юные дарования от местной бюрократии и даже – вот настоящее чудо! – «выбивает» сборник для своих подопечных. Во втором «сезоне» заматеревшая «мейстра» ненароком оказывается в конторе, работающей на князя мира сего, но сути своей не изменяет. Ее роль в миттельшпиле судьбы – стать

генералом воинства, не пускающего потерянные души в ад. Наконец, эндшпиль. Он написан, пожалуй, сильнее всего прочего. Воинство разбежалось. Утрачен город Света, лучшие люди тихо мертвеют на боковых отростках Большой Судьбы. Те, кто раньше жил наотмашь, теперь устали от жизни. Лишь их бывшая «генеральша» отваживается продолжить путь. Она стремится к неведомому Океану, а достигнув его берега, понимает, что теперь ее дело – переплыть великую неизвестность, добраться до смыслов, спрятанных за горизонтом. Основная идея третьего «сезона»: ценно вечное движение, вечное развитие, вечное странствие к истинам и сущностям, которые сейчас закрыты от нас...

Свет, которому служит главная героиня, внеконфессионален, это льдистое пламя творчества. Пребывая внутри огненной стихии, она получает от автора право (чуть ли даже не функцию) жечь вокруг себя жестоко и немилосердно, разрушать нежизнеспособное, собой закалять суть вещей. Необыкновенно красиво. Но в сухом остатке – вопрос: а если совершена ошибка, и не туда вел путь, и не там была истина, как тогда оправдать пожженных, которые остались за спиной? Лес рубят – щепки летят? Или стоит просить прощения у кого-то выше этого мира? И, кстати, кто там, наверху, заведует людьми огня?

Дмитрий Володихин

Человечья натура

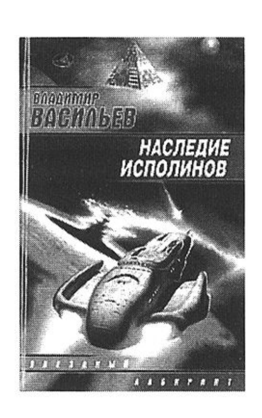
Васильев В. Наследие исполинов: Роман из цикла «Война за мобильность». – М.: АСТ, 2002. – 384 с. – (Звездный лабиринт). 13 000 экз. (п)
ISBN 5-17-014260-9

Итак, что мы имеем? Галактический Союз объединяет несколько высших рас-доминантов и большое количество приданных им рас-сателлитов. Земляне (естественно, доминанта) натыкаются в безбрежном космосе на артефакт працивилизации Ушедших, сулящий крутое продвижение научно-технического прогресса и возможность выхода за пределы обжитой Галактики. Всем ясно: кто первым наложит лапу на эту штуку, тот и будет на коне. За командой корабля, успевшего сообщить на базу о своей находке, начинается настоящая охота. Та успевает скрыться на захолустной планетке. К ней тут же стягиваются боевые армады, и начинается война за возвыше... Ах, пардон, это же не Дэвид Брин, как вы, наверное, подумали, это Владимир Васильев. Значит, война будет за мобильность.

Роман «Наследие исполинов» действительно с первого взгляда весьма напоминает бриновский «Звездный прилив». Но только с первого. Нет у

Васильева ни разумных дельфинов, ни «продвинутых» шимпанзе (хотя поклонникам этого автора было бы интересно встретить, например, киноидов из «Волчьей натуры»). Зато есть со вкусом прописанные картины партизанских боев на планете Табаска. Вообще-то, силы Сопротивления, сражающиеся с элитными частями инопланетных узурпаторов, состоят из десятка туристов, прибывших на Табаску поохотиться. Но это же люди! *«Есть в этой расе нечто фатальное: они всегда... отчаянно дерутся!.. За счет несгибаемого духа покрывают слабость оружия и техники»*.

Хотя «Наследие исполинов» и может читаться как самостоятельное произведение, действие его происходит в той же вселенной, что и в предыдущих «космических» книгах Васильева. Старинный бласт Романа Савельева с надписью «Смерть или слава» (см. одноименный роман), лихо крошивший свайгов на планете Волга, теперь обнаруживается в сейфе базы экзотик-тура на Табаске. А главные негодяи, развязавшие новую галактическую войну, – те самые шат-тсуры, которые в упомянутой «Смерти или славе» обещали показать кузькину мать всему мирозданию: *«Шат-тсуры подождут. Наберутся знаний и опыта. А потом галактика увидит, кто хозяин, а кто раб»*. Только куда им супротив землян. *«Практически в любой произвольной выборке людей при нужде почти половина мгновенно и легко превращаются в умелых и опасных бойцов. Даже если до этого оружия в руках не держали... Неужели война – призвание человеческой расы?»* На последний вопрос ответ, по опыту мировой фантастики, однозначен. В бесчисленных произведениях высокоразвитые и многомудрые обитатели вселенной вербовали бойцов для своих «разборок» на отсталой и презираемой планете Земля. Объяснение же этому, крайне простое и емкое, Владимир Васильев дает на страницах «Наследия исполинов»: *«Лучшие воины рождаются на помойках»*.

Даниил Мартин

Спасти империю!

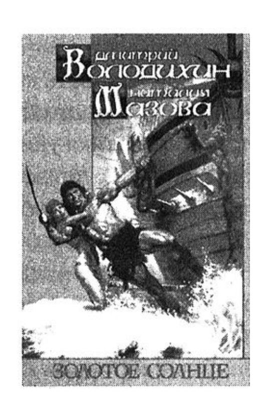
Володихин Д., Мазова Н. Золотое солнце: Роман. – М.: АСТ, 2002. – 382 с. – (Заклятые миры). 7000 экз. (п) ISBN 5-17-014761-9

Мир, придуманный авторами «Золотого солнца», напоминает европейскую античность. Здесь есть своя Империя – некий аналог не то Рима, не то

Византии. Есть государство Имлан с Лунным островом, населенным жрицами. Есть независимые торговые поселения, составляющие целое Ожерелье Городов. И есть «Вольный Народ» – не то финикийцы, не то пуннийцы, промышляющие морским пиратством.

Главных героев двое: это бывший «абордажный мастер» Малабарка Габбал и бывшая принцесса Ланин. Читая первые страницы, воспринимаешь поминутно поминающего *«рыбьи потроха»* Малабарку как еще одного клона бессмертного киммерийца (особенно после того, как он в одной короткой схватке убивает аж четырнадцать человек, в два раза побив рекорд Храброго Портняжки). Но затем начинаешь осознавать, что этот персонаж должен сыграть в книге куда более важную роль. Оказавшись на территории Империи, Малабарка получает возможность увидеть и лучшие, и худшие стороны имперской жизни. И все же бывший глава пиратов постепенно понимает свое истинное предназначение – не разрушать и дальше это пошатнувшееся великолепное здание, ставшее домом для тысяч и тысяч людей, но сделаться верным его защитником.

Следует сказать, что в истории Малабарки и Ланин воплощена литературная концепция, выдвинутая в критических работах Д.Володихина. Речь идет о так называемой сакральной фантастике. Описание того, как устанавливается незримая связь между человеком и Богом, а герой осознает свое место в извечной схватке между Добром и Злом, есть неизменный атрибут данного направления в российской фантастической литературе. Именно это и происходит с Малабаркой, который в конце концов убеждается в ложности и пустоте поклонения Аххашу, Нергашу и прочим морским божкам, якобы покровительствующим его народу пиратов и головорезов. Одновременно в душу Малабарки проникает вера в единственного истинного Бога. Он пока еще не знает Его имени, но чувствует Его вмешательство в самые важные моменты своей жизни.

Понятно, что перед нами лишь первая часть запланированного большого произведения. Это видно хотя бы по тому, что многие мастерски нарисованные персонажи пока выглядят только украшениями «романного пейзажа». И самое важное: главная цель Малабарки Габбала не достигнута, Империя в кризисе и близится к закату. Главный герой только в начале пути. Он пока даже не подозревает, что должен совершить в своем мире то же, что император Константин Великий совершил в нашем, – дать Империи новую веру, которая позволит ей просуществовать еще тысячу лет.

Игорь Гонтов

Магия слова

Владимир и Юлия Обручевы

ОТ КОРОЛЯ ДО ДРАКОНА

На российский книжный рынок продолжает поступать достаточно много переводных произведений в жанрах фэнтези и хоррор. Их столько, что несложно и потеряться. Читатель же, если он, конечно, не покупает все подряд, должен как-то ориентироваться в этом море. Мы попробуем помочь тем, кому это необходимо, публикуя каждые три месяца обзор новинок в журнале «Звездная дорога». На первый раз вашему вниманию предлагается рассказ о книгах, вышедших в первой половине 2002 года.

Саги мастеров

Роберт Асприн «Заклинание для спецагента». В нашей стране больше всего любят «мифовскую» серию этого писателя и другие его юмористические произведения. Хотя, например, цикл «Мир воров» (создан в соавторстве с другими фантастами) заслуживает не меньше внимания... На рубеже веков автор сделал довольно большой перерыв в своем творчестве. Но вот перед нами новое его произведение. Роман совершенно отдельный, не связанный ни с каким сериалом. На этом его уникальность и заканчивается. После прочтения книги остается стойкое ощущение, что где-то это все уже было: шутки, приколы, сюжетные ходы и методы борьбы с неприятностями. Сюжет прост. На суперпопулярную ирландскую певицу совершено несколько покушений сверхъ-

естественного порядка. В это, конечно, никто не верит, но английская и американская спецслужбы выделяют своих агентов из подразделений, созданных как раз для работы с подобными вещами...

Мэри Стюарт «День гнева», «Принц и паломница». Продолжение одной из лучших, на наш взгляд, трилогий о короле Артуре. В первом романе рассказывается история Мордреда и его восстания против Артура. Второй же – это, скорее, побочное произведение, раскрывающее небольшой эпизод из романа Томаса Мэлори «Смерть Артура» об убийстве королем Марком своего брата. Оба новых произведения заметно слабее классической трилогии («Хрустальный грот», «Полые холмы» и «Последнее волшебство»), но наверняка придутся по вкусу поклонникам артурианской фэнтези.

Терри Пратчетт «Дамы и господа». Из дальних странствий к нам вернулись ведьмы! Причина веская: скоро свадьба короля Ланкра Веренса II и ведьмы Маграт. Но неожиданно появляются эльфы – и они совсем не похожи на эльфов Толкина или Брукса. Эльфы хотят поселиться в Плоском Мире, где они когда-то орудовали. Прекрасная книга, пожалуй, лучшая во всей серии про ведьм. Она заметно перекликается с пьесой Шекспира «Сон в летнюю ночь». Поклонники Пратчетта, не пропустите!

Мерседес Лэки «Стрелы королевы». Все творчество этой писательницы можно разделить на две категории – по-своему интересные, оригинальные сольные произведения и многочисленные посредственные вещи, написанные в соавторстве. В чем причина такого расклада, сказать сложно, но многочисленные примеры налицо. Мерседес Лэки – типичный представитель так называемой женской фэнтези. Довольно часто она стремится показать, что женщина не только ничем не уступает мужчине, но и почти во всем превосходит его.

Этим духом пронизана и трилогия «Стрелы королевы». Затерроризированная родственниками девочка из всеми забытой деревни неожиданно сталкивается со Спутником – разумным конем. Он избирает ее в свои всадники и привозит в столицу учиться на герольда (это особая группа людей, обладающих экстрасенсорными способностями). Первая книга посвящена обучению героини в школе. Вторая – ее практике. Третья – пер-

вому самостоятельному заданию. По ходу трилогии героиня превращается в гордую и сильную женщину, несущую людям волю королевы. И почти во всех ситуациях она оказывается благородней, смелей, находчивей мужчин...

Андрэ Нортон «Магия лавандовой зелени». Патриарх современной фантастики. Ей написано множество произведений в интересующем нас жанре. К сожалению, много сказать об этой книге невозможно. Ибо в нее вошли две неплохие... сказки. Ни на что большее эти повести не претендуют. Приятное неторопливое развитие сюжета без особых рывков и нагнетания обстановки, без каких-либо неожиданных сюрпризов. Повествование развивается линейно, никаких «параллельных» событий, никаких интриг и т.д.

Джордж Мартин «Буря Мечей». Перед нами третий (и явно не последний) том саги «Песнь льда и огня». Мы снова оказываемся в вихре политических интриг, кровавых битв, жестоких предательств. Море крови прольется на страницах этого романа, от рук убийц погибнут еще два короля, мы станем свидетелями неоправданной жестокости и поразительной верности. Удивительная сага из тех, что в такой моде сегодня (достаточно вспомнить об успехе «Колеса времени» Роберта Джордана). Увы, нельзя обойтись без ложки дегтя: перевод заметно подпортил книгу. Что делать, у «АСТ» нет желания переводить тексты лучше. А еще мы надеемся, что автор остановится вовремя и нам не придется писать обзор по пятнадцатому тому этого цикла.

Патриция Маккиллип «Мастер загадок». Одно из лучших произведений, изданных на русском языке за последнее время. Издательство «Азбука» преподнесло прекрасный подарок всем любителям фэнтези. Это очень поэтичная трилогия, повествующая о странствиях Моргена, правителя острова Хед, и его невесты Рэдерле, которые пытаются разобраться в том, что происходит в их мире, и разгадывают при этом множество загадок. Автор в свое время получила Всемирную премию фэнтези за роман «Забытые звери Элда».

Дэвид Геммел «Сумерки героя». Очередной роман из Дренайского цикла, главный герой которого – уже постаревший и ушедший на покой Нездешний. Пытаясь в очередной раз убежать от своего прошлого, он уплывает в далекую страну. Однако и здесь не может он обрести спокойствия. Через Древние Врата на землю пришли демоны. С ними-то и приходится бороться Нездешнему – бороться для того, чтобы просто

выжить... После прочтения книги остается двоякое ощущение: с одной стороны, она по-прежнему неплохо написана и читается с неослабевающим интересом, с другой – чувствуется некая скованность автора, а некоторые эпизоды производят впечатление вторичности.

Молодые герои

Стивен Браст «Гвардия Феникса», «Пятьсот лет спустя». Эти романы относятся к циклу о Кааврене, а действие его происходит за многие сотни лет до цикла того же писателя о Владе Талтоше. Читая книги Браста, постоянно ловишь себя на мысли, что уже читал что-то подобное, причем не раз. И память тут же подсказывает: да это отменный образец приключенческого романа, достойный таких корифеев жанра, как Александр Дюма и Рафаэль Саббатини. Единственное отличие: действие происходит не в реальном мире, а в фантастической вселенной. На фоне головокружительных приключений, политических и любовных интриг автор мастерски высмеивает столь любимые средним американцем комедии положений. А второй роман по отношению к первому – это то же самое, что «Двадцать лет спустя» по отношению к «Трем мушкетерам».

Лиланд Экстон Модезит «Башни заката». Модезит очень популярен на Западе, а в России пока еще неизвестен. Он придумал необычный фэнтезийный мир, в котором, кроме магических, действуют еще и рациональные законы, а силы мироздания поставлены с ног на голову. В отличие от большинства произведений жанра, в этом мире магию Порядка подчинили себе Черные, а Белые маги владеют магией Хаоса. В вышедшем романе рассказывается о чародее Креслине, владеющем магией воды и ветра и расплачивающемся за свое могущество слепотой.

Стив Эриксон «Сады Луны». Дебют канадского писателя в этом жанре. По своему духу (но не по стилю!) напоминает известный роман Глена Кука «Черный отряд»: такое же тяжелое повествование, такое же ощущение безысходности. Мы наблюдаем за отрядом наемников, которые втянуты в грандиозную войну среди богов и людей. Книга читается довольно тяжело, но это не из-за ее недостатков (и перевод неплох), а из-за гнетущей атмосферы. В целом роман достоин того, чтобы его прочитать и ждать продолжения (на Западе уже вышел третий том данного сериала).

Фреда Уоррингтон «Янтарная цитадель». Еще один дебютант российского книжного рынка. Известна как автор, пишущий «темную фэнтези», при этом в ее романах особую роль играют женщины. «Янтарная цитадель» не стала исключением. Союз двух рас, заключенный в незапамятные времена, может быть разрушен, ибо появились захватчики, которые могут уничтожить все живое... Надо заметить, что у романа нет четкого финала, так что весьма вероятно, что одной книгой дело не кончится и мы получим трилогию, а то и больше. На самом деле «Цитадель» не производит впечатления шедевра: можно прочесть, а можно этого и не делать.

Мартин Скотт «Фракс и Эльфийские острова». Четвертый роман из цикла о частном детективе Фраксе, который снова берется за расследование загадки и снова оказывается втянутым в странные события. На этот раз ему приходится отправляться на Эльфийские острова, чтобы спасти дочку своего старого друга. Если вы любите юмористическую фэнтези, эта книга – для вас. Здесь следует сделать одну оговорку: юмор у Скотта среднего качества, сам роман отдает нездоровым цинизмом, да и цикл, куда входит это произведение, никогда даже близко не подберется к лучшим образцам данного направления фэнтези.

Лоуренс Уотт-Эванс «Ночь Безумия». В своем новом романе писатель возвращается к серии, принесшей ему наибольшую популярность, – «Легенды Этшара». Мы вновь оказываемся в Этшаре Пряностей в тот момент, когда на всю Гегемонию Трех Этшаров обрушивается проблема: после странного катаклизма люди внезапно обрели довольно сильные магические способности, вышедшие из-под контроля Гильдии Магов. На фоне одной из лучших книг автора об Этшаре – «Misenchanted Sword» – эта не производит положительного впечатления. Ее стоит читать лишь в том случае, когда читать совсем уже больше нечего.

Дин Андерсон «Воительница. Песнь крови», «Воительница. Жажда мести». Ура! Наконец-то издательство «Армада» разродилось переводным произведением в серии «Фантастический боевик». И мы сразу же получили два фэнтезийных романа совершенно неизвестного автора. Это заурядный образец героической фэнтези на скандинавские темы. Героиня, находясь на службе богине Хель, пытается победить короля-чародея, чтобы ее дочь осталась жива. Автор, безусловно, имеет некоторое представление о скандинавском пантеоне богов и о том, как герои ведут себя в бою, но все-таки уровень романа крайне низок...

Драконография

Ричард Кнаак «Книга Дракона», «Страна-за-пеленой». Еще два тома из серии «Драконье Королевство». В них вошли четыре романа цикла (с пятого по восьмой): «Книга Дракона», «Хрустальный Дракон», «Страна-за-пеленой», «Дети Дрейка». Три из них посвящены истории драконьего королевства. В них рассказывается о странной расе враадов, которые уже испортили все в своем мире и теперь стремятся перебраться в другой, чтобы испортить все и там... Вроде бы все замечательно. Ан нет. Похоже, нежелание обращать внимание на целостность и порядок выхода сериалов — общая беда нашего книгоиздания. В «Книгу Дракона» был включен третий роман из подсерии о происхождении драконьего королевства, и только спустя два месяца изданы первые два. Ну, и нельзя пройти мимо перевода. Как можно было сделать так, что *восемь* книг Кнаака из одного цикла переводили *семь* разных переводчиков?! А?

Лоуренс Уотт-Эванс «Драконья погода». Роман «Драконья погода» рассказывает о взрослении деревенского мальчишки и его мести тем, кто когда-то навел на его деревню драконов, а его самого продал в рабство на рудник. Мальчишка отличается от обычных людей: он выносливее, его раны заживают значительно быстрее, непонятная магия заставляет других помогать ему. Объяснение этому одно: во время налета драконов на деревню он невольно наглотался драконьего яда, и у него теперь «драконье сердце». Страшную правду о том, что же это определение значит, он узнает только в самом конце книги... Роман, безусловно, интересный, хотя, на наш взгляд, несколько затянутый. Особенно если учесть явную заявку на сиквел.

Барбара Хэмбли «Драконья Тень». В нашей стране произведения Барбары Хэмбли издавались очень мало, а ведь она достаточно популярна на Западе. В 1995 году в издательстве «Русич» вышел один из лучших ее фэнтезийных романов — «Драконья Погибель». И вот теперь в издательстве «АСТ» увидело свет его продолжение — «Драконья Тень». Здесь вы снова встретитесь с героями первого романа — победителем драконов Джоном Аверсином, его супругой Дженни, драконом Моркелебом. На этот раз могущественный маг, воспользовавшись помощью демонов, нашел способ покорить всех драконов и с их помощью завоевать власть. Книга практически не уступает первому роману ни по сюжету, ни по языку. Хотя на фоне блистательного стилиста Евгения

Лукина, который переводил «Погибель», переводчик «Тени» выглядит весьма серенько.

Вампирология

Нэнси Коллинз «Ночью в темных очках». Первый роман писательницы, принесший ей приз Брэма Стокера за лучший дебют. В книге изложен довольно оригинальный взгляд на происхождение вампиров. Автор остро поднимает проблему нравственного выбора. Однако это все, что можно сказать хорошего об этом произведении. В отличие от изящных вампирских романов Барбары Хэмбли или остроумного сериала Лорел Гамильтон, книга «Ночью в темных очках» оставляет тяжелое впечатление из-за вываленных на асфальт внутренностей, моря крови и горы трупов. Почти всем персонажам романа больше всего подходит определение «подонки». А вся оригинальность, все идеи, заложенные в книгу, теряются на фоне корявого языка изложения и хруста костей.

Джордж Мартин «Грезы Февра». Действие романа происходит на просторах реки Миссисипи, где для вампира и на его деньги построен прекрасный корабль — один из лучших для XIX столетия. Вскоре здесь случится кровавая стычка между вурдалаками... Прекрасное произведение; тем, кто любит книги о вампирах, но не любит слащавость в духе Энн Райс, этот роман, безусловно, понравится.

Том Холланд «Вампир. История лорда Байрона», «Раб своей жажды». Автор с большим мастерством выписывает характеры своих героев — их нежелание смириться с происходящим в своей жизни и в то же время полное приятие этого... Первая книга — рассказ лорда Байрона о том, как он стал вампиром. Вторая — почти мистическая история о появлении в Лондоне индийской богини Кали. Преследуя какие-то свои цели, она вмешивается в жизнь друзей доктора Джека Элиота. Он пытается им помочь и в результате... становится Джеком Потрошителем.

За последние полгода мы в очередной раз убедились, что издательства не слишком заботятся о порядке издания серий. Переводы попрежнему оставляют желать лучшего, их качество приносится в жертву количеству. Но есть и хорошая новость: во второй половине лета и осенью на нашем рынке появилось (появится) много книг известных писателей — Тима Пауэрса, А.А.Аттанасио и других. Будем читать. До новых встреч на страницах «ЗД»!

Арбитмания

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

«Нет уж, нет уж! Умерла так умерла!» – восклицал герой анекдота при виде скоропостижно воскресшей тещи. В отличие от тещи, советская эпоха, оставив после себя немало функционирующих обломков (от фановых труб и ушастых «запорожцев» до гимна и номенклатуры комсомольского разлива), все-таки умерла бесповоротно. Причем стремительность этого процесса усложнила жизнь простодушным школьным учителям и хитрым книжным издателям. Первые не знали, что им теперь делать с советской литературой, на 99,9% засоренной рифмами типа «заря – Октября». Вторые ломали головы, как им успеть сделать деньги из литпродукции СССР, пока она (продукция) окончательно не окаменела...

Увы, редакция фантастики издательства «АСТ», как видно, чересчур долго раскачивалась. Запустить в производство дешевую (по вложениям) серию «Классика отечественной фантастики» додумались слишком поздно. Время ушло. Судя по тиражам, отнюдь не ураганным, и пожухлой голубизне длинного ряда корешков на лотках, книги серии «КОФ» ныне покупают граждане, перешагнувшие за сороковник, причем покупают больше из ностальгических побуждений. Что же касается теперешних тинэйджеров, то им сегодня уже не справиться с подобным папиным чтением без очевидных усилий. Нужны построчные комментарии, объясняющие допотопную атрибутику и неведомые молодым поведенческие мотивации (ну, а литература, требующая комментариев, – уже не чтиво). Иными словами, живых перспектив у серии нет никаких, резерва текстов – тоже, видимо, никакого: раз дело уже дошло до записанного в классики Сергея Павлова, значит, производители колобков из «АСТ» скребут по сусекам, надеясь, что лиса будет близорука и съест то, что само катится ей навстречу.

Между тем ситуация в этой сфере далеко не безнадежна, если подойти с умом. Почему бы не приспособить старую советскую фантастику к. новым условиям? Сделать это нетрудно, а стоить это будет копейки или даже ничего: на «римейковом» поле наследникам авторских прав традиционно мало что светит.

Примеры? Извольте. Была, предположим, недурная вещица Григория Адамова под названием «Тайна двух океанов», где все дело портила идиотская интрига с буржуазным агентом Гореловым, мечтавшим взорвать нашу подлодку «Пионер». В новой версии романа лодку переименовываем в «Бойскаута» (или – еще лучше – в «Последнего бойскаута», имея в виду состояние нашего подводного флота), а со шпионом есть два возможных варианта. Либо агент окажется украинским (Горилко) и взорвет лодку по ошибке (не туда попал). Либо Горелов будет американским агентом по фамилии Горелофф, но не тайным, а явным наблюдателем от НАТО. Поскольку наши атомные подлодки имеют свойство взрываться без постороннего вмешательства, этот Горелофф будет весь роман следить, чтобы наши торпеды ненароком не бабахнули, а в финале героически погибнет, закрыв своим телом реактор. Напарником Горелоффа станет бледный мальчик-робот Павлик, который будет красиво ходить по дну. Эту историю гарантированно купит Спилберг – так что прибыли издательству обеспечены.

Еще пример. Любителям «космических опер» пригодится «Аэлита», текст которой вполне может быть доведен до ума. Ударная смесь Шпенглера с Эдгаром Берроузом у Толстого более-менее терпима, а вот «сменовеховская» лояльность к победившему большевизму абсолютно лишняя. Перебрасываем финал в начало и отправляем бизнесмена-технократа Лося вместе с его телохранителем, ветераном Чечни Гусевым, прямо на Марс – спасать красавицу Аэлиту (по радио взывавшую о помощи) от самодура-отца Тускуба, который желает отдать ее замуж за нелюбимого Гора. Никакого, упаси Боже, экспорта революции, никаких там угнетенных народных масс, никакой хавры (пропаганда наркомании у нас не поощряется). Лось пытается действовать мирно и дипломатично, однако марсианская братва, подстрекаемая папой-Тускубом, желает загасить бизнесмена. Само собой, перед терминатором Гусевым хлипкие братки пасуют, самых отвязных наши герои замачивают в лабиринте царицы Магр и увозят красавицу Аэлиту с собой, в Питер. В финале оскорбленный папа бомбардирует Землю радиограммами угрожающего свойства и готовится заслать сюда армию боевых треножников – это хороший выход на сиквел, если что...

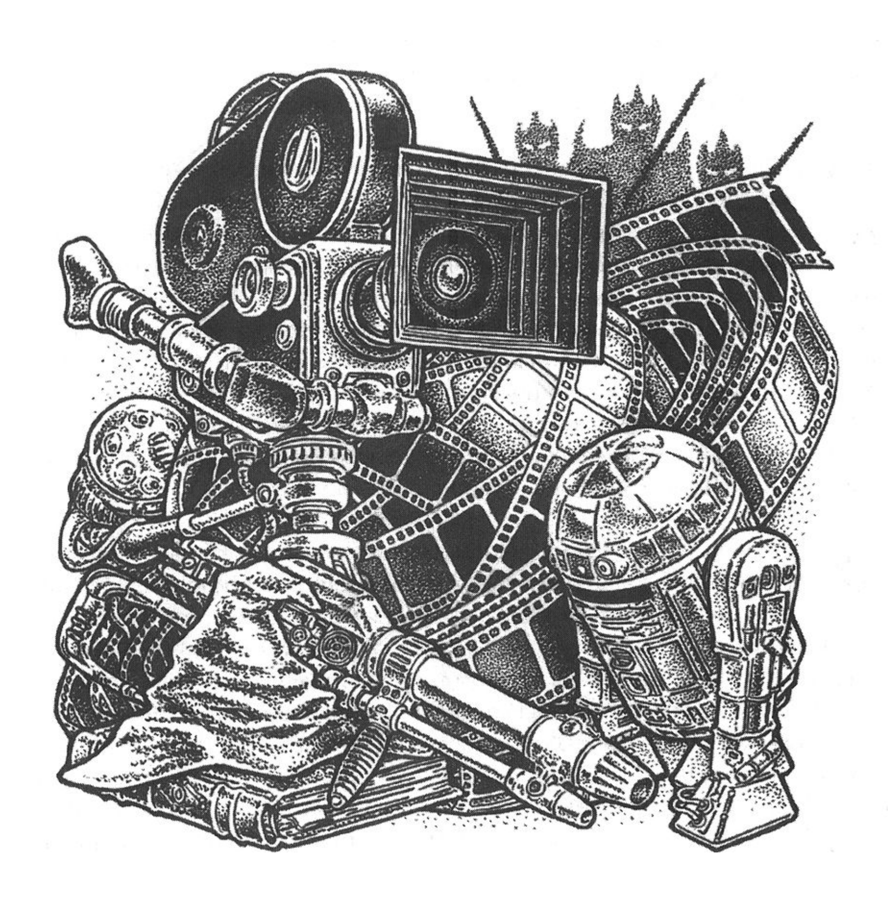
Кстати, правильная версия «Часа Быка» делается по схожей схеме: победивший коммунизм меняем на победивший межзвездный империализм, коему противостоит похожий на Саддама диктатор Чагас. Звездолет «Темное пламя» прибывает на планету Торманс с сугубо гуманитарной миссией (с грузом пепси, новых дисков Алены Апиной и декларацией прав человека на тормансианском), но когда местные бандформирования начинают мочить миротворцев, кстати выясняется, что на борту корабля есть еще кое-что. Крупного калибра. Империя в лице Фай Родис, Грома Орма, Зига Зага и Скруджа Макдака вынуждена скрепя сердце нанести ответный удар. Плохо ли?.. А ведь есть еще «Каллисто» и «Лунная дорога», «Черный смерч» и «Звезда КЭЦ», «Арктания» и «Осколок солнца». Есть еще тысячи совсем уж никудышных старых книг, из которых можно выстругать – при умелом обращении – сотни новых. Книги эти, скорее всего, окажутся дрянью, но никто ведь и не обещал шедевров. Главное, что будет получена дешевая, бесспорная и понятная массам продукция...

Ожидаю негодующих криков: «Как можно?! Варварство! Беспрецедентное кощунство!» В принципе, да, кощунство. Но прецеденты были. Чем-то подобным спокойно занималось советское государство в самом начале своего существования, когда приходилось мастерить литературу для рабочих и крестьян из подручного материала, благо понятия «авторское право» не существовало. Едва ли не вся советская детская литература «периода реконструкции» была украдена на Западе и приспособлена к моральным ценностям победившего гегемона. Коротышки Носова были родом из книг Пальмера Кокса, доктора Айболита (в девичестве – Дулитла) Чуковский позаимствовал у Хью Лофтинга, Страна Оз была украдена Волковым у Фрэнка Баума и переименована, мальчика Пиноккио красный граф Толстой увел у Коллоди, тоже поменяв имя деревянному человечку. Лагин в «Старике Хоттабыче» не просто «одолжил» сюжет у сказочника Ф.Энсти («Медный кувшин») и нафаршировал историю большевистской идеологией, но в предисловии еще и пнул обворованного британца, благоразумно не назвав его по имени...

Что ж, пришла пора расплаты. «Фарш невозможно провернуть назад», зато попользоваться схемой советских опытов над литературой – понятно, с обратным знаком! – очень даже можно. А заодно поквитаться за Пиноккио, джинна Факраша, девочку Дороти из Страны Оз и других, с которыми когда-то сотворили, не спрашивая, примерно то же самое. Око за око, ухо за ухо. Вам отмщение, и аз воздам. Любишь кататься, люби и саночки.

Роман Арбитман

ПЛАНЕТА КИНО

Фабриканты грез

В какие только сферы массовой культуры не проник вездесущий Бэтмен! Об этом персонаже нарисованы комиксы, написаны книги, сняты кинокартины. А теперь его история ляжет в основу бродвейского мюзикла, постановщиком которого будет не кто иной, как сам Тим Бертон, режиссер первых двух фильмов о Бэтмене. Музыку для спектакля написал Джим Стейнман, а либретто принадлежит перу Дэвида Айвза. Бюджет мюзикла составит не один миллион долларов.

Бертон рассчитывает посвятить работе над спектаклем весь следующий год. Опыта постановки мюзиклов у него нет, если не считать музыкального мультфильма «Кошмар перед Рождеством». Впрочем, сценическое искусство он любит и не раз говорил друзьям, что хотел бы однажды открыть кукольный театр. Что ж, у него появилась возможность проверить свои силы.

В Праге завершились съемки фильма «Лига необычных джентльменов», который ставит режиссер Стив Норрингтон («Блэйд») по комиксу Алана Мура. Похоже, нас ожидает оригинальное и увлекательное зрелище: действие ленты разворачивается в викторианской Англии, а персонажами являются знаменитые литературные герои – в частности, Мина Харкер из романа «Дракула», которую играет телезвезда Пета Уилсон («Никита»). В остальных ролях – Шон Коннери, Шэйн Уэст, Стюарт Таунсенд и Джейсон Флеминг.

Кто знает, может быть, когда-нибудь мы увидим и отечественную картину про то, как Онегин и Печорин спасают бедную Лизу, похищенную дядькой Черномором с целью дальнейшей перепродажи Коньку-горбунку...

Продолжение фильма «Люди Х», которое называется просто «Х2», снимается в канадском городе Ванкувер. В картине «задействованы» как те мутанты, которые уже известны публике, так и новички. В их числе – некий Ночной Ползун (его роль исполнит Алан Камминг). Однако основное внимание, как и прежде, уделяется спецэффектам, каковые создаются при участии сразу пяти специализированных компаний.

Авторы «Х2» рассчитывают воскресить из мертвых сенатора Келли, который в первой картине был превращен в кучку слизи. Каким образом это случится? Брюс Дэвисон, играющий Келли, отказывается раскрывать подробности. Однако настаивает, что в фильме про супергероев такой персонаж очень нужен, поскольку «это вроде как голос ослабевшего разума».

Релиз картины намечен на 2 мая 2003 года.

О планах поставить «Индиану Джонса-4» наш журнал уже сообщал. А сегодня – о возможном конкуренте этой картины, фильме «Грозовой фронт». Его собирается снимать компания «Gryphon Films», которая намерена пригласить на главные роли Сандру Баллок («Сеть») и Эстеллу Уоррен («Планета обезьян»). Сандра и Эстелла должны сыграть археологов, разыскивающих легендарный золотой город Анасази.

Совладелец «Gryphon Films» Бретт Моррисон сообщил журналистам, что компания собирается максимально использовать возможности компьютерной анимации. Так, именно на компьютерах будет сделана ключевая сцена фильма – наводнение, в плену которого оказывается археологическая группа. «Говорят, компьютерные эффекты – это дорого, – откровенничает Моррисон. – Но устроить реальный потоп стоит еще дороже!» При всем при том он рассчитывает уложиться в 20 миллионов долларов, что вызывает большие сомнения по поводу визуального качества будущей картины. Впрочем, поживем – увидим.

С неожиданной проблемой столкнулась съемочная группа, работающая над экранизациями суперпопулярных сказок Джоанны Ролинг о Гарри Поттере. Исполнитель роли Поттера Дэниел Рэдклифф... слишком быстро растет. За последний год он вымахал аж на шесть дюймов (около 15 сантиметров) и значительно обогнал своих коллег Руперта Гринта и Эмму Уотсон.

Решать эту проблему придется постановщику третьего фильма о Гарри («Гарри Поттер и узник Азкабана») Альфонсо Куарону. Кстати, недавно было объявлено, что режиссер первых двух серий, многоопытный Крис Коламбус, не покидает съемочную группу, а остается в ней в качестве консультанта. Надо же кому-то присматривать за молодым Куароном...

Между тем премьера второго фильма («Гарри Поттер и тайная комната») состоится уже совсем скоро – 15 ноября.

Ночной кошмар всех пользователей Интернета сбылся: в прокат выходит картина «Страх-точка-ком», персонажи которой умирают в течение 48 часов после того, как посетили некий сайт. Следствие ведут двое сыщиков (их играют Стивен Дорф и Наташа Макилхоун)...

Режиссер Уильям Мэлоун категорически отрицает всякую связь своего фильма с недавней японской лентой «Звонок», где аналогичная участь ждала всех, кто посмотрел таинственную видеокассету: «Я приступил к съемкам еще в феврале 2001-го. Мы уже давно все придумали... А рекламный трейлер "Звонка" я на днях посмотрел в Интернете. Ничего похожего».

По материалам «3Д-информ».

Своими глазами

Что предсказали мутанты

Особое мнение (Minority Report). Производство «20th Century Fox», «Amblin Entertainment» и «DreamWorks SKG» (США), 2002. Режиссер Стивен Спилберг, сценарий Скотта Фрэнка и Джона Коэна. В ролях: Том Круз, Колин Фаррелл, Саманта Мортон, Макс фон Зюдов. Слоган картины: «Ты не можешь спрятаться. Готовься бежать!». 145 мин. В российском прокате – с 5 сентября.

В последнее десятилетие проза Филипа Дика, впервые перенесенная на экран Ридли Скоттом в знаменитой ленте «Бегущий по лезвию бритвы», идет в Голливуде нарасхват. После нескольких посредственных кино- и телеэкранизаций и довольно спорного, хотя и благосклонно принятого публикой фильма Пола Верхувена «Вспомнить все» к творчеству писателя решил обратиться один из самых матерых монстров современного Голливуда, умеющий выжимать слезу и кассовые сборы из любого подручного материала, – Стивен Спилберг.

Удивительно, но слезливая сентиментальность и мелодраматичность, присущие последним работам маэстро, в этой ленте практически отсутствуют. Фильм получился очень диковским, предельно динамичным и чрезвычайно жестким, порой даже беспощадным к зрителю. Это скорее Спилберг времен «Дуэли» и «Челюстей», нежели «Инопланетянина» и «Искусственного разума». Действие фильма происходит в Америке середины XXI века. В основе сюжета – доведенный до абсурда центральный постулат западной правоохранительной системы: главное – не карать за преступление, а предотвратить его. При помощи нейрокомпьютера, к которому подключены трое мутантов, способных предвидеть будущее, спецслужбы получили возможность узнавать о еще не совершенных убийствах и изолировать потенциальных убийц до того, как случится непоправимое. Однако насколько этично судить людей за преступления, которых они так и не совершили, а порой даже и не замышляли? Возможны ли ошибки в предсказаниях оракулов, в результате чего за решеткой могут оказаться невинные люди? Об этом поневоле придется задуматься руководителю оперативной группы по предотвращению убийств Джону Андертону, когда нейрокомпьютер покажет ему сцены из ближайшего будущего, в котором он сам хладнокровно убивает совершенно незнакомого человека...

Дальнейшее – непрерывный экшн, потрясающее зрелище. У Джона только 36 часов, чтобы ответить на все вопросы, победить связавшие его по рукам и ногам обстоятельства и попытаться изменить неумолимое будущее... Визуальный ряд картины безупречен. В первую очередь он заставляет вспомнить столь же удачно выстроенные «Матрицу», «Двенадцать обезьян», «Джонни Мнемоника». Прекрасно играют Том Круз (Андертон) и шведский актер-патриарх Макс фон Зюдов, который, кажется, совсем не изменился после своей триумфальной роли в блокбастере тридцатилетней давности «Изгоняющий дьявола».

«Криминальному чтиву», «Бойцовскому клубу» и «Матрице» все-таки удалось вывести независимое кино на широкий экран и даже создать на него моду. И тому, что голливудские суперколоссы наподобие Спилберга не просто берут на вооружение отдельные приемы независимых режиссеров, а начинают снимать блокбастеры, целиком построенные на аналогичных идеях и эстетике, можно только порадоваться.

Василий Мидянин

Рейтинг «ЗД»: ★★★★★

Смертельная битва энтузиаста

Обитель зла (Resident Evil). Производство «Constantin Film Produktion» (Германия), 2002. Режиссер и сценарист Пол Андерсон. В ролях: Мила Йовович, Мишель Родригес, Эрик Мабиус. Слоган картины: «Секретный эксперимент. Смертельный вирус. Роковая ошибка». 100 мин. В российском прокате – с 18 июля.

Когда в русскоязычном журнале фантастики упоминаешь о Поле Андерсоне, нужно сразу сказать, какой именно Пол Андерсон имеется в виду.

Во-первых, во избежание недоразумений следует немедленно заявить, что покойный фантаст Пол Уильям Андерсон не имеет к рассматриваемому фильму вообще никакого отношения.

Во-вторых, режиссер Пол Томас Андерсон, знаменитый «Ночью в стиле буги» и «Магнолией», также не должен быть задет тем, что я собираюсь тут написать. Пусть живет безмятежно.

И, в-третьих, в нашем садке остается последний Пол Андерсон – Пол У.С. Андерсон. Что скрывается за его средними инициалами, неизвестно, да это и не важно, а важно то, что именно этот Андерсон несет ответственность за фильмы «Смертельная битва», «Сквозь горизонт» и «Солдат», достаточно хорошо известные российским любителям фантастики. «Обитель зла» вполне укладывается в его творческий подход, заявленный предыдущими картинами.

Суммируя впечатление от этих четырех фильмов, могу лишь горестно констатировать, что дорогой наш Пол У.С. определенно задержался на подростковом уровне интеллектуального развития. Из перечисленных картин только в «Горизонте» может быть отловлена хоть сколько-нибудь интересная режиссерская задумка, которая, впрочем, была режиссером же с грохотом провалена; в «Обители зла» не наблюдается ничего даже отдаленно напоминающего плодотворную, по выражению Остапа Бендера, *«дебютную идею»*: перед нами убийственно плохой фильм, снятый по компьютерной игрушке; фильм с сюжетом, который исчерпывается беготней по коридорам подземного бункера и беспорядочной стрельбой по всему, что уже умерло, но почему-то еще шевелится.

Из многочисленных интервью, розданных Андерсоном за последние полтора года, ясно видно, что он воспринимает свое творчество в чисто фэнском ключе: восторженность и неиссякаемый энтузиазм по отношению к компьютерным играм и фантастическим сериалам вполне заменяют ему режиссерское видение и минимальные представления о сценарной драматургии. Соответственно, и смотреть этот фильм не противопоказано только тем, кто и сам готов тащиться от одного только его названия и не утратил способности замирать сердцем, когда героиня Милы Йовович передергивает затвор.

Я убежден, что такие блокбастеры должны сниматься – хотя бы потому, что иногда они прибыльны. Когда фильм стоимостью в 33 миллиона собирает в американском прокате 40 миллионов, это можно хотя бы с натяжкой, но счесть коммерческим успехом. Да и фанатам игры, говорят, понравилось – давайте уж запишем и это в список андерсоновских побед. А в провалы запишем отсутствие буквально всего, что давало бы его фильму право называться художественным, – актерской игры, постановочного искусства, эстетической концепции, внятного сценария, ума...

Алексей Д. Садецкий

Рейтинг «ЗД»:

За кадром

Сергей Бережной

ТЕ, КТО ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Из истории киновампиризма

Вампиры давно стали частью повседневной действительности. Мы много знаем о них, наизусть помним имена самых знаменитых, вышучиваем связанные с ними масскультные штампы.

Вампиры оказывают на нас такое же влияние, как и другие литературные и исторические персонажи, чьи образы глубоко отпечатались в нашей подкорке. Дракула не менее реален для нас, чем Иван Грозный, а манерный Лестат вполне сравнялся по популярности с Печориным.

Они запечатлены в нашем сознании. Они внедрены в наш менталитет. Они влияют на нас, они делают из нас то, что мы есть, — наравне с Дон Кихотом, д'Артаньяном, Остапом Бендером и Воландом. Помните издевательское перечисление в песне Тимура Шаова настойчиво повторяющихся на телеэкране образов: *«Бэтмен, Дракула, Киркоров, Штирлиц, Путин, Мимино»*...

В образах вампиров сконцентрировался целый ряд символов, важных для существования всего человечества.

Вот кровь — всеобъемлющий символ, в котором слиты жизнь и смерть. Вампиры, пьющие живую кровь, вместе с ней отнимают у человека и жизнь — и продолжают жить именно благодаря этому.

Мы, люди, — существа дня, тогда как вампиры — дети ночи. Они нормально чувствуют себя на свету — но только не под лучами солнца, ко-

торое поддерживает нашу жизнь. Мы ведем свой род от солярных богов. Они – от повелителей теней...

Вот укус вампира – острый поцелуй, метафора соития. Чем дальше, тем отчетливее этот укус приобретает эротическое и сексуальное значение в культуре XX века.

Стать вампиром – значит обмануть неизбежную смерть. Мысль о бессмертии разве не обжигает вас горячим соблазном?

И – last but not least – чем дальше, тем больше они становятся нами. Они множатся, объединяются в семьи, устанавливают законы, избирают правителей...

Интродукция

С сожалением пропустим все забытые читателями попытки одних людей поведать другим о вампирах. Это не удалось Гете, Кольриджу, Стеггу, Саути...

Лорд Рутвен также избег долгой славы. Повесть, написанная личным врачом лорда Байрона по наброскам своего благородного пациента, вывела этого героя в свет, но после краткой вспышки интереса оставила его в литературной тени. Со второй половины XIX века лишь изредка набегал на таинственного лорда ищущий лучик чьего-нибудь памятливого таланта...

«— Я хочу сказать, что это тот самый лорд Рутвен.

— Какой лорд Рутвен?

— Да наш вампир, которого мы видели в театре Арджентина.

— Неужели? — воскликнула графиня. — Разве он здесь?

— Конечно.

— И вы видитесь с ним? Он у вас бывает? Вы посещаете его?

— Это мой близкий друг, и даже господин де Шато-Рено имеет честь быть с ним знакомым.

— Почему вы думаете, что это именно он взял приз?

— Его лошадь записана под именем Вампа».

Александр Дюма не даром дал Эдмону Дантесу еще и этот псевдоним – тем самым он вовлек в свой роман все богатство смыслов, которые несла с собой легенда. Аристократизм, жестокость, верность темной стороне, смерти и крови...

И все-таки лорд Рутвен молча отказывался от своей славы. Он был слишком литературен, чтобы имя его стало восприниматься так же остро, как лезвие гильотины. Он был слишком молод для смерти.

Зато граф Дракула оказался достаточно стар для жизни. Роман Брэма Стокера, вышедший в 1897 году, немедленно приобрел бешеную популярность, и с тех пор грозное прозвище валашского господаря Влада Цепеша стало нарицательным, намертво срослось с образом вампира.

Успех романа захватывает все новые сферы. Вскоре инсценировка «Дракулы» уже ставится в театре...

А в 1920 году в Москве снимается первая киноверсия романа – к сожалению, не сохранившаяся. В 1921-м подобную же попытку предпринимают в Будапеште – этот фильм также считается утраченным.

Для выхода на экран Дракуле нужна была помощь еще одного гения.

Симфония ужаса

В 1921 году немецкий продюсер Альбин Грау обращается к вдове Брэма Стокера с просьбой разрешить экранизацию романа в Германии. Переговоры заканчиваются неудачей, но режиссер фильма Фридрих Вильгельм Мурнау уже не может отказаться от замысла, захватившего его целиком. Он меняет в сценарии имена основных персонажей (Дракула стал Орлоком, Харкер – Хаттоном, и так далее), переносит действие из Лондона в Бремен – и начинает съемки.

Так рождается первый зримый образ вампира, захвативший и ужаснувший послевоенную Европу.

Мурнау мечется, экспериментирует с камерой, делает несколько эпизодов при замедленной скорости пленки, впервые монтирует вместе негатив и позитив, на открытом воздухе снимает настоящую гиену и живых инфузорий под микроскопом... Вряд ли сегодняшний зритель способен оценить всю степень технического новаторства Мурнау. Экспрессионизм его фильма давно превзойден, звук и цвет отучили нас ловить изменения контраста и выразительность черно-белого немого изображения. Но даже сегодня его картина затягивает, словно в водоворот...

Фильм получает название «Носферату: Симфония ужаса».

Графа Орлока играет малоизвестный тогда актер Макс Шрек **(на фото вверху)**. Впоследствии он сыграет еще несколько десятков ролей, но в истории кино останется прежде всего исполнителем этой. Лицо его

в памяти зрителей навсегда скроет жестко скроенный грим – угловатое и хищное, словно крысиная морда, лицо вампира. Лысая голова, втянутая в высокий воротник длинного сюртука, торчащие заостренные уши, выступающие из-под верхней губы два передних зуба, огромные глаза... И – выразительнейшая пластика, тесные и острые жесты существа, столетия проведшего в гробу.

Именно этот образ стал фундаментальным для последующей «вампирской» традиции в кино. Каждый раз, когда на экране должно было возникнуть нечто древнее, граф Орлок просыпался и вставал перед камерами. Именно он вылез из гроба в телеэкранизации «Жребия Салема» Стивена Кинга, именно ему пускал синюю кровь главный герой в совсем недавнем «Блэйде-2», и – самое важное – именно он возродился на экране в гениальной «Тени вампира», о которой нам предстоит поговорить отдельно...

Пока же вернемся в 1921 год.

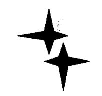
Мурнау снимает фильм о хищнике, полностью лишенном человеческой души. Он многократно подчеркивает низменную нечеловеческую сущность вампиризма: вот росянка хватает муху, полупрозрачная гидра – микроскопического рачка-циклопа, спятивший под влиянием Орлока Кнок поедает насекомых... Голодный Орлок превращается в жуткое неостановимое существо, которое движимо явно не разумом, но тем же низменным инстинктом хищника. Его лицо в такие мгновения совершенно неподвижно, огромные глаза распахнуты, он перемещается как будто не силой своих мускулов, кажется, что его кто-то подталкивает, переставляет с места на место...

Важно и то, что противостоит ему не профессор ван Хелсинг – он (под именем профессора Булвера) появляется в картине лишь как проходной персонаж, – а Эллен, жена Хаттона. Она телепатически чувствует опасность, которая грозит ее легкомысленному мужу в замке Орлока, а затем, когда граф оказывается в Бремене, находит способ уничтожить Носферату, принеся себя в жертву вампиру.

Фильм сделал Мурнау легендой немого кинематографа, а живые легенды редко переживают гибель свой эпохи. В 1931 году, когда звук уже прочно воцарился на экране, Мурнау погиб в автомобильной катастрофе.

К этому времени «Носферату» был уже практически убит: вдова Брэма Стокера выиграла процесс о нарушении унаследованных ею авторских прав и по ее требованию почти все копии картины были уничтожены.

Но к тому времени вампир, принявший новый облик, вновь готов был предстать перед потрясенной публикой.

Балет вурдалаков

В 20-е годы компания «Universal» и ее основатель Карл Лаэмль были главными американскими создателями кинокошмаров, а лицами большинства этих кошмаров были лица Лона Чейни **(на фото внизу)**.

Сын глухонемых родителей, он стал одним из самых выдающихся актеров эпохи немого кино. Звезда его вспыхнула на десятом году кинокарьеры, когда за спиной у него было уже более 120 сыгранных ролей: в фантастическом триллере «Сделка вслепую» (1922) он сыграл одновременно уродливого хирурга и созданное им обезьяноподобное чудовище. С этого момента его собственное лицо почти не появляется на экране – он каждый раз строит для новой роли новую маску.

Только вехи. В 1923 году Лаэмль продюсирует «Горбуна из Нотр-Дам» – и Лон Чейни играет Квазимодо. В 1925-м Лаэмль и Чейни потрясают зрителей ужасным лицом Эрика из «Призрака Оперы». В 1927-м Чейни и его старый приятель Тод Браунинг снимают детективный триллер «Лондон после полуночи», в котором Чейни предстает перед зрителями в том числе и в маске вампира...

Впрочем, это была именно маска. Но Чейни задумал сняться в роли настоящего вампира. Он предложил экранизировать «Дракулу». Лаэмль и Браунинг идею поддержали, и «Universal» специально для этого проекта приобрела права на бродвейскую сценическую адаптацию романа Стокера.

Этот «Дракула» должен был звучать. С 1928 года кино обрело голос, а к 1930-му даже Лон Чейни решил предать Великого Немого и в «Несвятой троице», очередном своем фильме, заговорил сразу пятью разными голосами. Но Человек Тысячи Лиц не успел стать Человеком Тысячи Голосов: рак сожрал его гортань, отняв у него сначала голос, а затем и жизнь.

Еще одна легенда, не пережившая своей эпохи...

Картина вышла на экраны в день Святого Валентина 1931 года. Афиши как будто отбрасывали на мостовую тень человека в плаще с высоким воротником, а под названием значилось, словно предупреждение: «История самой невероятной страсти из всех, известных миру»...

Это был силуэт нового Дракулы.

Он появлялся на экране под аккомпанемент классической музыки и сам был классичен: строгий аристократический костюм, тщательно подстриженные и уложенные волосы, орден на шее, величавая походка, странный европейский акцент.

– Я – Дракъюла, – сказал он. – Я приглашаю вас войти.

Эта фраза тоже стала классикой.

Эмигрант из Венгрии Бела Лугоши был приглашен на эту роль по двум причинам. Во-первых, Браунинг уже снимал его в одной из своих лент; во-вторых, именно Лугоши играл Дракулу в той самой бродвейской постановке. Выбор оказался судьбоносным: в течение многих десятилетий любое появление на экране вурдалака копировало этот знаменитый выход, а высокие воротники, темные плащи и акцент стали верными признаками киновампиров.

Новый Дракула был гораздо более человечен, нежели граф Орлок. Ему не чужда была театральность. Изящество, с которым он взмахивал плащом, его осанка и ироническая усмешка свидетельствовали о хорошей породе. Он был органичен и в затянутых паутиной покоях своего замка, и на темных улицах Лондона. Он ни разу не предстал перед зрителем выползающим из могилы – это могло разрушить образ. Актер-вампир, который успешно играл смертного перед смертными и совершенно естественно раздражался, когда его игру раскрывал профессор ван Хелсинг.

И еще: у него не было клыков. Лон Чейни непременно сделал бы что-нибудь со своими зубами, но Лугоши не стал этим озабочиваться. Его крупные планы были выразительны и без бутафории, а когда следовало придать лицу Дракулы особо зловещее выражение, его глаза подсвечивали фонариками.

Граф Орлок, словно зверь, прятался в своей норе. Граф Дракула рискнул выйти в люди в образе человека.

У него оказалось много последователей. И некоторым из них повезло больше, чем ему.

Окончание очерка читайте в следующем номере «ЗД».

КИБЕР-
ПРОСТРАНСТВО

Несекретные файлы

Приставки покоряют мир

По данным агентства «Nikkei Market Access», в 2002 году количество выпущенных в мире компьютерных игровых приставок достигнет рекордной цифры 41,57 млн. устройств, что на 36,9% выше объемов производства в 2001-м.

Крупнейшим производителем на этом рынке сегодня является японская компания «Sony Computer Entertainment». Объемы выпуска игровой консоли PlayStation 2, которая пользуется большим успехом у покупателей, постоянно увеличиваются и к октябрю могут достичь 3 млн. устройств в месяц. Компания «Nintendo» также наращивает производство своих приставок GameCube, в то время как объемы выпуска приставок Xbox компании «Microsoft» пока отстают от намеченных ранее показателей.

На этом фоне вновь разгорелась ценовая война между производителями приставок. Компания «Sony» объявила о снижении цены на PlayStation 2 в Европе ориентировочно до 267 долларов, а буквально через несколько часов «Microsoft» сообщила о том, что розничная цена Xbox снижается примерно на 63 доллара. Тем не менее даже эта мера не позволит продукции «Microsoft» всерьез потеснить конкурента. Слишком много выпускается для PlayStation 2 хороших игрушек, к тому же «Sony» уже открыла доступ к онлайновой службе, поддерживающей многопользовательскую игру через Интернет, а «Microsoft» и «Nintendo» пока еще только создают такие сервисы.

Чудовища Гиммлера – на большом экране

Скоро начнутся съемки еще нескольких кинокартин, связанных с популярными компьютерными играми. На этот раз объектами экранизации станут трехмерные «стрелялки» «Return to Castle Wolfenstein» и «Alien vs. Predator». Напомним, что к настоящему времени экранизировано уже несколько подобных игр, включая «Tomb Raider» (фильм «Лара Крофт – расхитительница гробниц» с Анжелиной Джоли в главной роли) и «Resident Evil» (вышедшая нынешним летом картина «Обитель зла», которая отрецензирована в этом номере «ЗД» на стр. 147).

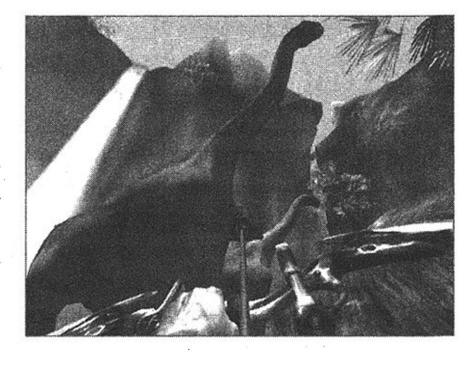
Экранизацией «Alien vs. Predator» займется режиссер Пол Андерсон, снявший «Обитель зла». Интересно, что эта игра сама по себе базируется на двух киносериалах – «Хищник» и «Чужие». Так что новый фильм будет настоящим гибридом: в его основу лягут две части игры «Alien vs. Predator», четыре ленты о Чужих и две – о Хищнике.

Фильм по мотивам «Return to Castle Wolfenstein», скорее всего, будет соответствовать сюжету игры, в которой нужно помешать главе СС Генриху Гиммлеру создать непобедимую армию чудовищ.

Play the Game!

Вышла в свет третья часть игры «Earth 2150» – она называется «Lost Souls» и развивает сюжетные мотивы двух предыдущих частей («Earth 2150» и «The Moon Project»). На первый взгляд все достаточно банально и предсказуемо: в 2150 году Землю опустошает глобальный катаклизм, после чего оставшемуся населению остается только бороться за существование. Но «изюминка» игры заключена в ее жанре: это стратегия в реальном времени. Играющему предстоит позаботиться не только о том персонаже, за которого он играет, но и обо всех уцелевших...

1 сентября начались продажи «стрелялки» под названием «Turok: Evolution». Создатели игры обещают «эпические приключения в непроходимых джунглях и таинственных храмах, а также самых реалистичных и страшных динозавров за все время существования компьютерных развлечений». Любопытная подробность: в рамках рекламной кампании игры семейная пара из США, которая предварительно зарегистрировалась на сайте, 1 сентября родила ребенка (обогнав другие такие же пары) и назвала свое чадо Туроком, – эта пара должна получить премию в 10 000 долларов...

Популярный телесериал «Далекие горизонты» лег в основу одноименной игры, сделанной в жанре «3D action». Сюжет ее таков: враги атаковали и захватили космический корабль. Но двум членам экипажа удалось бежать на пустынную планету, где и начались их приключения... Игру озвучили актеры, снимающиеся в телесериале.

По материалам «3Д-информ» и сайта www.compulenta.ru.

Сергей Красиков

РАЗГОВОРЧИКИ В СЕТИ

«Звездная дорога» публикует вторую часть статьи известного сетевого активиста, создателя форума «Старый Нуль-Т» (http://0t.webforum.ru). Первая часть была напечатана в прошлом номере нашего журнала.

Часть вторая. Интернет, в который играют люди

На тему «Разумен ли Интернет, а если да, то разумны ли его обитатели?» сказано и написано немало. Каждый побывавший в виртуальном пространстве через неделю-другую начинает примерять реальность Интернета на реальность окружающего мира. Испытуемого гложут сомнения, насколько оправданно многочасовое высиживание в Сети – не есть ли то побег от реальности или, наоборот, так ли уж нужна обрыдлая реальность за границами экрана компьютера?

Как обычно, все проще и сложнее: войдя в Интернет, вы влипли в очередной пласт той же самой действительности, что окружала вас прежде. Просто там немножко иначе. Сходные чувства испытывает человек, впервые вырвавшийся из-за «железного занавеса». Свобода... Да как бы не так! При всех цепляющих глаз отличиях в виде ярких баннеров, непривычных имен улиц и людей, разноцветного интеллектуаль-

ного шмотья, которое можно купить, а кое-что даже скачать забесплатно, мир вокруг ничуть не преобразился – под именем Дьявол Преисподней скрывается соседка по подъезду, а любимый писатель NN лишь приглядывается к вашим репликам, помалкивая, – от его имени выступает человек, не имеющий к NN никакого отношения, кроме негативного.

Но оставим разбор инициации (в конце концов, большинство из нас уже преодолело этот этап) и попытаемся понять, что же так притягивает жителей Интернета к экранам компьютеров. А разбираться долго не приходится, неудовлетворенность действительностью, неполноценность жизни вне Интернета – вот комплекс причин, заставляющих индивидуума искать новое. Впрочем, этот комплекс универсален: новое общение, новый сексуальный партнер, новые ощущения, мысли, слова необходимы тому, кто чувствует лакуну в жизни, кому не лень для заполнения этой лакуны приложить определенные усилия.

Соответственно, рыбак ищет рыбака, а в нашем случае любитель фантастики ищет другого любителя фантастики. Интимных связей не то чтобы «не предлагать» – они возможны, даже неизбежны в любом сообществе, в том числе и виртуальном, но дело совсем в другом: человек, прочитав книгу, жаждет обратной связи – от собрата читателя, от критика, писателя – не так уж и важно, от кого именно. Литература оказала на индивидуума настолько серьезное влияние, что он решился на Шаг с той самой буквы, с которой это слово написано. Потребитель превращается в созидателя: его мысли теперь читают ему подобные, спорят, соглашаются, ненавидят и дружат, все это с помощью буковок. Совершенно, казалось бы, противоестественным способом зарождается интернет-сообщество любителей фантастики, которое, в свою очередь, делится на группы по интересам.

Тут необходимо сделать отступление об эволюции творца внутри читателя. Прорвав первый внутренний барьер, даруя окружающим «свои лучшие мысли», новоиспеченный создатель, вопреки Бродскому, не ощущает их «товаром второго сорта». Напротив, почувствовав легкость общения, читатель пытается выдавить из себя писателя, чаще всего неудачно. Однако... Сколько бы ни говорили о том, что Интернет с успехом воплотил в жизнь препозицию о «насаждении миллиона обезьян за печатные машинки», в результате чего – при условии достаточно длительного эксперимента – получается роман Льва Николаевича Толстого «Война и мир», на практике происходит нечто другое. Как следствие расцвета интернет-графомании, сайтов, куда можно выложить собственные произведения, сетевых конкурсов зарождается Литература. Правда, то, что публикуется в Интернете, не всегда годится для бума-

ги. Слишком легко и безнаказанно можно тут нарушить всевозможные табу — от употребления обсценной лексики до неполиткорректной подачи материала. Вот и остаются шедевры новой литературы на дисках веб-серверов, выходят в малотиражных издательствах, а публикация даже таких известных произведений, как роман Баяна Ширянова «Низший пилотаж», ведет к скандалу и угрожающим письмам в адрес издательства от министерства культуры.

Ну да хватит о сетевой словесности: люди, регулярно посещающие форумы или чаты, представляют собой любопытнейший объект для исследования.

С одной стороны, они совершенно нормальные люди: у них, случается, бывает семья, работа, деньги, душевное равновесие (хотя соединение всего вышеперечисленного в одной личности — в любом случае редкость). Но «Марья Петровна, жена провизора, когда муж на работе», может запросто бузить на любимом фантастическом форуме под мужским именем-ником. Зачем ей это нужно, вроде понятно, а вот к чему это может привести и зачастую приводит... Последствия могут быть самые разнообразные.

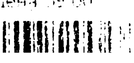
Известный писатель в сетевой баталии может проиграть непрофессионалу и скатиться до прямых оскорблений. Критику, знатоку фантастики указывают на фактические ошибки в его работах люди, казалось бы, с улицы. Филологу для утверждения своей правоты приходится предъявлять последний козырь — диплом.

Хотя... Хотя чаще всего происходит обратное: писатель оказывается мудрее поверхностного читателя (нельзя забывать, что возраст посетителей форумов по большей части невелик), критик, филолог — профессиональнее рядового участника дискуссии.

Вот и приходится читателям спорить, ругаться, доказывать собственную правоту своим же собратьям, которые за словом в карман не лезут, тем более — за обидным словом.

Впрочем, с какой стати я занимаю позицию третейского судьи, стою над схваткой? Я точно такой же читатель, не лучше и не хуже других приходящих на форум «Старый Нуль-Т». Я, случается, некрасиво ругаюсь, глядя со своей колокольни, занимаюсь самодурством при модерации (управлении форумом), ибо кто я, чтобы выдавать собственный взгляд за объективную истину? Но мне интересно, когда вдруг среди серого большинства я встречаю родственную душу, с которой могу спорить, говорить, шутить на равных, не опасаясь сболтнуть лишнее, открыться и показаться смешным.

Для таких вот встреч, наверное, и нужнь

В ближайших номерах

«Звездной дороги»

читайте повести и рассказы

Василия Головачева,

Елены Хаецкой, Алекса Орлова,

Говарда Уолдропа, Северны Парк

Подписные индексы журнала –

81935 (каталог «Роспечать»)

или 38429 (Объединенный каталог)

